

67.629.42

A-84

ТАКТИКА И ЭТИКА СУДЕБНОГО ДОПРОСА

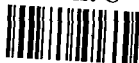
Л. Е. АРОЩЕР

Адвокат
Ф. Р. И. С. Л. П.

ТАКТИКА И ЭТИКА СУДЕБНОГО ДОПРОСА

Л. Е. АРОЦКЕР

НБ ПНУС

573813

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» Москва — 1969

Ароцкер Л. Е.

34С65 Тактика и этика судебного допроса, М., «Юридическая литература», 1969.
А 84
120 с.

В книге впервые в советской юридической литературе вопросы тактики допроса рассматриваются в связи с нравственными, этическими принципами судебной деятельности. Автор раскрывает сущность допроса как способа получения необходимой суду информации о событиях преступления от подсудимого, свидетеля, потерпевшего, а также эксперта.

В работе изложены рекомендации по подготовке к допросу в суде, показаны особенности его тактики и этики.

Книга рассчитана на работников суда, прокуратуры, адвокатуры, преподавателей и студентов юридических учебных заведений.

1—10—2

60—69

Ароцкер Лев Ефимович

«ТАКТИКА И ЭТИКА СУДЕБНОГО ДОПРОСА»

Редактор Н. П. Мартынова. Обложка художника В. Д. Грызлова.
Художественный редактор И. Е. Сайко. Технический редактор А. А. Густовская. Корректор В. П. Лейбовская.

Сдано в набор 21/X-1968 г. Подписано в печать 26/XII-1968 г. Бумага типографская № 2, формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 6,30; учет.-изд. л. 6,78.
Тираж 12 000 экз. А-12503.

Издательство «Юридическая литература», Москва, К-64, ул. Чкалова, д. 38—40.

Заказ № 6014.

Областная типография Ивановского управления по печати,
г. Иваново, Типографская, 6.

Цена 41 коп.

БІБЛІОТЕКА
Івано-Франківського
педагогічного інституту
543/113

Глава первая

СУЩНОСТЬ СУДЕБНОГО ДОПРОСА

§ 1. Предмет судебного допроса и его особенности

1. Допрос относится к числу процессуальных действий, которые проводятся судом по каждому уголовному делу. Специфические условия судебной деятельности определяют большие возможности использования допроса подсудимых, свидетелей, потерпевших для выяснения существенных обстоятельств дела. Допрос в суде, как и на предварительном следствии, будучи способом получения доказательств, представляет собой важнейшее процессуальное средство установления фактических данных, имеющих доказательственное значение.

К предмету судебного допроса относятся все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления, обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер ущерба, причиненного преступлением, и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ст. 68 УПК РСФСР)¹. Предметом допроса могут быть отношения между подсудимым, потерпевшим и свидетелем, проверка законности процессуальных действий и все другие данные, имеющие значение для дела².

¹ Здесь и в дальнейшем при ссылке на УПК РСФСР, имеются в виду соответствующие статьи УПК других союзных республик, если иное не оговорено по тексту.

² А. Л. Ривлин, Предмет допроса в советском уголовном процессе, Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 2, Харьков, 1940, стр. 101—112; Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел, под ред. А. Н. Мишутина, М., 1963, стр. 86.

Предмет допроса на предварительном следствии и в судебном разбирательстве в принципе одинаков. Однако в этих стадиях процесса он может быть и различным. На предварительном следствии нередко он более широкий, поскольку в начальной стадии расследования, проверяя несколько версий, следователь вынужден выяснять обстоятельства, и не относящиеся к делу. В подобных случаях предмет судебного допроса оказывается более узким, так как его пределы очерчены обстоятельствами дела, сформулированными в обвинительном заключении. Но он может быть и шире, чем на предварительном следствии. Это происходит, например, тогда, когда суд проверяет новую версию, не совпадающую не только с версией обвинения, но и с другими версиями, проверявшимися при расследовании.

Общий предмет допроса определяется в целом уголовно-процессуальным законом. Однако по каждому уголовному делу он конкретизируется обстоятельствами дела.

Правильное определение предмета конкретного допроса обеспечивает его полноту и всесторонность, позволяет точно формулировать задачи, а иногда и определить, какие формы судебного допроса и тактические приемы необходимы в данном случае.

2. Процессуальная природа допроса не изменяется от того, что он проводится в суде, но формы и тактические приемы его проведения имеют свои особенности, определяемые, во-первых, специфическими процессуальными условиями и обстановкой судебного следствия, во-вторых, своеобразием показаний подсудимых, свидетелей и потерпевших, обусловленным тем, что они, как правило, в суде дают показания после того, как их уже допрашивал следователь.

В судебном допросе по сравнению с допросом на предварительном следствии принимает участие большее число лиц и выражают они различные конкретные интересы, соответствующие их процессуальным положениям. Наряду с составом суда в допросе принимают участие прокурор и общественный обвинитель, потерпевший, подсудимый, защитник, общественный защитник, гражданский истец и гражданский ответчик и их представители; некоторые из этих лиц (подсудимый, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик) являются и допрашиваемыми, и допрашиваемыми.

Обстановка гласного и открытого судебного заседания, присутствие при допросе граждан, в числе которых могут быть родственники и знакомые допрашиваемого, определяют своеобразие условий, в которых проходит судебный допрос, отличающихся от обстановки следственного допроса. Кроме того, допрашиваемый в суде знает, что любое его показание, изменение показаний тотчас же фиксируются в протоколе судебного заседания, в то время как следователь в большинстве случаев вначале допрашивает и выслушивает показания, а затем уже составляет протокол.

Следователь в ходе допроса может использовать все имеющиеся в деле доказательства для изобличения обвиняемого, поскольку последний не всегда знает, какими доказательствами его вины располагает допрашивающий. Суд же имеет дело с подсудимым, неоднократно допрашивавшимся следователем, знакомым со всем доказательственным материалом, имеющимся в деле (ст. 201 УПК РСФСР). Свою осведомленность подсудимый подчас использует во время дачи показаний в суде. Данным обстоятельством нередко и объясняется тот факт, что на предварительном следствии, не зная, какими доказательствами располагает следователь, обвиняемый признает себя виновным, а после ознакомления с материалами дела в суде отрицает свою вину либо частично изменяет показания. Это отличие показаний подсудимого от показаний обвиняемого предопределяет своеобразие тактики его допроса в суде.

Характерны и некоторые моменты, связанные с психологией свидетельских показаний. В суде, как правило, допрашивают тех лиц, которые уже один или несколько раз допрашивались следователем. Показания их к этому моменту проходят такие стадии формирования: получение, накопление и обработка информации, ее запечатление, сохранение и реконструкция, воспроизведение, словесное оформление и передача информации при допросе следователем, затем, через какое-то время, повторное, новое свидетельствование в суде¹. В последнем случае свидетель воспроизводит не только информацию, воспринятую и запомнившуюся в связи с какими-то событиями по делу, но

¹ А. Р. Ратинов, Психологические основы расследования преступлений, автореферат докторской диссертации, М., 1967, стр. 29; его же, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 176—195.

и то, что он показывал следователю¹. К показаниям в суде он иногда добавляет новые факты, о которых следователю не говорил, поскольку вспомнил о них после допроса на предварительном следствии или только в зале суда². Указанное необходимо учитывать при выборе тактических приемов допроса и оценке показаний свидетеля в суде.

Свидетельские показания могут неадекватно отражать действительность из-за того, что свидетель неправильно воспринял, неточно и неполно запомнил определенные факты, неверно воспроизвел их в показаниях на следственном допросе.

Иногда, сравнивая показания свидетеля в суде и на предварительном следствии, можно обнаружить в них противоречия, позволяющие предполагать, что свидетель в суде дал ложные показания. Однако известно, что часто причина данных противоречий кроется не в заведомой лживости показаний свидетеля в суде, а в неправильном восприятии свидетельских показаний следователем или неточной их записи³.

Ю. Д. Идашкин отмечает, что следователь записывает смысл показаний в том виде, в каком этот смысл им постигается. «Резкие расхождения сразу же обращают на себя внимание и обычно проверяются и уточняются. Расхождения, незначительные в деталях, кажущихся несущественными, нередко следователь непроизвольно опускает, они как бы ускользают от его внимания, не включаясь в сложившийся уже образ события. Существует также опасность прямого искажения показаний, если следователь неправильно усваивает смысл показаний свидетеля»⁴.

¹ Речь идет о явлении, именуемом «репродукцией воспроизведения» («Теория доказательств в советском уголовном процессе», часть Особенная, М., 1967, стр. 102).

² Кертэс Имре, Тактика и психологические основы допроса на предварительном следствии, канд. диссертация., М., 1961, стр. 313.

³ Известный русский судебный деятель П. Сергеевич в 1910 году в своей книге писал: «Следователь в большинстве случаев записывает показания телеграфным стилем, свидетель же говорит простым разговорным языком; следователь опускает «ненужные подробности», а свидетель простодушно повторяет их, не подозревая, что они могут быть неудобны той или другой стороне» («Искусство речи на суде», М., 1960, стр. 88).

⁴ «Криминалистика и психология», «Вопросы криминалистики», М., 1961, № 1—2, стр. 39. Ф. Н. Плевако в своей речи по делу Максименко говорил: «Обыкновенно свидетель или забыл, что говорил прежде, если прежде, по напоминании, ему кажется вероятнее позднего показания; или свидетель настаивает на позднем показании, утверждая, что следователь его не понял, и он подписал неверно вос-

А. Р. Ратинов правильно обращает внимание на то, что в уголовных делах часто встречаются «стилизированные» протоколы, в которых все говорят на одном и том же языке: инженер и колхозник, ребенок и ученый. «Следовательно, — пишет он, — произвольно вкладывает в их уста свою собственную, не свойственную им речь», а отсюда и «огромная разница» между устными показаниями на суде и письменными протоколами допроса¹.

Заместитель Председателя Верховного Суда РСФСР Н. Прусаков по этому же поводу пишет: «К сожалению, встречаются дела, по которым следователи неточно излагают показания свидетелей в протоколе допроса, а на возражения свидетеля, что его показания в протоколе искажены, заявляют свидетелям, что эти детали он, мол, уточнит в суде.

«Уточненные» же судом показания нередко диаметрально отличаются от данных на предварительном следствии»².

Суду нужно учитывать такую возможность, иначе отличие неточно зафиксированных следователем показаний свидетеля от показаний данного лица в суде может быть ошибочно истолковано как результат изменения показаний.

Перед допросом свидетеля, ранее допрошенного следователем, суд из материалов дела знает в целом, о чем тот будет говорить во время допроса, и поэтому отступление от показаний, данных следователю, нередко неправильно рассматривается судом как умышленное изменение свидетельских показаний.

Свидетель в своих показаниях в суде в результате добросовестного заблуждения может непреднамеренно исказить те или иные факты, осветить их неточно либо не так, как следователь зафиксировал в протоколе. Наконец, свидетель может умышленно извратить факты и дать заведомо ложные показания в суде. Задача судебного допроса состоит в том, чтобы, устранив все указанные отрицательные моменты, получить достоверные показания³.

произведенное показание» («Судебные речи известных русских юристов», М., 1956, стр. 397).

¹ Л. М. Карнеева, А. Р. Ратинов и М. П. Хилдебек, Применение звукозаписи в следственной работе, М., 1967, стр. 11.

² Н. Прусаков, Необходимое условие высокой культуры, «Советская юстиция» 1966 г. № 14, стр. 8.

³ Еще И. Бентам писал: «Только при помощи допроса неопределенное показание становится подробнее и запоминается всеми характеристическими особенностями; только при помощи допроса спутанное показание становится точным и выходит из тумана, его окружающе-

Все отмеченные особенности показаний свидетелей в суде определяют специфику и своеобразие тактики судебного допроса, основанной на данных психологии и разработанных криминалистикой приемах и методах допроса.

Судебный допрос — сложное процессуальное действие. Специфические условия судебной деятельности и своеобразие показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей к моменту судебного допроса делают его не менее сложным, чем допрос на предварительном следствии. Показания обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, полученные в ходе расследования, не могут рассматриваться судом в качестве эталона правдивых и достоверных показаний. Суд может использовать для обоснования приговора лишь показания, полученные и проверенные в суде¹.

Нужно отметить, что успеху допроса в суде способствует спокойная, деловая обстановка. Важно, чтобы во время допроса подсудимых, потерпевших, свидетелей люди не входили и не выходили из зала заседания, так как эти перемещения мешают допросу, отвлекают внимание как допрашивающих, так и допрашиваемых. Следовало бы установить такой порядок, чтобы в зал судебного заседания можно было входить и из зала выходить только в перерывах. Обстановка судебного заседания должна помогать судьям установить психологический контакт с допрашиваемыми лицами, что имеет немаловажное значение при допросе².

го» (И. Бентам, О судебных доказательствах, Киев, 1876, стр. 59—60).

¹ Поэтому нельзя полностью согласиться с криминалистами из ГДР Б. Гертигом и Р. Шедлихом, которые, отмечая разницу между судебным допросом и допросом при расследовании, недооценивают сложности судебного допроса. Они пишут: «В то время как допросы судьи раскрывают уже в общем и целом известное содержание дела, чтобы проверить, действительно ли доказательственный материал не имеет пробелов, допросы следователя по существу являются проникновением в частично еще не исследованную область» (B. Gertig, R. Schädlich, *Lehrbuch für Kriminalisten*, Berlin, 1955, S. 284).

² В иностранной литературе по поводу обстановки, в которой проходит судебный допрос, нередко высказываются далекие от науки взгляды. Так, западногерманский криминалист Ф. Майнерт считает, что барьеры судебного стола мешают установить контакт с допрашиваемым и лично, непосредственно влиять на него. При допросе, указывает этот автор, судьи должны видеть допрашиваемого с головы до ног и следить за движениями его рук, ног и т. п. Ф. Майнерт утверждает, что успешный допрос не может быть произведен «снизу вверх» и поэтому судьи сидят за столом, который настолько поднят,

§ 2. О судебной этике и нравственных началах судебного допроса

Анализ норм УПК РСФСР и других союзных республик позволяет отметить, что во многих из них выражены нравственные начала. В качестве примера можно назвать ст. ст. 181, 183 УПК РСФСР, посвященные освидетельствованию и следственному эксперименту. С учетом нравственных начал в судопроизводстве сформулированы ст. ст. 158, 165 УПК РСФСР, запрещающие ставить допрашиваемым наводящие вопросы, и ст. ст. 270, 280, 283 УПК РСФСР, относящиеся к судебному допросу.

Очевидно, однако, что в УПК не могут найти и не находят полного выражения все нравственные начала допроса. Лишь наиболее важные и существенные из них переросли из чисто нравственных норм в правовые. Например, запрет ставить наводящие вопросы.

Строгое соблюдение процессуальных норм, регламентирующих судебное разбирательство, высокая культура судебной деятельности, соблюдение всех этических требований во взаимоотношениях суда, участников процесса и всех проходящих по делу лиц обеспечивают выполнение воспитательных функций суда.

А. Ф. Кони, рассматривая нравственные начала деятельности суда, в свое время писал: «Можно также настойчиво желать, чтобы в выполнение форм и обрядов, которыми сопровождается отправление правосудия, вносился вкус, чувство меры и такт, ибо суд есть... школа. Здесь этические требования сливаются с эстетическими, оправдывая внутреннюю связь...»¹.

В философской литературе термины «мораль» и «нравственность» употребляются как тождественные и равнозначные. Термином «этика» обычно называют философскую науку, изучающую мораль, теорию или учение о морали. Таким образом, этика — это учение или наука о морали, а мораль — предмет ее изучения.

Вместе с тем, надо подчеркнуть, в литературе термином «этика» определяют и нравственные требования к определенным специалистам. Так, крупнейший специалист по эти-

что они всегда обращаются к допрашиваемому сверху вниз» (F. Meinert, Vernehmungstechnik, Lübeck, 1956, S. 127—128).

¹ А. Ф. Кони, Нравственные начала в уголовном процессе, Избранные произведения, Госюриздат, 1956, стр. 36.

ке проф. А. Ф. Шишкин пишет об этике ученого¹. Другие авторы говорят об этике врача².

Нам представляется поэтому, что термином «этика» можно определять не только учение о нравственности, например учение о профессиональной нравственности юристов — «Судебная этика», но и говорить об этике судьи, прокурора, следователя и т. д. и даже об этике процессуальных действий, например, этике допроса.

Важнейшее значение для суда имеет судебная этика, являющаяся нравственным началом всей его деятельности.

Судебная этика — это учение о нравственных основах уголовного и гражданского судопроизводства, совокупность норм поведения и морали работников органов юстиции³ и судебных экспертов.

Судебная этика, основываясь на марксистско-ленинском учении об этике, на общих положениях этой философской науки, представляет своеобразное учение о профессиональной этике. Ф. Энгельс писал «...каждый класс и даже каждая профессия имеют свою собственную мораль...»⁴. В современных условиях развития нашего государства Моральный кодекс строителя коммунизма, сформулированный в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии, является высшим выражением коммунистической морали. Этот Кодекс содержит общие этические требования ко всем советским людям. Однако профессия судьи, следователя, прокурора, защитника и судебного эксперта требует соблюдения не только общих требований марксистско-ленинской этики. Между различными категориями людей, имеющими разные профессии, складываются специфические отношения, обусловленные своеобразием профессиональной деятельности. Поэтому судебная этика, исходя из общих требований Морального кодекса строителя коммунизма, содержит такую совокупность норм поведения и морали, которая соответствует специфическим условиям и обстановке деятельности суда и участников судебного разбирательства, следователей и судебных экспертов.

В общем учении об этике нормой поведения принято

¹ А. Ф. Шишкин, Об этике ученого, «Вопросы философии» 1966 г. № 2, стр. 14—25.

² Д. И. Писарев, Этика и мышление советского врача, М., 1963.

³ Под «работниками юстиции» подразумеваются судьи, прокуроры, следователи, адвокаты.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 298—299.

считать «тип или образец, или рамки поведения, одобряемые и санкционируемые обществом, классом, государством»¹. В судебной этике нормой поведения работников юстиции и судебных экспертов нужно считать только такое поведение, которое отвечает требованиям закона, коммунистической нравственности и профессионального долга.

Вопрос о профессиональной, судебной этике имеет важное значение для совершенствования деятельности всех административных органов, и в первую очередь суда. Работники юстиции имеют дело с живым человеком, от них в значительной мере зависит его судьба, будущее, а иногда и жизнь. У этих лиц складываются исключительные по своей серьезности и ответственности взаимоотношения с обвиняемым, подсудимым, потерпевшим, свидетелем. От принятого судьями, следователями, прокурорами решения, от заключения судебного эксперта нередко зависит судьба человека, его близких, родных. Вот почему в профессии работника юстиции, судебного эксперта особое значение приобретают честность, добросовестность, принципиальность, скромность, самокритичность. Одним из основных специфических требований судебной этики является объективность работника юстиции, умение принимать решения, соответствующие закону и собственному убеждению, стойкость по отношению к различным посторонним влияниям, соблюдение принципа равенства всех перед законом, толкование всякого сомнения в пользу подсудимого и обвиняемого.

Профессиональная честь судьи, следователя, прокурора требует, чтобы любые решения, принимаемые по уголовным и гражданским делам, строго соответствовали закону, их внутреннему убеждению, фактическим обстоятельствам дела. Они не вправе принимать решения, продиктованные извне, противоречащие их убеждению, совести. **Никакие конъюнктурные соображения здесь не могут служить оправданием, поскольку за каждым делом стоит судьба живого человека, которая не может быть безразлична работникам юстиции.**

К. Маркс в письме к З. Мейеру 30 апреля 1867 г. писал: «Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре»². В этом высказывании содер-

¹ А. Ф. Шишкин, О предмете этики как науки. «Вопросы философии» 1964 г. № 1, стр. 22.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 454.

жаты высокие нравственные требования, имеющие прямое отношение и к судебной этике. Даже самые ничтожные, на первый взгляд, ошибки представителей этих профессий играют особую роль и вызывают особый общественный резонанс. Небрежность, халатность, формализм, поверхностность в суждениях, скороспелость выводов, поспешность в принятии решений, равнодушие и безразличие к судьбе человека совершенно нетерпимы. В деятельности работника юстиции и судебного эксперта они не менее опасны, чем в деятельности врача, в которой отводится особая роль этике. Основными требованиями врачебной этики являются гуманность, человеколюбие и исходящий отсюда нравственный долг¹. Нельзя разумеется, ставить знак равенства между врачебной этикой и судебной этикой. То, что может быть этично в деятельности судьи, не будет признано таковым в работе врача. Например, судья может и должен в соответствии с законом объявить подсудимому смертный приговор, а для врача в высшей степени неэтично объявить больному о роковом исходе его болезни². Однако судебная этика, как и врачебная, должна быть пронизана идеей гуманности и высокой, безупречной нравственности. Только тогда суд может достигнуть эффекта в выполнении своих воспитательных функций. К. Маркс писал: «...воспитатель сам должен быть воспитан»³.

Судебная этика преследует цель определить нормы поведения и морали лиц, участвующих в судопроизводстве, которые бы стали их привычной, внутренней потребностью, а не только внешней формой поведения. В. Г. Белинский отмечал: «...внешняя чистота и изящество должны быть выражением внутренней чистоты и красоты»⁴.

А. С. Макаренко писал: «Настоящая широкая этическая норма становится действительной только тогда, когда ее «сознательный» период переходит в период общего опыта, традиции, привычки, когда эта норма начинает действовать быстро и точно, поддержанная сложившимся общественным мнением и общественным вкусом»⁵.

Практика деятельности советских органов суда, проку-

¹ В. Я. Данилевский, Врач, его призвание и образование, Всеукраинское гос. изд-во, 1921, стр. 357.

² Г. С. Пондоев, Заметки врача, Тбилиси, 1957, стр. 180.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 2.

⁴ В. Г. Белинский, Избранные педагогические сочинения, М.—Л., 1948, стр. 59.

⁵ А. С. Макаренко, О воспитании молодежи, М., 1951, стр. 112.

ратуры, МВД, адвокатуры позволяет наметить основные элементы, из которых складывается профессиональная судебная этика. К ним можно отнести: полную объективность, справедливость, принципиальную стойкость, неподверженность постороннему влиянию и давлению и самостоятельность в суждениях по любому вопросу, относящемуся к делу, оценку доказательств лишь по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, использование тактических приемов проведения процессуальных действий, не унижающих честь и достоинство участников этих действий, корректность в обращении с участниками процесса.

Разумеется, перечисленные элементы не исчерпывают всего объема понятий судебной этики, а лишь отражают наиболее важные из них. Философ П. Гольбах писал: «Этика есть наука об отношениях, существующих между людьми, и об обязанностях, вытекающих из этих отношений».

Судебную этику как учение о нравственных основах профессиональной деятельности работников юстиции и экспертов можно представить в следующем виде: общее учение об этике и профессиональной этике, этика судей, прокуроров, следователей, адвокатов и судебных экспертов, этические нормы деятельности по расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел, осуществлению обвинения и защиты, производству судебных экспертиз. К судебной этике должно отнести и этические нормы (этику) производства отдельных следственных и судебных действий (осмотра, допроса, очной ставки, предъявления для опознания и др.)¹.

Все основные положения профессиональной судебной этики определяют и содержание нравственных начал судебного допроса. Они вырабатываются многолетней практикой деятельности советского суда, наиболее последовательно демократического суда, и исходят из общих прин-

¹ Вопросы судебной этики, несмотря на их важнейшее значение для советского уголовного судопроизводства, еще не стали объектом творческой научной разработки. В значительной мере это объясняется той резко отрицательной позицией к судебной этике, которую в свое время занял Вышинский. Критика ошибочных взглядов Вышинского, к сожалению, не коснулась его позиции по вопросам судебной этики и не привела к активизации в этой области науки.

ципов коммунистической морали. Последняя является благотворной основой для формирования этики судебного допроса. Она определяется своеобразием допроса как судебного действия и профессиональной этикой судей, прокуроров, защитников и других участников судебного разбирательства, основанной на принципах коммунистической нравственности, учитывающей специфику профессиональной судебной этики и обеспечивающей выполнение задач уголовного судопроизводства и целей судебного допроса (получение от допрашиваемых лиц достоверной, истинной информации).

Этика судебного допроса содержит определенные нравственные нормы допроса, обеспечивающие строгое исполнение требований процессуального закона и достижение целей допроса. К таким нравственным нормам судебного допроса можно отнести: непримиримое отношение к любым фактам нарушения требований закона, относящихся к допросу, объективность, принципиальность, отсутствие предвзятости, тенденциозности, недоверия, подозрительности, запрет ставить наводящие, безнравственные вопросы, соблюдение чувства такта при допросе, постановка вопросов в спокойном тоне, запрещение ставить «улавливающие» вопросы в раздраженном тоне, запрет в ходе допроса комментировать, оценивать вслух показания допрашиваемого¹.

Это — общие нравственные нормы судебного допроса, которые должны соблюдаться всеми участниками судебного разбирательства.

Однако существуют нравственные нормы допроса, соблюдение которых определяется процессуальной и профессиональной спецификой участников процесса. Процессуальное положение прокурора (обвинителя) и защитника таково, что их интересы не совпадают по уголовным делам. Это не может не отразиться и на допросе. Так, если прокурор предполагает на основе имеющихся доказательств, что подсудимый дает ложные показания, он обязан использовать весь арсенал тактических приемов допроса для изобличе-

¹ В медицине существует целая группа так называемых иатрогенных болезней (иатрос по гречески — врач), вызванных неумелым поведением врача, его неосторожным словом. Явления, внешне подобные «иатрогенным болезням», возникают в суде в тех случаях, когда судьи, обвинители или защитники в ходе допроса делаю поспешные и неблагоприятные для допрашиваемого выводы, в ряде случаев необоснованные и оскорбляющие допрашиваемого. Нанесенная таким поведением психическая травма допрашиваемому и приводит нередко к тому, что такие лица отказываются давать показания.

ния подсудимого во лжи. Защитник же такой обязанности не имеет и не может иметь. Он должен использовать все законные средства на пользу подсудимому и не обязан изобличать его во лжи. Противоположная позиция защитника противоречила бы его профессиональному долгу и нравственным требованиям.

Примыкает к нравственным началам допроса и вопрос о профессиональной деформации — «профессиональном привыкании» судей, прокуроров, защитников. Это находит свое выражение в том, что за время трудовой деятельности у отдельных лиц в результате душевного огрубения появляется поверхностное отношение к своей работе, и в частности к допросу, чрезмерная самоуверенность в умении его провести, излишняя вера в профессиональное чутье и интуицию, игнорирование всего, что противоречит собственному мнению и т. п.¹. Упомянутые отрицательные свойства личности допрашивающего приводят к нарушению этики судебного допроса, предопределяют малый эффект от его проведения.

Ряд положений судебной этики в целом и этики судебного допроса в частности относится к культуре поведения работников юстиции при исполнении ими профессиональных обязанностей, т. е. к этикету. В теории марксистско-ленинской этики этикетом принято называть совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда).

Специфические условия судебной деятельности с неизбежностью вызывают необходимость соблюдения определенных правил судебного этикета; часть из них является своеобразной «ритуальной» формой этикета.

К судебному этикету относятся положения, выработанные длительной судебной практикой и ставшие уже традиционными. В их числе такие требования судебного этикета: когда суд входит в зал судебного заседания, все присутствующие встают, стоя выслушивают приговор суда; участники судебного разбирательства стоя обращаются к суду; подсудимые, потерпевшие, свидетели дают показания, а эксперт оглашает свое письменное заключение также стоя. Участники судебного разбирательства должны быть вежливы и корректны в обращении к суду и между собой, не

¹ А. Р. Ратинов, Психологические основы расследования преступлений, автореферат докторской диссертации, М., 1967, стр. 17.

вступать в пререкания, некорректные споры; при допросах они не должны допускать языковых вольностей, фамильярности, неуместных шуток и двусмысленных выражений. Во время судебного разбирательства судьи и участники процесса должны сидеть в естественных, но вместе с тем строгих позах, приличествующих ответственному судебному заседанию; судьями и всеми участниками процесса должна соблюдаться высокая культура речи (спокойный тон, вежливые интонации, корректные манеры во время постановки вопросов, выступлений и др.); суд и участники процесса должны быть в скромной и строгой одежде (прокурор, как правило, в форме)¹.

А. П. Чехов писал: «Надо быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически».

Судебный этикет содержит правила, повышающие культуру судебного разбирательства, способствующие эффективности производства судебных действий (особенно допроса) и создающие торжественно-официальную обстановку, вызывающую чувство должного уважения к суду.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении № 1 от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности»² обратил особое внимание на культуру судебного процесса, этику и этикет поведения его участников. Постановление способствует разработке и этической стороны одного из основных судебных действий — допроса.

Этика судебного допроса тесно связана с его культурой, как процессуальной, так и общей.

Одним из основных требований является строгое и неуклонное соблюдение всех норм уголовно-процессуального закона, относящихся к судебному допросу. Любое их **нарушение** является одновременно и нарушением этики и **культуры** судебного допроса.

Нормы Уголовно-процессуального кодекса определяют **общий и наиболее** целесообразный порядок допроса, гарантирующий соблюдение прав и интересов как суда, так и всех участников **процесса**. Вот почему этика, культура су-

¹ Представляется целесообразным, чтобы судьи и адвокаты в судебном заседании были **также** в соответствующей одежде, своеобразной форме. Это имело бы не только эстетическое значение, но и способствовало бы торжественности и воспитательному воздействию судебного разбирательства. Подобные предложения исходят и от судей («Советская юстиция» 1967 г. № 24, стр. 11).

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1967 г. № 2, стр. 9.

дебного допроса немыслима без соблюдения требований законности в допросе.

Этика судебного допроса проявляется в уважительном отношении к любому допрашиваемому со стороны каждого допрашивающего (судьи, обвинителя, защитника и др.). Не должно быть пренебрежения к личности допрашиваемого, предвзятости к его показаниям. Проявление раздражительности со стороны допрашивающего, неуместные реплики в адрес допрашиваемого, унижающие его достоинство, которыми иногда злоупотребляют, совершенно нетерпимы и являются элементарными нарушениями этики.

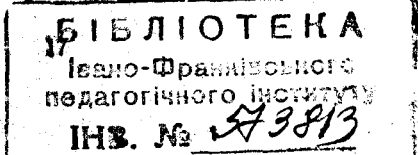
Необходимо доверие к допрашиваемому (в том числе и к подсудимому). Без такого доверия неизбежен предвзятый, явно тенденциозный подход, который может принести только вред. Всякая необъективность, какими бы благими намерениями, естественными чувствами возмущения и т. п. она ни оправдывалась, не может иметь место в допросе.

Вести допрос нужно так, чтобы допрашиваемому было ясно, что поставленные ему вопросы являются естественно необходимыми для выяснения истины и важно, чтобы он понимал, что допрашивающий стремится от него получить только правильные ответы. Допрашиваемого следует убедить в важности дачи правдивых показаний.

Одним из требований к судебному допросу является постановка конкретных и по возможности кратких вопросов, без длинных рассуждений допрашивающего, его комментариев. Не следует проявлять и излишней эмоциональности в вопросах. Нужны терпимость, уважительное отношение к вопросам своих процессуальных противников. Известно, что нередко в практике вопросы защитника вызывают неправильную реакцию у обвинителя и наоборот. Это приводит иногда к явным нарушениям этики и культуры судебного допроса.

Этика допроса требует, чтобы допрашивающие ставили лишь те вопросы, которые действительно относятся к обстоятельствам дела и выяснение которых необходимо. К сожалению, в практике еще нередки случаи, когда вопросы задают ради вопросов, многократно их повторяют, хотя в этом нет никакой надобности. В таких случаях судьи вынуждены снимать подобные вопросы, что приводит к созданию в открытом судебном разбирательстве нежелательных конфликтных ситуаций.

Такие нарушения этики судебного допроса, как предвзятый подход, откровенное недоверие к показаниям на-

зойливое многократное напоминание об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, раздражение, если на вопрос следует «неудобный» ответ, и многие другие. Подобные явления абсолютно нетерпимы, они снижают эффективность судебного допроса. При допросе должен быть спокойный, деловой тон, желание выслушать ответ на вопрос до конца, не перебивая допрашиваемого, не «дергая» его напромождением вопросов, не вступая в пререкания. Если допрашиваемый в своих показаниях отклоняется от существа дела, ему следует тактично предложить рассказать о фактах, имеющих отношение к делу, не комментируя «неблагоприятные» для допрашиваемого показания.

Неуважительное, неэтичное отношение к допрашиваемому иногда проявляется не только в тоне, но и в форме обращения. Отдельные судьи, прокуроры, защитники позволяют себе обращаться к допрашиваемому на «ты», хотя допрашивается взрослый человек. Нарушением этики судебного допроса являются и такие еще встречающиеся в практике случаи, когда судьи в нетактичной форме снимают вопросы защитника и прокурора, запрещают допрашиваемым отвечать на заданные вопросы, мотивируя тем, что «суду уже все ясно».

Этика судебного допроса требует, чтобы допрашивающий был правдивым, не пытался обманывать допрашиваемого, не прибегал к различного рода уловкам, направленным на то, чтобы «поймать» его на какой-то случайной фразе. Допрашивающий обязан спокойно показать подсудимому, свидетелю, потерпевшему несостоятельность их показаний, если имеются для этого объективные основания, и разоблачить их в даче ложных показаний. Но это нужно делать тактично, не унижая достоинства допрашиваемых лиц, без нервозности и раздражения. Допрашивающий не должен позволять себе сердиться и тем более проявлять это чувство вовне.

В судебной практике еще встречаются случаи, когда судьи, прокуроры, защитники задают вопросы повышенным тоном, настойчиво требуя от допрашиваемого подтверждения показаний, данных на предварительном следствии. Если же подсудимый, свидетель или потерпевший не подтверждают показания, допрашивающий откровенно выражает свое неудовольствие этим. Допрашивающий, даже если он и сомневается в правдивости показаний, не должен показывать, что подозревает свидетеля, подсуди-

мого в даче ложных показаний. Сомнения могут оказать-
ся необоснованными, а такое подозрение принесет лишь
вред допросу и по существу неэтично, оскорбительно для
допрашиваемого.

Допрашивающий (судья, прокурор, защитник) должен
быть во время допроса спокойным, вежливым, строго
официальным. Нарушением профессиональной этики сле-
дует считать рисовку, манерничанье, неуместные шутки,
прибаутки и комментарии со стороны допрашивающих¹.
Большим злом является постановка вопроса в повышен-
ном тоне, стремление во что бы то ни стало добиться
желаемого ответа, повторение ответа допрашиваемого с
искажением его содержания. Нельзя забывать, что тон
допроса должен быть вежливым, доброжелательным, так-
тичным, но без угодливости, слащавости, проявляемой
иногда отдельными участниками процесса.

§ 3. Формы судебного допроса

1. Судебный допрос имеет ряд специфических форм,
отличающих его от допроса на предварительном следст-
вии. В суде могут быть проведены основной, перекрестный
и шахматный допросы.

Обычно в суде производится допрос определенного ли-
ца (подсудимого, свидетеля, потерпевшего, эксперта)
всеми участниками процесса и судом. Такая форма допро-
са является основной. В ходе допроса суд и участники
процесса выясняют обстоятельства дела, интересующие
их. Последовательность проведения допроса различными
участниками процессуальной деятельности установлена
законом. Например, Уголовно-процессуальный кодекс
УССР предусматривает, что допрос вначале проводит
прокурор, общественный обвинитель, потерпевший, граж-
данский ответчик или их представители, защитник, обще-
ственный защитник, подсудимый, а затем судья и народ-
ные заседатели; суд может задавать вопросы любым уча-
стникам процесса для уточнения и дополнения показаний.
УПК РСФСР предусматривает, что допрос вначале осу-

¹ И. Д. Перлов правильно обращает внимание на то, что «совер-
шенно недопустимы случаи грубого отношения адвоката к допраши-
ваемому, развязности и унижения достоинства человека» («Адвокат в
советском уголовном процессе», М., 1954, стр. 180).

шествуют судьи, затем другие участники процесса. Судьи вправе задавать вопросы в любой момент судебного следствия (ст. ст. 280 и 283 УПК РСФСР).

Порядок допроса, предусмотренный УПК УССР, является более целесообразным. Он освобождает суд от необходимости делать то, что с большей пользой для дела может быть сделано участниками процесса под руководством суда. Лучше, если прокурор и защитник первыми, каждый со своих позиций, допросят подсудимого, потерпевшего или свидетеля по всем интересующим их обстоятельствам. Суд же сможет лишь уточнить неясные ему детали. Обязывать суд первым допрашивать подсудимого, на наш взгляд, нецелесообразно потому, что в этом случае суд вынужден брать на себя основную роль при допросе. Кроме того, проверяя в первую очередь версию обвинения, суд, естественно, будет стремиться выяснить прежде всего факты, обосновывающие данную версию. А это может создать впечатление обвинительной тенденции в допросе.

Допрос участниками процесса одного и того же лица позволяет всесторонне и полно выяснить все, что важно для суда. Цель допроса, осуществляемого любым из его участников, какие бы конкретные задачи он ни ставил, сводится к тому, чтобы помочь суду в выяснении всех существенных обстоятельств дела. Поэтому закон (ст. ст. 280, 283 УПК РСФСР) разрешает председательствующему устранять лишь вопросы, не относящиеся к делу. Все остальные вопросы могут выясняться допросом, и суд обязан способствовать в этом любому участнику процесса.

2. Своеобразной формой судебного допроса является перекрестный допрос. Так называют допрос одного лица, по одному и тому же обстоятельству дела, проводимый судом, обвинителями и защитниками, а также другими участниками процесса¹. Хотя в законе нельзя найти термин «перекрестный допрос», но сущность такого допроса отражена в ст. 304 УПК УССР: «Каждый участник судебного разбирательства имеет право задавать свидете-

¹ И. Д. Перлов правильно пишет, что «под перекрестным допросом понимают такой допрос, при котором стороны, участвующие в деле, могут поочередно ставить вопросы допрашиваемому по одному и тому же обстоятельству в целях проверки, уточнения или дополнения его показаний» («Адвокат в советском уголовном процессе», М., 1954, стр. 182).

лю дополнительные вопросы для выяснения или дополнения ответов, данных на вопросы других лиц».

М. С. Строгович считает, что в перекрестном допросе принимают участие только обвинитель и защитник. «...Судьи не ведут перекрестного допроса,— пишет он,— так как по своему существу он относится лишь к допросу свидетеля процессуально — равноправными сторонами, суд же, естественно, не может занимать позицию стороны ни во время допроса, ни в какой-либо иной момент судебного разбирательства»¹. С точкой зрения М. С. Строговича трудно согласиться. Перекрестный допрос возник в английском процессе, действительно, как допрос, проводимый обвинителем и защитником. Однако в нашем процессе нельзя ограничивать кого-либо из участников процесса в праве вести перекрестный допрос, направленный на уточнение, дополнение, конкретизацию ответов, полученных на вопрос любого из участников процесса или судей. непонятно, почему суд должен быть лишен права участвовать в допросе, ставить вопросы, которые помогут ему уточнить недостаточно ясные обстоятельства, изложенные в показаниях? Суд осуществляет все судебные действия, в том числе и допросы. Всякие ограничения стесняли бы его свободу в судебном разбирательстве, снижали бы его руководящую роль.

Анализ норм УПК всех союзных республик приводит к выводу, что в перекрестном допросе вправе принимать участие не только обвинители, защитники и судьи, но и другие участники процесса: потерпевший и подсудимый, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители².

М. С. Строгович считает, что перекрестный допрос применим не только к свидетелям, но и к подсудимым, экспертам, «но главное его значение — при допросе свидетеля»³. На наш взгляд, перекрестный допрос может быть

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 417.

² А. Л. Цыпкин еще в 1938 году совершенно правильно обращал внимание на данное обстоятельство («Судебный допрос в советском уголовном процессе», канд. диссертация, М., 1938, стр. 29—30; его же, Культура судебного процесса, «Социалистическая законность» 1964 г. № 11, стр. 38).

³ М. С. Строгович, цит. книга, стр. 418.

Точка зрения на перекрестный допрос как допрос в основном свидетелей находила своих сторонников и в прошлом (Юлий Глазер, Руководство по уголовному процессу, т. I, СПб., 1886, стр. 95).

использован в допросе любого лица: подсудимого, свидетеля, потерпевшего, эксперта, гражданского истца и гражданского ответчика.

Используя возможности перекрестного допроса, суд и участники процесса могут полнее исследовать обстоятельства дела, восполнить пробелы в показаниях, проконтролировать их, детализировать и конкретизировать неясные моменты в показаниях, помочь правильно осветить в суде те или иные события.

Советской судебной практике и процессуальной науке чужд взгляд на перекрестный допрос как на особую неблагоприятную форму допроса. Такая характеристика справедлива в отношении буржуазного уголовного процесса.

К. Сергеич отметил, что «перекрестный допрос есть то искусство, посредством которого можно заставить человека отречься от всего, что он знает, и назвать себя не своим именем»¹.

Г. Гаррис писал: «Если перекрестный допрос не есть простое издевательство над свидетелем в целях довести его до потери самообладания и сознания, то что такое перекрестный допрос?!»².

В советском суде участники перекрестного допроса не стремятся запутать или «довести до потери самообладания» допрашиваемого, наоборот, их усилия направлены на то, чтобы помочь устранить неточности и ошибки в показаниях.

Перекрестный допрос с большим успехом, чем обычный, позволяет вскрыть противоречия в показаниях, обнаружить в них погрешности, уточнить детали и изобличить допрашиваемого в даче ложных показаний. Он оказывается эффективным во всех случаях, когда в показаниях допрашиваемого имеются внутренние противоречия, неточности, когда возникают сомнения в полноте, правдивости и правильности показаний³.

¹ К. Сергеич. Искусство речи на суде, М., 1960, стр. 69.

² Г. Гаррис. Школа адвокатуры, СПб., 1911, стр. 6.

³ Н. П. Карабчевский в своей речи по известному делу Мироновича говорил: «...лишь при перекрестном допросе свидетелям удалось высказаться вполне и начистоту, без недомолвок...» («Судебные речи известных русских юристов», М., 1956, стр. 24).

Р. Д. Рахунов пишет: «К перекрестному допросу следует прибегать лишь в крайних случаях»¹. Он обосновывает свое утверждение тем, что «иногда получается в результате такого допроса нагромождение мелких, противоречивых обстоятельств, в которых чрезвычайно трудно бывает разобраться; что лица, ведущие допрос, иногда очень быстро и неожиданно для свидетеля меняются, что, конечно, не может не влиять на его (свидетеля.— Л. А.) психическое состояние, он иногда теряет самообладание, уравновешенность»². Приведенные аргументы нельзя признать убедительными. Возражения Р. Д. Рахунова не затрагивают сущности перекрестного допроса, они направлены лишь против неправильных методов его проведения.

Перекрестный допрос может и должен быть проведен тактически правильно *в спокойной обстановке и корректно, без нарушений требований этики допроса*. М. С. Строгович прав, утверждая, что «ничего исключительного в перекрестном допросе нет, и его применение вовсе нет необходимости ограничивать. Но нужно обеспечивать осторожное и культурное проведение перекрестного допроса, чтобы не дезориентировать допрашиваемого свидетеля»³. Советский суд и участники судебного разбирательства не заинтересованы в превращении допрашиваемого в объект для словесных истязаний; это абсолютно чуждо советскому правосудию. Отдельные же случаи неправильного или неумелого перекрестного допроса свидетельствуют не о непригодности такой формы судебного допроса, а лишь о необходимости овладения искусством перекрестного допроса⁴.

¹ Р. Д. Рахунов, Допрос подсудимого и свидетелей в судебном заседании, «Социалистическая законность» 1953 г. № 10, стр. 62; его же, Свидетельские показания в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 124.

² Р. Д. Рахунов, цит. книга, стр. 124; Д. Г. Тальберг, Русское уголовное судопроизводство, т. 1, вып. 2, Киев, 1884, стр. 156.

³ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 417. Взгляды Р. Д. Рахунова подвергнуты критике и в «Теории доказательств в советском уголовном процессе», часть Особенная, М., 1967, стр. 115.

⁴ В последующих работах Р. Д. Рахунов изменил свои взгляды, он считает перекрестный допрос «важным процессуальным действием на судебном следствии» и ничего не говорит о его «отрицательных» чертах («Прокурорский надзор за рассмотрением в судах уголовных дел», М., 1963, стр. 90).

Перекрестный допрос допустим только после того, как допрашиваемый в свободном рассказе изложит все известное ему по делу и ответит на поставленные вопросы. Такая последовательность позволяет более полно выяснить факты, подлежащие уточнению перекрестным допросом. К тому же последний, как правило, проводится в пределах темы допроса, т. е. обстоятельств, изложенных допрашиваемым при основном допросе.

К. Кенни утверждает: «Перекрестный допрос вовсе не ограничивается, как это иногда думают, пределами тематики главного допроса»¹.

Взгляды К. Кенни ошибочны. Цель перекрестного допроса — уточнить, конкретизировать в показаниях отдельные обстоятельства, которые, по мнению участников процесса или суда, изложены недостаточно ясно или неполно. Поэтому, если перекрестный допрос проводить вне пределов «тематики главного допроса», то он будет не перекрестным, а дополнительным допросом. Концепция К. Кенни типична для буржуазных юристов, и в этом легко убедиться, ознакомившись с его откровенным признанием: «Цель перекрестного допроса — уменьшение эффекта тех показаний, которые были получены от свидетеля при главном допросе, и, быть может, получение доказательств, подтверждающих версию ведущей перекрестный допрос стороны»². В этих высказываниях К. Кенни сквозит явное стремление добиться любой ценой выгодных показаний от свидетеля, нисколько не заботясь о том, чтобы эти показания способствовали установлению истины и соответствовали ей.

В перекрестном допросе очередность постановки вопросов различными участниками процесса определяется порядком допроса, принятым УПК. Суд следит за тем, чтобы вопросы ставились последовательно, конкретно, четко, в ясных и понятных формулировках. Чаще всего вопросы **вначале** ставит обвинитель или защитник, а затем другие участники процесса. Успешное ведение перекрестного допроса зависит от согласованности действий судей и участников процесса. «Только объединенные и целеустремленные усилия **всех** участников процесса могут принести необходимую пользу»³.

¹ К. Кенни, Основы уголовного права, М., 1949, стр. 393.

² К. Кенни, цит. книга, стр. 393.

³ И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 151.

3. Одной из форм судебного допроса является шахматный допрос¹. А. Л. Цыпкин пишет: «Шахматный допрос заключается в том, что при проведении допроса одного лица попутно предлагаются вопросы другим лицам по тем обстоятельствам и фактам, о которых идет речь в данный момент в основном допросе»². Так же определяет шахматный допрос и И. Д. Перлов³. Сущность его заключается в том, что при допросе одного лица допрашивающий попутно ставит вопросы другим лицам по обстоятельствам, недостаточно ясно или нечетко изложенным в показаниях допрашиваемого. Цель такого допроса — подтвердить или опровергнуть показаниями других лиц сведения, полученные основным допросом определенного лица. Он может быть проведен в связи с допросом подсудимого, потерпевшего, свидетеля и эксперта. Допрашивая подсудимого, попутно вопросы ставят потерпевшему, свидетелю и эксперту; если допрашивается потерпевший — подсудимому, свидетелю и эксперту; при допросе свидетеля — потерпевшему, подсудимому, эксперту и другим свидетелям; наконец, когда допрашивается эксперт — подсудимому, потерпевшему и свидетелям, другим экспертам.

Как видно из изложенного, шахматный допрос отличается от перекрестного. При шахматном допросе допрашивает один, а в перекрестном допросе — многие; шахматным допросом одно и то же обстоятельство выясняется одним допрашивающим у разных лиц, а в перекрестном — несколько допрашивающих выясняют одно и то же обстоятельство у одного лица.

Чтобы шахматный допрос в суде был эффективным, нужно соблюсти несколько требований, обусловленных самой его сущностью. Шахматный допрос может быть проведен только в отношении лиц, ранее допрошенных в суде, т. е. после основного допроса. Нельзя согласиться с А. Л. Цыпкиным в том, что в шахматном допросе можно предлагать вопросы «и тем лицам, основной допрос которых еще не проведен»⁴. Показания таких недопрошенных

¹ Этот термин впервые встречается в методическом письме Прокуратуры СССР («Социалистическая законность» 1938 г. № 8, стр. 46—55).

² А. Цыпкин, К вопросу о тактике судебного допроса, Ученые записки Саратовского юрид. института, вып. 1, М., 1940, стр. 118.

³ И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 152.

⁴ А. Цыпкин, Цит. статья, стр. 110.

лиц ещё не известны, и суду совершенно неясно, могут ли они помочь выяснить интересующие суд обстоятельства. Поэтому шахматный допрос их бесполезен. Нельзя и нарушать порядок допроса, предусмотренный УПК, и задавать подсудимым, свидетелям и потерпевшим вопросы по отдельным обстоятельствам дела еще до того, как будет проведен основной допрос.

При шахматном допросе попутные вопросы могут быть поставлены в любой последовательности, любым, уже ранее допрошенным подсудимым, свидетелям или потерпевшим. Исходя из обстоятельств дела, выясненных основным допросом, допрашивающему нужно решить, кому первому поставить вопросы. Лицу, проводящему шахматный допрос, не следует забывать, что попутные вопросы другим лицам не должны уводить его в сторону от задач основного допроса. Нужно умело сочетать основной и шахматный допросы с тем, чтобы обстоятельства, интересующие допрашивающего, были выяснены.

Указанные три формы допроса — основной, перекрестный и шахматный — являются специфическими формами судебного допроса.

Американский психолог Г. Берт в своей книге «Прикладная психология» выделяет специальный раздел «Психологические проблемы в процессе судебного разбирательства»¹. Он сообщает об экспериментальной проверке эффективности различных форм допроса: свободного изложения, прямого (основного) допроса и перекрестного допроса. Было поставлено около 150 вопросов по поводу проведенного эксперимента, содержание которого было довольно простым. В класс во время урока вошел человек, одетый в восточный костюм, с несколькими книгами в руках. Он передал учителю письмо, которое тот сразу же прочитал, сделал какие-то заметки и вернул обратно. Пока человек ждал возвращения письма, учитель потер в замешательстве большой нож о руку, которая была в перчатке. Лица, присутствующие при эксперименте и заранее не предупрежденные о нем, были допрошены: они дали показания в свободном изложении, а затем подверглись прямому и перекрестному допросу. Результаты допросов сведены в таблицу (цифровые показатели даны в процентах):

¹ Н. Е. Burt, *Applied Psychology*, New-York, 1956, p. 312—313.

	Свободное изложение	Прямой допрос	Перекрестный допрос
Полнота	23	31	29
Точность	94	83	76

Основываясь на этих данных, Г. Берт делает вывод, что свободное изложение является наиболее точным, но наименее полным; прямой допрос — более полным, но менее точным, чем свободное изложение; перекрестный допрос имеет приблизительно ту же полноту, что и прямой, но еще менее точен, чем свободное изложение или прямой допрос. Это последнее, по мнению Г. Берта, объясняется тем, что целью перекрестного допроса является устранение и проверка противоречий в данных, полученных при прямом допросе.

При повторном эксперименте, когда лица уже знали или по крайней мере подозревали, что их будут допрашивать об определенных событиях, результаты допросов существенно не отличались от приведенных выше.

Постановка подобных экспериментов в принципе интересна, однако практическое использование полученных в данном случае результатов для выбора наиболее эффективной формы допроса невозможно, и сами выводы автора неубедительны¹. Описание экспериментов дано весьма поверхностно: неясно, какого возраста были испытуемые, сколько времени они наблюдали экспериментальные события, кто (судьи или психологи) и как их допрашивал, в какой мере допрашивающие правильно использовали различные методы допроса, какие критерии определяли «полноту» и «точность» показаний и т. п. В связи с этим вызывают сомнения результаты экспериментов и выводы автора, сделанные на их основе².

4. В суде могут быть проведены дополнительный и повторный допросы, а также очная ставка.

¹ Столь же неубедительными представляются высказывания Я. А. Канторовича, основанные на опытах Штерна о том, что наиболее точными являются показания, данные при свободном рассказе свидетеля (Я. А. Канторович, Психология свидетельских показаний, Харьков, 1925, стр. 27).

² Развернутая критика взглядов Г. Берта дана в статье А. Р. Ратинова и О. А. Гаврилова «Использование данных психологии в бур-

В ст. 304 УПК УССР говорится: «Каждого свидетеля можно дополнительно допросить или передопросить в присутствии уже допрошенных свидетелей или на очной ставке».

Следует признать, что дополнительный допрос может иметь место не только в отношении свидетеля, но и потерпевшего, подсудимого.

Дополнительный допрос (ст. 304 УПК УССР) заключается в том, что участники процесса и суд выясняют обстоятельства, упущенные в ходе основного допроса, либо уточняют факты, по поводу которых другие свидетели, потерпевшие или подсудимые дали иные показания, чем лицо, подлежащее дополнительному допросу. Поскольку цель такого допроса довольно конкретна и тема его ограничена, не следует превращать дополнительный допрос в новый основной допрос по всем обстоятельствам дела; здесь выясняются лишь отдельные моменты, нуждающиеся в уточнениях и разъяснениях. При этом иногда выясняются данные, по-новому освещающие обстоятельства дела, изложенные ранее при основном допросе.

Дополнительный допрос может быть эффективным в том случае, если подсудимый отрицает свою вину или свидетель, потерпевший дают противоречивые показания. Тогда после основного допроса этих лиц и других лиц, изобличающих подсудимого, уточняющих показания потерпевших и свидетелей, целесообразно провести дополнительный допрос.

Право на дополнительный допрос имеет каждый участник процесса, и суд не может ограничивать их в использовании этой формы допроса.

Нельзя согласиться с Р. Д. Рахуновым, считающим, что «дополнительный допрос свидетеля по регламенту су-

жазной криминалистике», сб. «Вопросы криминалистики» 1964 г. № 11, стр. 153—155.

В «Теории доказательств в советском уголовном процессе», (часть Особенная, М., 1967, стр. 98), отмечается, что «результаты многочисленных экспериментов свидетельствуют, что свободный рассказ, хотя и уступает вопросно-ответной форме в полноте и конкретности изложения, выигрывает в точности и не сопряжен с ошибками, которые так или иначе внушены вопросами допрашивающего при получении показаний». Приведенная формулировка, вероятно, основана на экспериментах Г. Берта, поскольку другие «результаты многочисленных экспериментов» в литературе не описаны. А эксперименты Г. Берта не дают оснований для столь категорических выводов.

дебного следствия может происходить после того, как суд рассмотрел все доказательства, т. е. в порядке дополнения судебного следствия стороны, как и суд, могут дополнительно выяснить ряд интересующих их обстоятельств»¹. Дополнительный допрос нужно проводить тогда, когда в нем возникает необходимость: в начале, в середине или в конце судебного следствия. Основное здесь не этап судебного следствия, а момент возникновения необходимости в дополнительном допросе после окончания основного допроса.

Повторный допрос (передопрос) проводится судом и участниками процесса в случаях, когда в связи с исследованием других доказательств, после основного допроса, возникают сомнения в правильности полученных показаний либо необходимость их уточнения. Например, допросом одного свидетеля суд выяснил, как происходило определенное событие, другие же свидетели по этому же поводу дали суду иные показания. В подобном случае суд и участники процесса вправе допросить повторно ранее допрошенного свидетеля.

Повторный допрос может быть проведен по инициативе суда и по ходатайству любого участника процесса. Сложность такого допроса заключается в том, что лицу, подвергающемуся повторному допросу и до того находившемуся в зале судебного заседания, известны показания всех остальных свидетелей, подсудимых, потерпевших, в том числе и противоречащие его показаниям. Поэтому в показаниях, данных на повторном допросе, важно разграничить то, что свидетелю было ранее известно по делу, от того, что ему стало известно во время судебного следствия. Повторный допрос может быть проведен в любой момент судебного следствия, но лучше его проводить сразу же, как только возникла в нем необходимость.

Дополнительные и повторные допросы — не специфические формы судебного допроса. Они имеют место и на предварительном следствии. Однако проведение упомянутых допросов в суде имеет ряд особенностей, отличающих их от таких же допросов на предварительном следствии. В суде в повторном и дополнительном допросах принимают участие много допрашивающих; допрос проводится в условиях гласного, открытого процесса; допросу подверга-

¹ Р. Д. Рахунов, Допрос подсудимого и свидетелей в судебном заседании, «Социалистическая законность» 1953 г. № 10, стр. 62.

ются лица, слышавшие показания других допрошенных, в том числе и лиц, иначе освещавших какие-то факты. Указанные моменты свойственны дополнительному и повторному допросам в суде и совершенно не характерны для подобных допросов на предварительном следствии.

Одной из форм судебного допроса является очная ставка. Если в показаниях свидетелей, потерпевших и подсудимых имеются противоречия, суд вправе для их устранения произвести очную ставку. Она может быть между подсудимыми, между свидетелями, потерпевшими, а также между подсудимыми и свидетелями, потерпевшими.

Производство очной ставки в суде предусмотрено УПК Украинской ССР (ст. 304), Эстонской ССР (ст. 243), Грузинской ССР (ст. 285), Армянской ССР (ст. 272) и Азербайджанской ССР (ст. 305). В РСФСР и других союзных республиках правовым основанием производства очной ставки является ст. 70 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик, посвященные собиранию доказательств.

Очная ставка в суде бывает первичной или повторной (между лицами, с которыми она уже производилась при расследовании).

В литературе высказывались соображения о нецелесообразности проведения в суде очной ставки, если она является повторной¹. С этим согласиться нельзя. Очная ставка между теми же лицами, что и на предварительном следствии, может сопровождаться постановкой новых вопросов, которые не ставились следователем. Если суд допрашивает лиц, ранее допрошенных следователем, то почему нельзя допрашивать тех же лиц на очной ставке? Нецелесообразно производство в суде очной ставки только между малолетними, несовершеннолетними и взрослыми свидетелями, поскольку существует реальная опасность

¹ Тартаковский писал: «...повторять очную ставку для суда мало смысла, свежесть такой очной ставки потеряна, поскольку она состоялась на предварительном следствии, которое в данном случае явилось для обвиняемого своего рода репетицией, подготовившей его к исполнению более выдержанно своей роли на суде» (Тартаковский, О допросах, «Социалистическая законность» 1936 г. № 9, стр. 62). Этот взгляд подвергли критике А. Л. Цыпкин в статье «К вопросу о тактике судебного допроса» («Ученые записки Саратовского юридического института», вып. I, 1940 г.) и И. Д. Перлов в книге «Судебное следствие в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 153—154.

внушения и отрицательного воздействия на малолетних свидетелей со стороны взрослых, которые свои показания могут изложить более определенно и убежденно¹.

А. Л. Цыпкин отмечает, что «устройство очных ставок не может быть рекомендовано между лицами, у которых существуют отношения родства, особой близости, служебного подчинения и т. п., ибо и здесь существует опасность, что один из участников очной ставки откажется от своего прежнего показания не потому, что он убедился в ошибочности его, а из желания в силу особых отношений не противоречить другому, из желания «поддержать другого»². С подобным мнением согласиться нельзя. Советское уголовно-процессуальное право не содержит ограничений, называемых А. Л. Цыпкиным. На очной ставке может быть допрошено любое лицо, располагающее сведениями, имеющими отношение к делу, и способное к даче показаний по своим физическим и психическим качествам. Конечно, возможен случай, когда один из участников очной ставки по причинам, указанным А. Л. Цыпкиным, даст неправильные показания. Однако это не значит, что нужно отказываться от производства очной ставки во всех подобных случаях.

Очная ставка в суде может быть проведена по инициативе суда или по ходатайству участников судебного разбирательства. Первым допрашивает на очной ставке тот, кто является ее инициатором. Другие участники процесса с разрешения председательствующего могут принять участие в очной ставке только после окончания допроса участником процесса, ходатайствовавшим о ее производстве.

Очная ставка может производиться только между допрошенными свидетелями, потерпевшими и подсудимыми; в противном случае она не принесет пользы. Допросив определенных лиц, суд уже располагает сведениями о личности допрашиваемых и о том, в какой мере они осведомлены об обстоятельствах дела. Учитывая эти сведения, суд определяет, кому первому следует на очной ставке задавать вопросы. Практикой выработан тактический прием: первые вопросы задают тому, кто, по мнению допрашивающего, дает правдивые показания. При такой последовательности производства очной ставки ее участники, даю-

¹ А. Л. Цыпкин, К вопросу о тактике судебного допроса. Ученые записки Саратовского юрид. института, вып. 1, М., 1940, стр. 117.

² Там же, стр. 117—118.

щий правдивые показания, может оказать положительное влияние на лицо, дающее ложные показания.

Участники очной ставки вправе задавать вопросы друг другу только с разрешения председательствующего. Последний следит за тем, чтобы вопросы задавались в правильных формулировках и относились к существу дела. Планомерность и последовательность в постановке вопросов, спокойная обстановка способствуют успеху очной ставки.

Не следует в ходе очной ставки делать поспешные выводы о том, кто из ее участников дает правдивые или ложные показания. Впечатления могут быть обманчивы. Лицо, дающее ложные показания, может их излагать четко и уверенно, а робкий свидетель, дающий правдивые показания, может на очной ставке растеряться, давать путанные показания. Поэтому, только основываясь на рассмотрении всех доказательств по делу, в конечном счете можно правильно оценить показания лиц, допрошенных на очной ставке.

Глава вторая

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТАКТИКИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО ДОПРОСА

§ 1. Подготовка к судебному допросу

1. Эффективность судебного допроса во многом зависит от предварительной подготовки к нему. Последняя должна обеспечить возможность получения от допрашиваемых лиц всей информации, относящейся к обстоятельствам дела и имеющей значение для его решения.

Обычно подготовка к проведению этого судебного действия является неотъемлемой органической частью всей подготовительной работы к судебному разбирательству. Однако допрос в отличие от других судебных действий проводится по каждому уголовному делу и поэтому, естественно, ему и уделяют наибольшее внимание судьи, прокуроры и защитники.

Одной из предпосылок успешной подготовки к допросу является плановость. Она призвана обеспечить полноту,

объективность и всесторонность последующего допроса, его результативность.

Принятие тех или иных решений, связанных с подготовкой к допросу, зависит от исходного материала, которым располагают судья, прокурор и защитник. Поэтому началом подготовки является изучение материалов уголовного дела. Ознакомление с обвинительным заключением позволяет уяснить, кто, по мнению органов расследования, должен быть допрошен в суде. Выясняется, кто привлечен к уголовной ответственности, а затем изучаются его показания, зафиксированные в протоколах допроса. Устанавливается, кто был допрошен в качестве потерпевшего и свидетеля и какие даны ими показания следователю. Такое ознакомление с материалами дела позволяет определить, кто должен быть допрошен в суде и какие факты при этом должны быть выяснены.

При изучении материалов уголовного дела судьи, прокуроры, защитники получают сведения, имеющие значение для последующего допроса, характеризующие личность обвиняемого, потерпевшего и свидетеля (возраст, профессия, образование, занимаемая должность и место работы, состояние здоровья и т. п.), а также их отношение к делу. Нередко лица, подлежащие допросу в суде, давали показания следователю несколько раз. Сопоставление протоколов допроса в этих случаях позволит определить, нет ли противоречий в разных показаниях одного и того же лица, а если они есть, то случайны ли; обращал ли на них внимание следователь, пытался ли их устранить.

Судья, прокурор и защитник, изучив материалы дела, должны составить определенное представление о личности подсудимого, потерпевшего, свидетеля с тем, чтобы при подготовке к допросу и в допросе учесть как положительные, так и отрицательные свойства личности допрашиваемого. Разумеется, многие данные, имеющие значение для допроса и его подготовки, в материалах дела отсутствуют. Однако следует учитывать, что на предварительном следствии выяснялось в ходе допроса все, что характеризует личность допрашиваемого и имеет значение в том числе и для допроса. Эти данные находят отражение в материалах дела и могут быть источником сведений о личности допрашиваемого для судьи, прокурора и защитника.

В буржуазной криминалистике современные графологи настойчиво пытаются навязать свои антинаучные взгля-

ды следователям и судьям, рекомендуя в порядке подготовки к допросу изучать почерк подлежащих допросу лиц, чтобы получить графологические сведения о характере, склонностях и других качествах личности.

Западногерманский криминалист Ф. Майнерт в книге «Тактика допроса» большой раздел под названием «Графология и техника допроса» посвящает изложению лженаучных теорий старых и новых графологов. Он пытается доказать, что использование «науки графологии» при допросе приносит пользу¹.

Генрих Пфанне в книге «Сущность и значение графологии» также пытается увязать графологию и «технику допроса»².

Нет необходимости доказывать антинаучность и вредность подобных рекомендаций, так как графология никогда не была и не будет наукой, способной помочь органам правосудия.

В последние годы появилось немало работ, в которых пытаются найти «рациональное зерно» в графологии. Из того факта, что в почерке отображаются некоторые психические состояния писавшего, что по почерку пытаются определить пол человека, еще не следует, что по нему можно определить характерологические особенности личности писавшего.

Старые графологи пытались по определенным признакам почерка определить характер человека, однако эти попытки не были научно обоснованы. Так, И. Ф. Моргенстиэрн приводит даже специальные таблицы «характерных форм букв и их психо-графологические признаки» в отношении всех букв алфавита. Для примера приведем несколько откровений данного автора. Если буква «А» вытянутая, просторная, как бы не довольствуясь малым, наклонена слева направо, с большим завернутым крючком, как у буквы «д», то это означает «воображение, чувствительность и фантазию, дипломатичность, сухую любовь, искание только личной выгоды, фальшивость». Если буква «т» наклоняется влево и имеет вид строчной буквы, иногда в виде черты, то это означает «нежность, приветливость, ровность, ясность души; если с чертой вверх, то подозрительность, своенравность»³.

¹ F. Meinert, Vernehmungstechnik, Lübek, 1956, S. 86—99.

² H. Pfanne, Wesen und Wert der Graphologie, Rudolstadt, 1956, S. 73.

³ И. Ф. Моргенстиэрн, Психо-графология или наука об определении внутреннего мира человека по его почерку. СПб., 1903, стр. 51, 65.

Подобные «научные» сентенции приведены автором по каждой букве всего алфавита. Все такого рода домыслы новоявленных графологов не имеют никакой научной основы. Поэтому использование их в ходе подготовки к допросу не принесет пользы.

Изучение материалов дела позволяет наметить дальнейшие подготовительные действия к допросу. На этой стадии необходимо решить такие важные вопросы: кого допрашивать в суде, о чем допрашивать, по каким обстоятельствам дела, на какой стадии судебного следствия и в какой последовательности должен быть проведен допрос, в какой форме и с помощью каких тактических приемов его наиболее целесообразно осуществить.

Решение всех указанных вопросов и составляет ядро подготовки к допросу. Часто же судьи, прокуроры и защитники лишь намечают вопросы, которые необходимо выяснить при допросе, что не может быть признано правильным.

2. Судьям, прокурору и защитнику в процессе подготовки к допросу необходимо определить, кого следует допросить в суде. Общеизвестно, что обвиняемые в качестве подсудимых допрашиваются в суде всегда, за исключением случаев, предусмотренных законом (ст. 246 УПК РСФСР). Потерпевшие также подлежат обязательному допросу в суде.

Труднее решить вопрос о том, кого из свидетелей, допрошенных при расследовании, нужно допросить в суде. Как правило, исходят из того, что вызову и допросу подлежат свидетели, перечисленные в списке к обвинительному заключению. В принципе это верно. Однако суд вправе вызвать как по собственной инициативе, так и по ходатайству участников процесса и допросить свидетелей, ранее допрошенных следователем, но не включенных в этот список. Кроме того, могут быть вызваны новые свидетели, показания которых, с точки зрения суда, окажутся полезными для дела. Прокурор и защитник вправе ходатайствовать перед судом о вызове и допросе таких свидетелей, которые не были допрошены следователем, хотя они и располагают сведениями, имеющими значение для дела.

Все эти вопросы должны быть продуманы в процессе подготовки к допросу.

В постановлении № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных

процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности» отмечалось: «Не единичны случаи, когда судьи невнимательно, формально относятся к разрешению вопросов, связанных с подготовкой к рассмотрению дела в судебном заседании... Иногда в суд вызываются свидетели, которые ничего не могут сообщить об обстоятельствах рассматриваемого дела, и в то же время не принимаются должные меры к обеспечению явки тех из них, которые действительно необходимы для полного и объективного исследования обстоятельств дела». Далее Пленум обязал суды «устранить из практики как случаи механического, непродуманного вызова лиц, участие которых в судебном заседании не вызывается необходимостью, так и случаи необоснованного отказа в вызове свидетелей, действительно необходимых для всестороннего исследования обстоятельств дела и установления личности подсудимого...»¹.

Следователи иногда включают в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, свидетелей, которые ничего не знают по делу, дают показания, не имеющие никакого значения для уяснения сущности дела. Нередко также включаются в список лиц, подлежащих вызову в суд, все свидетели, дающие показания по одним и тем же второстепенным обстоятельствам. Вот почему подготовка к судебному допросу включает решение вопроса о том, кого из указанных лиц действительно необходимо вызвать в суд для допроса. Закон не обязывает суд вызывать для допроса всех свидетелей, указанных в обвинительном заключении, и постановление Пленума Верховного Суда СССР правильно ориентирует суд на вдумчивый, творческий подход к решению данного вопроса. Нередко и по конкретным делам Верховный Суд СССР предостерегает суд от неправильного решения вопроса о круге свидетелей, подлежащих вызову в судебное заседание для допроса².

3. Одним из важных вопросов, решаемых в процессе подготовки к допросу, является определение обстоятельств дела, по которым он должен быть произведен, уяснение того, о чем допрашивать подсудимого, потерпевшего, свидетеля. Здесь требуется определить не только в

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1967 г. № 2, стр. 10, 11.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. стр. 3; 1951 г. № 9, стр. 24; 1953 г. № 3, стр. 5, 9; 1953 г. № 5, стр. 25—28.

общем плане, в целом, предмет и тему допроса, но и конкретное его содержание. В противном случае допрос будет бессистемным, недостаточно целеустремленным и нерезультативным.

Подготовка к допросу неизбежно связана с выдвижением версий о характере и объеме информации, которой, судя по материалам дела, располагает или может располагать лицо, подлежащее допросу. Исходя из роли этого лица в уголовном деле и отношении к подсудимому, характера и содержания его показаний, данных на предварительном следствии, судьи и участники процесса могут не только определить, что известно допрашиваемому лицу по делу, но и предположить, что он может или должен знать. Тем самым возможно установить, по каким конкретно обстоятельствам дела нужно вести допрос такого лица. Поэтому, намечая обстоятельства, подлежащие выяснению при допросе, судья, прокурор, защитник исходят из предположения об объеме информации, известной допрашиваемому. Основываясь на этом, можно заранее сформулировать вопросы, которые должны быть поставлены при допросе. Во время подготовки к допросу судья, прокурор или защитник не должны пытаться сформулировать в письменном виде все вопросы, подлежащие выяснению при допросе. Такой труд оказывается неоправданно большим и недостаточно полезным. Судебная практика выработала более рациональный подход к решению этого вопроса. По обстоятельствам дела, достаточно полно изложенным в показаниях на предварительном следствии и не вызывающим сомнения у судьи, прокурора и защитника, как правило, вопросы заранее в письменном виде не намечаются. Лишь иногда отмечается несколько уточняющих, детализирующих вопросов. Если в суде возникнет необходимость в конкретизации каких-то обстоятельств, допрашивающему, хорошо знающему материалы дела, нетрудно сформулировать нужные вопросы и в ходе допроса.

Нет надобности заранее в письменном виде планировать вопросы и по второстепенным обстоятельствам дела, не имеющим существенного значения. Их допрашивающий может формулировать в ходе допроса.

Основное внимание следует уделять формулировке вопросов по обстоятельствам дела, которые являются наиболее важными и одновременно противоречивыми, сомнительными. В подобных случаях вопросы необходимо заго-

товить в письменном виде и в ходе допроса поставить допрашиваемому.

Конкретное содержание судебного допроса может быть самым разнообразным. Правильная формулировка вопросов нередко требует определенных знаний из той или иной отрасли науки, техники, искусства или ремесла. Поэтому в процессе подготовки к допросу судьям, прокурорам и защитникам полезно ознакомиться с соответствующей специальной литературой, ведомственными инструкциями, положениями и т. п., а если потребуется, то и проконсультироваться со специалистами. Полученные сведения они смогут использовать для формулировки вопросов во время подготовки к допросу или в процессе допроса.

Чаще всего участникам процесса во время подготовки к допросу приходится знакомиться с судебно-медицинской, судебно-психиатрической, криминалистической литературой, а также автотехнической, бухгалтерской, экономической, технической и др. Нередко оказывается нужным изучить ведомственные инструкции, приказы, распоряжения по вопросам технологии производства отдельных изделий, техники безопасности, качества продукции, стандартам и др. Так, по одному делу судьям, прокурорам и защитникам пришлось изучать виды проводов, изоляторов, кабелей, использовавшихся на стройке; по делу о хищении на молокозаводе — технологию изготовления молочных продуктов; по делу о нарушении правил движения на автотранспорте — техническую литературу по тормозным системам автомобилей. По-видимому, нельзя перечислить все отрасли знания, с которыми приходится сталкиваться участникам процесса в связи с подготовкой к допросу. Каждое дело является в этом смысле сугубо уникальным, не похожим на другие. Специфика уголовного дела, характер преступления, отрасль народного хозяйства, в которой оно совершено, определяют содержание знаний, понятий, явлений, с которыми сталкиваются участники процесса как в ходе подготовки, так и проведения допроса.

Формулируя заранее вопросы, судьям и другим участникам процесса необходимо предусмотреть последовательность постановки их допрашиваемым лицам, чем достигается стройная внутренняя взаимосвязь выясняемых вопросов. Иногда допрашивающие ставят вопросы, не задумываясь об их внутренней связи. Такой «допрос» обычно производит впечатление хаотического, беспорядочного.

Некоторые народные заседатели, не знакомые в полной мере со спецификой рассматриваемого уголовного дела, недостаточно точно формулируют свои вопросы. Чтобы избежать этого, в ходе подготовки к допросу и в целом к судебному разбирательству судьям (председательствующим) необходимо предоставлять возможность народным заседателям тщательно знакомиться с материалами уголовного дела и проинструктировать их, каким образом методически правильно ставить вопросы¹.

4. Готовясь к допросу, важно определить, на каком этапе судебного следствия необходимо допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей и в какой последовательности. Решение данного вопроса зависит от обстоятельств конкретного дела и подчинено общему плану судебного следствия. Судьи при разбирательстве уголовных дел нередко придерживаются последовательности допроса, соответствующей перечню в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, приложенному к обвинительному заключению. Такую практику нельзя признать удачной. Не всегда обвиняемые, потерпевшие и свидетели перечисляются в списке к обвинительному заключению в той последовательности, которая в наибольшей степени соответствует плановости судебного следствия. Поэтому каждый раз в процессе подготовки к допросу нужно продумать и данный вопрос.

Составляя план допроса свидетелей судьи, прокуроры и защитники должны исходить из того, что свидетелей, дающих показания об одних и тех же обстоятельствах дела, наиболее целесообразно допрашивать одного за другим. Определяя последовательность их допроса, важно учитывать характер эпизодов, обстоятельств, к которым относятся их показания. Правильная и заранее намеченная последовательность допроса будет способствовать его успеху.

¹ Данное обстоятельство должно учитываться и при работе советов народных заседателей. Для последних будут интересными и полезными лекции и семинары, посвященные тактике производства всех судебных действий.

В редакционной статье, помещенной в «Бюллетене Верховного Суда СССР», «Больше внимания культуре в работе судов» правильно отмечалось, что судьи должны разъяснить народным заседателям их права и обязанности, «помочь изучить дело и законодательные материалы, тактично объяснить, как нужно вести себя в процессе: ведь заседатели должны уметь не только слушать, но и спрашивать» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1967 г. № 2, стр. 21).

5. Подготовка предполагает и решение вопроса о том, в каких формах наиболее целесообразно провести предстоящие допросы (кроме обязательного основного допроса, нужны ли перекрестный, очная ставка, шахматный допрос и т. д.), какие тактические приемы будут наиболее эффективными при допросе конкретного лица.

Решение всех указанных вопросов целиком зависит от материалов дела, собранных следователем. Судьи, прокуроры и защитники, намечая конкретные формы и тактические приемы допроса подсудимого, потерпевшего и свидетеля, исходят, как правило, из предположения, что указанные лица и в суде будут давать такие же показания, как и на предварительном следствии. Сообразуясь с этим, они и намечают формы и приемы судебного допроса. Конечно, в суде ситуация нередко меняется и допрашиваемому «на ходу» приходится перестраивать свой план допроса. Но это обстоятельство не является аргументом против предварительной наметки форм и основных тактических приемов допроса. Зная показания, данные следователю, вопросы, подлежащие выяснению, и тактические приемы, необходимые для допроса в конкретном случае, можно эффективнее провести допрос.

Очевидно, что план допрашивающего должен быть гибким, динамичным, приспособленным к изменяющимся ситуациям. При любых условиях заранее намеченная тактическая схема допроса будет полезной.

6. Подготовка завершается составлением письменного плана допроса. Правильно писал А. Л. Ривлин: «...наличие плана является важнейшим условием правильного проведения допроса в суде»¹. Разумеется, составлять план допроса в простых, несложных, малоэпизодных делах, когда допрашиваемому легко запомнить все, что относится и к обстоятельствам дела, и к вопросам, подлежащим выяснению, не обязательно. Все изложенное в настоящей главе особенно важно для подготовки к допросам по сложным, многоэпизодным и многотомным делам, по которым нужно допросить большое число подсудимых и свидетелей.

Судьи, прокуроры и защитники составляют планы в различных формах. Многие из них считают, что наиболее удобна форма плана в виде листа бумаги, разделенного на две половины: в левой — указывается краткое содер-

¹ А. Л. Ривлин, Допрос в уголовном суде, Харьков, 1939, стр. 39.

жание показаний, данных на предварительном следствии, в правой — вопросы, подлежащие выяснению. Следует заметить, что любая форма плана, удобная для допрашивающего, является приемлемой. Главное, чтобы в ней были предусмотрены все важнейшие моменты, имеющие отношение к допросу. К ним следует отнести: конкретное указание того, кто подлежит допросу, основное содержание показаний лица на предварительном следствии, основные вопросы, подлежащие выяснению. Целесообразно в плане предусмотреть и графу, в которой можно было бы кратко записать основное содержание показаний, полученных в суде.

Можно рекомендовать составление плана допроса примерно по следующей форме:

№ п/п.	Кто подлежит допросу (подсудимый, потерпевший, свидетель)	Краткое содержание показаний, данных на предварительном следствии (л. д.)	Основные вопросы, подлежащие выяснению в суде	Краткое содержание полученных ответов	Примечание

Подобные планы помогут провести допрос более полно и зафиксировать все важнейшие данные, полученные при этом.

Судебная практика показывает, что в том случае, когда суд и участники судебного разбирательства (особенно обвинители и защитники) готовятся к допросу, это процессуальное действие позволяет получить данные, имеющие значение для дела. В противном случае судебные допросы проходят пассивно, поверхностно, многие обстоятельства дела остаются невыясненными и в материалах уголовного дела образуются пробелы. Верховный Суд СССР считает поверхностный допрос свидетелей и подсудимых серьезным недостатком судебного следствия, который в основном обусловлен тем, что судьи, прокуроры и защитники иногда проводят допросы без предварительной подготовки.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 16 сентября 1951 г. по делу Геворкяна отмечалось: «Вместо того, чтобы подробнее допросить свидетелей... суд допросил свидетелей поверхностно, в результате чего основные обстоятельства дела

остались невыясненными. На предварительном следствии допрошенные в качестве свидетелей Арутюнян А., Арутюнян Х. и Абрамян А. подтвердили показания Геворкяна о том, что он Геворкян, повернул машину влево в силу создавшегося угрожающего положения подросткам. В судебном заседании в результате поверхностного допроса этих свидетелей их показания с достаточной полнотой не были проверены»¹.

Федотов обвинялся в том, что, работая кладовщиком совхоза, халатно относился к выполнению своих служебных обязанностей и, кроме того, занимался хищением. Шауляйский суд Литовской ССР признал его виновным только в халатности, хотя некоторые свидетели изобличали Федотова в хищениях. Суд весьма поверхностно допросил свидетелей, не выяснил все нужные обстоятельства дела и поэтому неправильно осудил Федотова только за халатность. Поверхностный допрос свидетелей привел к такой неполноте судебного следствия, которая обусловила вынесение неправильного приговора. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР возвратила это дело на новое судебное рассмотрение².

В приведенных делах поверхностные допросы, обусловившие неполноту в выяснении существенных обстоятельств дела, явились результатом того, что суд заранее не подготовился к проведению допроса.

§ 2. Тактические приемы судебного допроса

1. Одной из основных задач судебного допроса является получение истинной и полной информации о фактах реальной действительности, а это достигается путем нейтрализации объективных и субъективных моментов, отрицательно влияющих на достоверность показаний.

Успешному проведению любой из форм судебного допроса (основной, перекрестный, шахматный, повторный, дополнительный, очная ставка) способствует использование тактических приемов допроса, разработанных криминалистикой и основанных на данных психологии и обобщении судебной практики.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 2, стр. 19—20.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1953 г. № 3, стр. 4—5.

Под тактическими приемами допроса принято понимать способы воздействия на допрашиваемого, вызывающие определенные психические изменения, а также иные способы допроса, использование которых способствует получению правдивых показаний¹.

В литературе сформулированы некоторые тактические приемы допроса обвиняемого². Изучение судебной практики показывает, что часть таких приемов может быть использована и в судебном допросе.

К наиболее эффективным из них, основанным на психологии допрашиваемого, в литературе относят следующие:

Внезапность. Сущность данного приема заключается в том, что допрашивающий в ходе допроса вне связи с предыдущими вопросами и ответами ставит неожиданный вопрос, на который допрашиваемый должен дать немедленный ответ. Поскольку между данным и предыдущими вопросами нет логической связи, допрашиваемый не в состоянии быстро сориентироваться и поэтому может сообщить сведения, которые он пытался утаить от суда.

Последовательность. Содержание этого приема выражается в том, что допрашивающий последовательно, в определенной нарастающей системе ставит вопросы, заставляя допрашиваемого «прочувствовать» силу вопросов, неизбежно требующих правдивого ответа.

Использование положительных свойств личности. Суть данного приема заключается в том, что допрашивающий ставит такие вопросы, которые учитывают положительные качества допрашиваемого: его смелость, честность, прямоту, бескорыстие, правдолюбие, заслуги в прошлом или настоящем, служебное, общественное или семейное положение. Ссылки на эти свойства личности показывают несовместимость с ними лжи и нередко помогают получить правдивые показания.

Допущение легенды. Следуя этому тактическому приему, допрашивающий «не мешает» излагать допрашиваемому показания, хотя знает из других источников доказательств, что они ложны. Терпеливо дав возможность допрашиваемому «выговориться», допрашивающий последовательно своими вопросами «препарирует» ложные по-

¹ Л. Б. Филонов, В. И. Давыдов, Психологические приемы допроса обвиняемого, «Вопросы психологии» 1966 г. № 6, стр. 114.

² Л. Б. Филонов, В. И. Давыдов, цит. статья, стр. 111—122.

казания, демонстрируя их внутреннюю противоречивость, нелогичность, несогласованность.

Пресечение лжи. Данный прием противоположен предыдущему. В некоторых случаях (когда имеется достаточно доказательств, освещающих те или иные события) допрашивающий в самом же начале допроса, когда допрашиваемый начинает давать ложные показания, пресекает их своими вопросами, которые показывают, что допрашивающий (прокурор, защитник) стремится получить правдивую информацию и располагает данными, опровергающими показания допрашиваемого.

Отвлечение внимания. Поскольку допрашиваемый сосредоточивает внимание на главном в допросе и готовится к ответам на вопросы, относящиеся к этому, допрашивающий сознательно отвлекает его своими вопросами на второстепенные детали и как бы парализует бдительность допрашиваемого. На таком фоне легче вести допрос и по основным обстоятельствам, интересующим допрашивающего¹.

Рассмотренные тактические приемы применяются в основном для допроса подсудимых и лжесвидетелей, однако они могут в принципе использоваться в любом случае судебного допроса, если допрашиваемый пытается давать ложные показания. Конкретные обстоятельства дела определяют необходимость использования того или другого тактического приема.

Эффективными тактическими приемами, выработанными судебной практикой, являются также сопоставление, уточнение, детализация (конкретизация), контроль, напоминание и наглядность.

Сопоставление — тактический прием, применяемый для устранения противоречий, содержащихся в показаниях. Он заключается в сопоставлении противоречивых частей показания или противоречивых показаний в целом с другими доказательствами, не согласующимися с ним. Суду и участникам судебного разбирательства нужно поставить допрашиваемому вопросы и выяснить, чем он объясняет имеющееся противоречие. Допрашиваемый может разумно объяснить противоречия, которые иногда бывают только кажущимися. Если же он не сможет этого

¹ Другие психологические приемы допроса, рассмотренные Л. Б. Филоновым и В. И. Давыдовым, нами не приводятся, поскольку они не могут быть признаны эффективными в судебном допросе и специфичны для допроса обвиняемого следователем.

сделать и другие доказательства будут противоречить показаниям, то его показания в целом или в какой-то части могут быть признаны не соответствующими действительности. Эффективность применения данного тактического приема во многом зависит от правильного выбора фактов, с которыми производится сопоставление. Они должны, во-первых, действительно противоречить показаниям, а во-вторых, не вызывать сомнений в своей истинности. Например, в одних случаях допрашиваемому можно предложить объяснить тот факт, что одни и те же обстоятельства им освещены по-разному, в других — можно поставить допрашиваемому вопрос, чем он объясняет противоречие между его показаниями и показаниями других лиц о тех же фактах, или другими доказательствами (заключением экспертизы и т. п.). В судебной практике часто сопоставление заключается в допросе с демонстрацией уличающих во лжи доказательств, например тех, которые при сопоставлении их с показаниями допрашиваемого противоречат им. Здесь возможны самые разнообразные варианты сопоставления.

Уточнение — тактический прием, заключающийся в том, что допрашивающий соответствующими вопросами выясняет показания, касающиеся частных моментов, помогающие уточнить отдельные обстоятельства дела. Уточнения могут касаться различных обстоятельств дела. Например, времени, места совершения определенных действий, их последовательности и т. п.

Суд и участники судебного разбирательства своими уточняющими вопросами помогают допрашиваемому более правильно осветить обстоятельства дела. Например, допрашивая свидетеля, судьи могут поставить ему вопрос: почему свидетель утверждает, что выстрел он слышал ровно в 21 час. 35 мин.? При такой постановке вопроса свидетель вынужден ответить более предметно и уточнить свои показания.

По одному делу свидетель показал, что он в 17 час. 10 мин. — 17 час. 15 мин. у трамвайной остановки видел, как подсудимый нанес удар кулаком по лицу потерпевшему. Суд, естественно, заинтересовало, почему свидетель столь определенно называет время, когда произошло это событие. На уточняющие вопросы суд получил ответы, что свидетель заканчивает работу в 17 час. и задерживается на работе не более чем на 5 мин., до трамвайной остановки ему идти примерно 8—10 мин. Поэтому он и пола-

гает, что преступление имело место в 17 час. 10 мин. или в 17 час. 15 мин. Постановка свидетелю уточняющих вопросов помогла суду получить более точные показания.

Детализация (конкретизация) — тактический прием, состоящий в постановке вопросов, позволяющих расчленить общие и недостаточно конкретные показания на отдельные эпизоды, факты и более глубоко их выяснить. Например, расплывчатые, неопределенные показания свидетеля об одежде, в которой был преступник, можно детализировать вопросами об отдельных признаках одежды (цвета, покроя, размера, характерных примет и т. п.).

Контроль — тактический прием, заключающийся в постановке вопросов, прямо не относящихся к теме допроса, но позволяющих получить контрольные сведения для проверки правильности показаний об отдельных фактах, событиях. Контрольные вопросы направлены на выяснение побочных, сопутствующих каким-либо событиям обстоятельств, но по ответам на них суд может определить достоверность и ценность показаний в целом.

Так, по делу Михаила Б., обвиняемого в подделке документов о трудовом стаже своей жены Евдокии Б., незаконно получавшей пенсию, подсудимый М. категорически, несмотря на положительное заключение криминалистической экспертизы почерка, отрицал факт исполнения текстов двух поддельных справок. Государственный обвинитель поставил Михаилу Б. ряд вопросов, на которые тот ответил, что он не мог написать справки Евдокии Б., так как к моменту оформления ею пенсии он уже расторг с ней брачные отношения и никаких документов, связанных с оформлением пенсии, не писал. Тогда государственный обвинитель поставил Михаилу Б. вопрос, кто писал заявление в райсобес об установлении пенсии Евдокии Б. Михаил Б. ответил, что он. Тем самым на контрольный вопрос был получен ответ, свидетельствующий о причастности подсудимого к оформлению пенсии.

Напоминание. С помощью данного тактического приема, заключающегося в постановке судом и участниками процесса вопросов, помогающих допрашиваемым вспомнить отдельные события, факты, забытые ими, можно восполнить пробелы в показаниях. Так, выясняя хронологическую последовательность определенных действий, допрашивающий может оживить ассоциативные связи у свидетеля или потерпевшего, напомнив ему об одном из фактов, связанных с данным событием. Например, напом-

нив свидетелю, что событие, о котором идет речь, имело место в воскресный день в 9 час. утра, суд может помочь свидетелю вспомнить, чем он занимался в это время и почему обратил внимание на определенные факты.

Напоминание об отдельных моментах того или иного события не должно заключаться в постановке наводящих вопросов. Последние недопустимы (ст. ст. 278, 281 УПК Киргизской ССР, ст. ст. 278, 282 УПК Латвийской ССР, ст. 305 УПК Азербайджанской ССР, ст. 243 УПК Эстонской ССР), они могут привести лишь к ошибочным показаниям¹.

Советские криминалисты со всей решительностью отвергают взгляды буржуазных криминалистов А. Гельвига², Ганса Тоха³, К. Кенни⁴, А. Уилшира⁵ и других, считающих возможным ставить допрашиваемым наводящие вопросы, поскольку такими вопросами можно лишь исказить правду, а не добиться получения достоверных показаний.

В иностранной литературе высказано немало взглядов о пользе постановки наводящих вопросов при допросе. Еще И. Бентам писал, что такие вопросы могут быть полезны, поскольку они служат средством сокращения показаний и могут помочь свидетелю вспомнить определенные факты⁶.

А. Гельвиг считал наводящие вопросы вполне допустимыми. По его мнению, если результаты судебного следствия могут привести к осуждению подсудимого, то председательствующий имеет право «незаметно задавать подсудимому наводящие вопросы, ожидая, что обвиняемый не даст ответа по существу («не попадетс на них»), и от этого достоверность его показаний еще более выиграет». Гельвиг допускает, что и невиновный может попасться на

¹ Вред допросу приносит не только откровенно наводящие вопросы, но и так называемые демонстрирующие вопросы. Суть их заключается в том, что допрашивающий своим вопросом демонстрирует свои «твердые» убеждения, «достоверные» знания определенных фактов. Тем самым на допрашиваемого оказывается психическое воздействие, и он нередко перед лицом «убежденного» обвинителя, защитника начинает сомневаться в собственных показаниях.

² A. Hellwig, *Psychologie und Vernehmungstechnik bei Tatbestandermittlungen*, 1927, S. 272.

³ «Legal and Criminal Psychology, Edited by Hans Toch», New-York, 1961, p. 60.

⁴ К. Кенни, Основы уголовного права, М., 1949, стр. 395—397.

⁵ А. Уилшир, Уголовный процесс, М., 1947, стр. 183—184.

⁶ И. Бентам, О судебных доказательствах, Киев, 1876, стр. 106—107.

наводящие вопросы, и все же, не соглашаясь с Липпманом, считавшим наводящие вопросы недозволенными, доказывает, что их надо применять возможно чаще. Разделавшись со своими «научными» оппонентами, он пишет: «В уголовном процессе речь идет не об интересах свидетеля, а об общественной заинтересованности в раскрытии виновности или невиновности обвиняемого... Поэтому в пределах этих интересов свидетелям можно задавать наводящие вопросы»¹. В высказываниях А. Гельвига ярко выражен классовый характер взглядов буржуазного криминалиста и фальсификаторская сущность приемов допроса, используемых судом для удовлетворения «заинтересованности» господствующего класса.

В книге «Правовая и уголовная психология», вышедшей под редакцией Ганса Тоха, наводящие вопросы рекомендуется задавать при перекрестном допросе, так как они позволяют «уточнить достоверность показаний свидетеля»².

К. Кенни считает, что вопросы, которые задают свидетелям, не должны быть наводящими, так как лжесвидетелю они подсказывают ложь, которую от него хотят услышать, а честный свидетель, просто «по лености ума», будет склонен дать на наводящий вопрос утвердительный ответ. Вместе с тем он считает допустимым наводящие вопросы в перекрестном допросе, а в некоторых случаях и в главном допросе³.

Такую же непоследовательную позицию занимает и А. М. Уилшер. Отмечая, что при главном и повторном допросах, как правило, наводящие вопросы не допускаются, он тут же делает оговорку, что в ряде случаев их можно ставить⁴.

Сторонниками постановки наводящих вопросов являются и Е. Крениг, М. Хаутс, Г. Берт и другие буржуазные криминалисты и психологи⁵.

Советские криминалисты считают, что суд может использовать лишь напоминание как тактический прием до-

¹ A. Hellwig, op. cit., S. 272—273.

² Hans Toch, op. cit., S. 60.

³ К. Кенни, Основы уголовного права, М., 1949, стр. 395—397.

⁴ А. М. Уилшер, Уголовный процесс, М., 1947, стр. 183—184.

⁵ Взгляды этих представителей буржуазной науки подвергнуты обоснованной критике А. Р. Ратиновым и О. А. Гавриловым в статье «Использование данных психологии в буржуазной криминалистике», сб. «Вопросы криминалистики» 1964 г. № 11, стр. 155—157.

проса. Наводящие же вопросы недопустимы как с точки зрения закона, так и требований судебной этики, поскольку они способны путем внушающего воздействия на допрашиваемого лишь извратить ту информацию, которой он располагает, и привести к ошибкам в показаниях.

Эффективность использования тактического приема — напоминания находится в прямой зависимости от того, насколько допрашивающий правильно и четко представляет себе существующую связь между фактом, который он напоминает, и фактом, его интересующим. Если в памяти свидетеля отдельные звенья события связаны между собой, то напоминание об одном из них может помочь вспомнить и об остальных. Если такой связи нет, никакие напоминания не помогут допрашиваемому восстановить в памяти интересующие суд события. Поэтому, используя этот прием допроса, важно точно представлять себе, что именно может послужить напоминанием, какие ассоциации избранным приемом можно актуализировать (оживить).

2. **Тактические приемы допроса** — сопоставление, уточнение, детализация, контроль, напоминание — основываются на том, что представления ассоциируются по смежности. Однако большую помощь в допросе могут оказать и тактические приемы, основанные на психологическом анализе представлений, которые ассоциируются по сходству и по контрасту. Речь идет о тактическом приеме, именуемом «наглядность».

Значительно облегчает допрос использование различных наглядных пособий, помогающих допрашиваемому восстановить в памяти определенные события и этим способствующих установлению интересующих суд фактов. В судебной практике, как, впрочем, и в следственной, при допросе еще недостаточно используются элементы наглядности, способные ассоциировать представления по сходству или контрасту. Допрос становится значительно эффективнее в случае, если свидетелю, потерпевшему или подсудимому суд и участники судебного разбирательства с помощью таких наглядных пособий, как иллюстрации, макеты, схемы, планы, фотоснимки, помогают восстановить в памяти событие, имеющее отношение к делу. Здесь производится своеобразное моделирование отдельных сторон или всего события, по поводу которого производится допрос.

Свидетелю и потерпевшему удастся полнее вспомнить

и правильно описать какие-то предметы, признаки, свойства, механизм действия, если подобные объекты он сможет непосредственно зрительно воспринимать. Например, в ходе допроса свидетелю легче назвать признаки словесного портрета определенной личности, если ему будет дан альбом с разнообразными признаками словесного портрета и предложено по рисункам, фотоснимкам показать, какие признаки преступника он видел. По делам о нарушении правил безопасности движения транспорта свидетелям целесообразно предоставить возможность давать показания, пользуясь макетами, это поможет им вспомнить и точнее описать механизм дорожно-транспортного происшествия. Моделирование с помощью макетов обстановки, в которой произошло столкновение автомашин, наезд на пешехода и т. п., позволит свидетелю в суде вспомнить детали, забытые и упущенные им при следственном допросе.

Использование в допросе планов, схем и фотоснимков поможет свидетелям и потерпевшим изложить показания с большей точностью.

Иногда в допросе полезно использовать предметы разных размеров и цветов, позволяющие свидетелям вспомнить и уточнить забытое, изложить точнее показания, а суду — найти и объяснить причину противоречий, содержащихся в показаниях этих лиц.

Р. С. Белкин правильно пишет, что «в данном случае опытным путем проверяется правильность восприятия допрашиваемым предмета и соответствие содержания восприятия его описанию»¹.

При судебном разбирательстве уголовного дела по обвинению К. в получении взяток, свидетель У., взяткодательница, показала, что она вручила К. в качестве взятки шерстяную кофточку, и описала ее фасон и цвет. Показания У. противоречили действительному цвету кофточки. У. называла синий, а кофточка была сиреневая. Чтобы уточнить показания У., суд разложил на столе ряд предметов различного цвета, в том числе синего и сиреневого, и предложил свидетельнице показать, какого цвета была кофточка. У. показала на сиреневый шарф, называя его синим. Таким образом, удалось установить, что У. неправильно ранее называла цвет кофточки.

¹ Р. С. Белкин, Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике, М., 1964, стр. 222.

Если свидетелю, потерпевшему или подсудимому трудно вспомнить определенные события, факты, ему можно предложить графически изобразить форму, взаиморасположение предметов, положение лиц или предметов, признаки объектов и т. п. Отдельным лицам, имеющим даже небольшие навыки рисования, значительно проще рассказать об интересующих суд событиях, прежде графически их изобразив. Пытаясь зарисовать что-либо, эти лица могут воспроизвести детали, трудно вспоминаемые при устном рассказе.

По делам, где механизм совершения преступления был сложным и событие протекало скоротечно, свидетели нередко могут более точно и полно рассказать об этих событиях, если им предъявить фотоснимки или планы места происшествия. Иногда сами эти лица графически показывают, как совершалось преступление.

Использование в допросе различного рода наглядных пособий — иллюстраций, альбомов, планов, схем, фотоснимков, макетов, различных тестов, предметов разнообразной формы и цвета и т. п. — оказывается полезным лишь при условии, если они предъявляются не в единственном числе, а в ряду предметов, чем исключается их внушающее воздействие. При таком положении у допрашиваемого есть возможность путем сравнения с другими объектами назвать признаки и свойства предметов, о которых идет речь на допросе. Макеты, планы, схемы и фотоснимки должны играть роль «толчка» для оживления в памяти и воспроизведения того, что свидетель, потерпевший действительно ранее видели¹.

Широкое внедрение в судебную практику указанных тактических приемов принесет пользу и создаст условия для получения более точных и достоверных показаний.

Необходимость использования любого из рассмотренных тактических приемов зависит в конечном счете от конкретной ситуации, складывающейся по делу. В значительной мере целесообразность применения определенных тактических приемов зависит от личности допрашиваемого и его показаний, отношения к делу (подсудимый, потерпевший, свидетель), его психических особенностей, образования, культурного уровня и др. Реализуются тактические

¹ «Теория доказательств в советском уголовном процессе», часть Особенная, М., 1967, стр. 95.

приемы в соответствующих вопросах, которые ставят допрашиваемым¹.

В определенной мере использование тактических приемов обусловлено процессуальным положением допрашивающего и порядком допроса, предусмотренным УПК. Обобщение судебной практики показывает, что защитники чаще ставят допрашиваемым дополнительные и уточняющие вопросы, поскольку до них допрос уже был произведен прокурором (в УССР) или судом и прокурором (в РСФСР) и многие обстоятельства дела уже выяснены.

Обвинители (в УССР) и судьи (в РСФСР) чаще прибегают к постановке контрольных и детализирующих вопросов, поскольку они сразу же после свободного рассказа допрашиваемого приступают к допросу и стремятся вопросами проверить правдивость показаний.

Однако в принципе любой участник процесса может использовать и использует все названные тактические приемы.

§ 3. Постановка вопросов в допросе

1. Искусство допроса во многом зависит от умения суда и участников процесса ставить вопросы. В процессуальной и криминалистической литературе правильно обращалось внимание на то, чтобы вопросы были по возможности краткими, ясными, понятными, целеустремленными, ставились в прямой форме, не были наводящими, задавались в определенной последовательности². Неправильно поставленный вопрос, даже если он и снят судом, приносит вред, нарушает культуру, а иногда и этику допроса.

¹ М. С. Строгович отмечает, что свидетелю могут быть поставлены дополняющие, уточняющие, напоминающие и контрольные вопросы («Курс советского уголовного процесса», М., 1958, стр. 312—314); И. Д. Перлов еще раньше называл дополняющие, разъяснительные, уточняющие, вспомогательные или напоминающие вопросы («Судебное следствие в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 134—135).

Болгарский криминалист Иван Вакарелски также пишет, что в судебном допросе могут быть поставлены напоминающие, дополняющие, контрольные, разъяснительные и уточняющие вопросы. (Иван Вакарелски, Тактика на съдебно-следствените действия, Годишник на Софийския университет, София, 1964, стр. 256—257).

² А. Л. Ривлин, Допрос в уголовном суде, Харьков, 1939, стр. 52—61; А. Л. Цыпкин, Судебный допрос в советском уголовном процессе, М., 1938, канд. диссертация, стр. 105—106, 112.

Формулировка вопросов должна быть строго индивидуальной, избранной с учетом личности допрашиваемого, его физических и психических особенностей, возраста, характера, склонностей, образования, профессии, отношения к делу. Одно и то же обстоятельство у разных лиц должно выясняться вопросами, сформулированными по-разному.

Важно определить не только основные вопросы, которые обязательно следует задавать допрашиваемому, но и заранее решить, на каком этапе и в какой последовательности их поставить, в каких формулировках.

Вопросы нужно ставить энергично, без элементов вялости, свойственной неорганизованному и несобранному допрашивающему, спокойным и ровным тоном, без интонаций раздражительности¹.

Существенным условием, обеспечивающим успех допроса, является правильная последовательность в постановке вопросов.

В общем плане можно признать целесообразной такую последовательность вопросов: вначале допрашиваемому ставят вопросы, наиболее для него благоприятные, не вызывающие отрицательной реакции; затем переходят к нейтральным вопросам по обстоятельствам, прямо не затрагивающим интересов допрашиваемого (как первая, так и вторая группа вопросов помогает установлению контакта с допрашиваемым); наконец, формулируют вопросы, наиболее существенные и интересующие допрашивающего. На эти вопросы в своей совокупности должны быть получены ответы по важнейшим обстоятельствам дела².

Стройность, системность допроса являются обязательными его качествами. Иногда допрос таким не получается только потому, что судьи во время допросов, ведущихся прокурором или защитником, «вклинивают», и при этом без особой необходимости, свои вопросы. Судьям всегда, в том числе и в ходе допроса, проводимого участниками процесса, *нужны такт и выдержка*. Иногда на первый взгляд у них может создаться впечатление, что участник процесса не ставит нужного вопроса, а обходит или не-

¹ На культуру постановки вопросов обращает внимание болгарский криминалист Г. Панайотов («Някои особености при разпита», «Социалистическо право» 1967 г. № 7, стр. 61—63).

² Г. Гаррис писал: «...если вам надо получить ответ на определенный вопрос, не задавайте этого вопроса». Надо ставить отдельные вопросы, из которых ни один не «выдает ответа, но все будут вести к нему» (Г. Гаррис, Школа адвокатуры, СПб., 1911, стр. 60).

основательно откладывает постановку вопроса, и они спешат прийти ему на помощь. Тем самым без всякой пользы для дела нарушается стройная тактическая схема допроса, продуманная заранее допрашивающим.

На практике имеют место факты и противоположного порядка, когда судьи не направляют допрос в нужное русло, проявляют мало интереса к вопросам участников процесса. В то время, когда прокурор или защитник ставят вопросы, они листают дело, читают какие-то бумаги и почти безучастны к происходящему в допросе. Такое отношение судей не может способствовать эффективности судебного допроса.

Допрос должен быть по возможности экономным, без излишней и ненужной траты времени на повторения, которые еще так часто встречаются в практике. Многие судьи бдительно следят за тем, чтобы не ставились вторично вопросы по обстоятельствам, которые уже достаточно полно выяснены, чтобы не отнималось у суда время на выслушивание одних и тех же ответов подсудимого, потерпевшего или свидетеля. Нередко судьи вполне обоснованно снимают вопросы защитников и прокуроров.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что иногда по обстоятельствам дела имеется необходимость защитнику поставить тот-же вопрос, что и ранее задавал прокурор, поскольку защитником может быть дан более точный ответ.

В упоминавшемся уже постановлении № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности» отмечалось, что «не все судьи с должной ответственностью и пониманием относятся к выполнению возложенных на них законом обязанностей». Не изжиты случаи, когда некоторые судьи «проявляют неравное отношение к участникам процесса и возбуждаемым ими ходатайствам, необоснованно снимают их вопросы...». Вопросы должны быть связаны с темой свободного рассказа, и поэтому ставить их нужно таким образом, чтобы углубить и уточнить содержание этого рассказа. При формулировке вопросов необходимо учитывать объем информации, содержащийся в показаниях. Если допрашиваемый в свободном рассказе касался ряда событий, эпизодов, целесообразно вопросы ставить применительно к ним, разде-

ляя, таким образом, тему свободного рассказа на ряд подтем, к которым и относятся вопросы.

2. Некоторые практические работники считают, что наилучшими являются вопросы, на которые допрашиваемый может ответить «да» или «нет». Кажущаяся конкретность и определенность таких ответов внешне привлекательна. Однако при этом не учитывается, что в вопросах, на которые можно односложно ответить «да» или «нет», уже содержится информация, которая должна была бы исходить от допрашиваемого. Источником информации в таких случаях становится не допрашиваемый, а допрашивающий. Поэтому подобные вопросы неудачны, они содержат элементы внушения (наводящих вопросов) и лишают допрашиваемого возможности подробно осветить обстоятельства, которые не выражаются словами «да» или «нет».

А. Р. Ратинов правильно отмечает, что «в любых случаях вопрос должен быть сформулирован так, чтобы свидетель не мог извлечь из него никакой информации для своего ответа и вынужден был обращаться только к своей памяти»¹. Из этого следует, что во всех случаях, когда от свидетеля нужно получить конкретную информацию о каких-то событиях, их механизме, течении и т. п., вопросы должны быть по возможности краткими, позволяющими свидетелю подробно и обстоятельно на них ответить, черпая данные для ответа не из вопросов, а из сохранившейся в его памяти информации.

Лишь в отдельных случаях, когда достаточно получить данные элементарного порядка и в вопросах не нужно обстоятельно излагать какие-то сведения, они могут формулироваться так, чтобы на них допрашиваемый ответил: «да» или «нет». Например: «17 декабря 1967 г. вы были на работе?» Ответ может быть односложным: «да» или «нет».

Одной из распространенных ошибок является постановка вопросов, в которых излагаются все интересующие допрашивающего данные и от допрашиваемого требуется лишь подтверждение, что все было так, как указано в вопросе. По существу этим вопросам присущи те же недостатки, что и вопросам, на которые требуется однозначный ответ: «да» или «нет». Например: «Действительно ли

¹ А. Р. Ратинов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 188; «Теория доказательств в советском уголовном процессе», часть Особенная, М., 1967, стр. 98.

15 апреля 1967 г. в 19 часов вечера Вы, находясь на остановке автобуса «Космическая», видели, как гражданин Петренко подошел к Золотареву и ударил его по лицу?» Свидетелю остается лишь сказать, что все так и было. Такие неправильные вопросы содержат внушение и являются наводящими, они столь же опасны во многих случаях, как и вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет».

Следует признать неправильной вообще постановку сложных, громоздких вопросов, в которых по существу содержится не один, а несколько вопросов. В таких случаях допрашиваемый оказывается нередко не в состоянии запомнить весь вопрос и поэтому отвечает лишь на первую или последнюю его часть.

3. Ранее уже отмечалось, что постановка наводящих вопросов приносит вред допросу, противоречит требованиям УПК и нравственным началам допроса. Между тем в судебной практике наводящие вопросы весьма распространены.

Данные, полученные в результате изучения анкет, заполненных судьями, прокурорами и защитниками¹, показывают, что наводящие вопросы еще очень часто можно услышать в зале судебного заседания. Прокуроры и судьи считают, что такими вопросами злоупотребляют только защитники, последние же в свою очередь отмечают этот же недостаток в вопросах прокуроров.

И действительно, в судах нередко можно услышать наводящие вопросы как от прокурора, так и защитника.

По одному делу прокурор, обращаясь к потерпевшему, поставил вопрос: «Вы же не были проинструктированы по технике безопасности?» Защитник по другому делу задал вопрос свидетелю: «В белом плаще был подсудимый?» вместо того, чтобы спросить: «В плаще какого цвета был одет подсудимый?»

При рассмотрении уголовного дела по обвинению К. защитник поставил вопрос подсудимому: «Вы же сами от-

¹ С целью обобщения богатого опыта участия в уголовном судопроизводстве, накопленного нашими судьями, прокурорами, защитниками, 350 практическим работникам (200 прокуроров, 80 судей, 70 защитников) было предложено сообщить свои соображения по ряду вопросов тактики подготовки и проведения судебных допросов.

В настоящей работе использованы результаты обобщения этих анкет. Автор считает своим долгом еще раз поблагодарить своих уважаемых коллег, высказавших ряд интересных и серьезных соображений по вопросам, рассматриваемым в данной книге.

казались от доведения своих преступных намерений до конца, а не потому, что потерпевшая оказала Вам сопротивление?» Подсудимый ответил: «Конечно, сам».

Очевидно, что подобные вопросы являются недопустимыми.

В формулировке вопросов должна быть учтена этическая, нравственная сторона. Нельзя считать нормальным, когда еще встречаются двусмысленные, оскорбительные вопросы.

Председательствующий по одному делу о краже, обращаясь к подсудимой, отрицающей вину, спрашивает: «Расскажите, подсудимая, как же все-таки Вы крали?» Прокурор по этому же делу: «Воровка К., признайтесь, куда Вы дели деньги?»

По другому делу прокурор сказал свидетелю: «Неужели Вы думаете, что суд поверит Вашей лжи?» Все подобные вопросы являются нарушением этики судебного допроса.

Вопросы должны быть предельно ясными с тем, чтобы можно было ожидать на них определенный ответ, имеющий значение для дела.

На практике встречаются случаи постановки таких вопросов, смысл которых непонятен. Например: защитник задает свидетелю инженеру-путейцу вопрос: «Второй станционный путь четный или нечетный?», хотя и ученику младших классов ясно, какое число считается четным.

Прокурор — подсудимому: «На основании чего Вы избили гражданина Д.?» Такой вопрос неуместен, и его постановка основана лишь на недоразумении.

Вопросы необходимо задавать спокойным тоном, четко и ясно. В этом смысле большое значение имеет языковое оформление вопроса, его «словесная оболочка». Вопросы должны быть понятны тем, кому они адресуются. А это значит, что они должны быть в лаконичных формулировках, доступных допрашиваемому.

В формулировках вопросов целесообразно избегать сложных оборотов речи (причастных, деепричастных, страдательных оборотов). Нельзя признать удачной и постановку вопросов, состоящих из уныло однообразных синтаксических конструкций, множества повторений одних и тех же слов, часто в одном и том же сочетании¹. Язык вопросов должен быть богатый, сочный, разнообразный.

¹ Е. Адамов, О культуре речи юриста, «Советская юстиция» 1966 г. № 1, стр. 13.

Темп речи во время постановки вопросов должен соответствовать их содержанию, он может быть более или менее быстрым, в зависимости от объема вопроса. Краткий вопрос может быть задан в более быстром темпе, чем «длинный». Однако в любом случае вопрос должен задаваться в таком темпе, который обеспечивает нормальное и спокойное его восприятие. Скороговорка здесь столь же неуместна, как и медленный темп речи. Если первое затрудняет усвоение вопроса, то второе приводит к замедленности в допросе, делает его тягучим и монотонным.

Имеет важное значение и интонация голоса, которым допрашивающий задает вопрос, поскольку ею можно передать разнообразные оттенки отношения к вопросу и возможному ответу. Имеет значение и интонация, которая звучит в ответе на вопрос. Здесь явное отличие устной речи от письменной речи, неспособной к богатой передаче интонаций. По этому поводу Бернард Шоу заметил: «...есть пятьдесят способов сказать «да» и пятьсот способов сказать «нет», и только один способ это написать»¹. Интонация должна соответствовать словам, выражающим определенную мысль. Должно быть гармоническое сочетание, единство интонации, содержания вопроса и словесной его формы.

Имеет определенное значение и поза, в которой находится допрашивающий в момент постановки вопросов. Следует признать неэтичным, когда участники процесса задают вопросы во время хождения, покачиваясь, разваливаясь на столе, перекинув небрежно руку за спинку стула и т. п. Поза должна быть естественной и скромной, соответствующей той, которая свойственна человеку, сидящему за столом в официальном судебном учреждении во время судебного разбирательства дела.

Не следует, задавая вопросы, гримасничать, жестикулировать руками. Мимика и жесты должны быть естественными и скупыми².

Формулируя вопрос, нельзя не учитывать и то, какой возможен ответ на вопрос. Иногда вопрос формулируется таким образом, что любой ответ допрашиваемого ничего полезного для дела не содержит.

¹ Бернард Шоу, Избранные произведения, М., 1956, т. 1, стр. 18.

² В. Гольдинер, Произнесение защитительной речи, «Советская юстиция» 1966 г. № 14, стр. 22.

Во время судебного разбирательства по делу о краже зерна свидетель К. показал, что, ночью, возвращаясь из клуба домой, он видел проходящего неподалеку от него человека с мешком на спине. Было очень темно, и он не узнал этого человека, а лишь запомнил, что тот был среднего роста, одет в темную одежду. Защитник, выслушав эти показания, поставил свидетелю вопрос: «Скажите, свидетель, а если бы в этот момент прошел с мешком зерна на спине подсудимый Л., Вы бы его узнали?» Очевидно, что такой вопрос является беспредметным, поскольку свидетель уже до этого заявил, что он не мог разглядеть в темноте прохожего с мешком. Поэтому отрицательный ответ на вопрос защитника был закономерен и ничего нового не содержал.

Суммируя все изложенное, можно назвать основные требования, предъявляемые к постановке вопросов¹.

1. Вопросы должны быть по возможности краткими, четкими и ясными и относиться к обстоятельствам, подлежащим выяснению по делу.

2. Формулировать вопросы нужно с учетом личности допрашиваемого.

3. Нельзя задавать наводящих вопросов, неэтичных и двусмысленных.

4. Не следует ставить вопросы об обстоятельствах, уже достаточно выясненных или не имеющих значения для дела, «вопросы ради вопросов».

5. Ставить вопрос следует только тогда, когда имеются основания получить определенный ответ.

6. Между вопросами должна быть определенная связь, соответствующая задуманной допрашиваемым тактической схеме допроса.

7. Вопросы нужно ставить энергично, но спокойным тоном.

В заключение необходимо подчеркнуть, что для допрашивающих важно не только *уметь поставить вопрос*, но и *уметь выслушать ответы на вопросы*. Иногда участник судебного разбирательства ставит вопрос, а затем не слушает ответ, переговаривается с кем-то, читает бумаги, листает записи и т. п.

¹ Интересны требования к вопросам, сформулированным К. Сергеевым в своей книге «Искусство речи на суде» (М., 1960, стр. 178, 179, 185, 187). Они сохранили свою актуальность и до настоящего времени и учтены при формулировке нами требований к вопросам.

Уметь слушать допрашиваемого — это не значит просто сидеть молча. Допрашивающий должен быть внимательным, сосредоточенным, смотреть на допрашиваемого, когда тот отвечает на его вопрос.

Если свидетель, потерпевший, подсудимый увидят, что участник процесса, поставивший им вопрос, не слушает ответы, то недобросовестный допрашиваемый воспользуется этим для того, чтобы давать неправдивые ответы, а у добросовестного допрашиваемого пропадет желание отвечать на вопросы.

Допрашивающий при постановке вопросов должен быть сдержан, уметь владеть собой и не спешить высказывать своего отношения к ответам, последовавшим на поставленные вопросы.

Глава третья

ДОПРОС ПОДСУДИМЫХ

§ 1. Общие положения допроса подсудимых

1. Трудности допроса подсудимых обусловлены целым рядом обстоятельств, отличающих допрос подсудимого в суде от допроса обвиняемого на предварительном следствии.

Подсудимый, используя право давать показания как средство защиты своих интересов, нередко противодействует суду в установлении истины. Подсудимый вправе отказаться от дачи показаний и избежать допроса, он также может пожелать давать показания в любой момент судебного следствия.

Основная цель допроса подсудимого судом состоит не в изобличении его, не в получении данных, подтверждающих правильность его показаний следователю, а в выяснении всех существенных обстоятельств дела, известных подсудимому. Суд, допрашивая подсудимого, не должен стремиться к тому, чтобы подсудимый обязательно повторил свои показания, данные на предварительном следствии. Задача суда заключается в том, чтобы допросом полностью выяснить такие факты преступной деятельности подсудимого, без которых невозможно установить истину по делу.

Правильно пишет М. С. Строгович: «Важно не то, чтобы допрашиваемый на суде подтвердил свои показания на предварительном следствии, важно, чтобы он на суде дал правильные показания, а правильность этих показаний определяется не их соответствием показаниям, данным на предварительном следствии, а их соответствием обстоятельствам дела, объективной истине»¹. Если же в ходе допроса у судей возникает предположение, что подсудимый дает заведомо ложные показания, то они не только могут, но и должны использовать необходимые тактические приемы допроса для получения правдивых показаний.

Обстоятельством, осложняющим допрос подсудимого, является трудность в установлении психологического контакта в суде с подсудимым. Благоприятной основой для такого контакта является ведение судебного разбирательства в духе объективности, полноты и всесторонности, чтобы к моменту допроса подсудимого он был убежден в том, что суд действует строго в соответствии с законом, справедливо, соблюдая его интересы, и ведет процесс совершенно непредубежденно. В ходе судебного разбирательства нужно создать обстановку, облегчающую раскрытие подсудимого, убедить его в бесполезности запирательства, необоснованного отрицания вины.

Судьи, прокурор, защитник, разъясняя содержание п. 9 ст. 38 УК РСФСР (соответствующих статей УК других союзных республик) должны убедить подсудимого, что его чистосердечные, правдивые показания являются обстоятельством, смягчающим его вину, и будут учтены судом. Нередко такое разъяснение нормы закона помогает установить нужный для допроса контакт с подсудимым, последний же, убеждаясь в полезности признания своей вины, преодолевает «психологический барьер» и дает правдивые показания.

Установлению контакта способствует и индивидуальный подход к подсудимому². Еще в процессе подготовки к допросу из материалов дела нужно получить сведения о своеобразных чертах характера подсудимого, его привычках,

¹ М. С. Строгович, Гарантии непосредственности и устности уголовного процесса, «Советская юстиция» 1963 г. № 7, стр. 11.

² М. Коршик обращал внимание на необходимость изучения данных о личности подсудимого в судебном заседании. Они помогут суду получить сведения, полезные и для определения индивидуального подхода к допросу подсудимого (М. Коршик, Изучение и оценка данных о личности обвиняемого в судебном заседании, «Социалистическая законность» 1963 г. № 12, стр. 54—57).

склонностях, его роли в совершении преступления. Использование этих данных при допросе может помочь получить точные, правдивые показания.

Большинство подсудимых — это лица, впервые совершившие преступление, и поэтому необходимо объяснить им, что их правдивые показания помогут суду получить более правильное представление о их роли в преступлении. Нужно использовать все известные суду положительные черты характера подсудимого для того, чтобы пробудить в нем совесть. Например, зная, что подсудимый дорожит своими отношениями с близкими ему людьми, родственниками, можно обратиться к подсудимому с предложением рассказать всю правду, объяснив, что этим он поможет суду и близким ему людям, находящимся в зале, убедиться в том, что он осознал ошибочность своих поступков и способен исправиться.

Успех допроса во многом определяется тем отношением, которое складывается у допрашивающего с допрашиваемым. Чтобы вызвать доверие у допрашиваемого, судьям, прокурорам, защитникам необходимо в самом начале допроса выяснить не только отрицательные моменты в биографии подсудимого (прежняя судимость, взыскания, приговоры и т. п.), но и положительные (награды, поощрения, состав семьи и т. п.). Нарушением этики судебного допроса являются акцентирование внимания и неоднократные ссылки на отрицательные обстоятельства в жизни подсудимого, не имеющие и не могущие иметь значения для допроса и дела в целом.

Эффективность допроса зависит и от взаимодействия прокурора и защитника. В ходе допроса подсудимого прокурором и защитником не должно допускаться в отношении друг друга никаких неэтичных, нетактичных заявлений и реплик. Показания подсудимого могут не удовлетворять прокурора или защитника, однако это не дает права любому из них вести себя раздраженно, бестактно.

По делу Ч. и других прокурор во время допроса подсудимого поставил ему ряд вопросов. Подсудимый, ранее отрицавший свое участие в одном эпизоде хищения, дал ответы, в которых признал свое участие и в этом эпизоде. Адвокат решил создать впечатление, что это признание не является правдивым. Свой допрос он начал с замечания: «Ну, допрос прокурором окончен, теперь расскажите правду». Нет нужды доказывать этическую несостоятельность подобных высказываний.

Допрос подсудимых проходит в таком порядке:

а) Председательствующий предлагает подсудимому дать показания по поводу предъявленного обвинения и известных ему обстоятельств дела. Суд заслушивает показания (свободный рассказ) подсудимого, не перебивая его. В ходе изложения подсудимым показаний суд вправе лишь обращать его внимание на необходимость сообщать факты, имеющие отношение к делу и представляющие для суда интерес (ст. 280 УПК РСФСР).

б) После того, как подсудимый закончит изложение своих показаний (свободный рассказ), его допрашивают — по УПК РСФСР — судьи, обвинитель, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик и их представители, защитник¹, по УПК УССР — прокурор, общественный обвинитель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, защитник, общественный защитник². Затем подсудимому вправе задавать вопросы другие подсудимые и их защитники. После этого допрашивают судьи. Независимо от принятого процессуальным законом порядка допроса суд вправе в любой момент допроса подсудимого участниками судебного разбирательства задавать ему уточняющие и дополняющие вопросы (ст. 280 УПК РСФСР, ст. 300 УПК УССР).

Осуществляя руководство допросом, председательствующий следит, чтобы участники процесса ставили подсудимому вопросы в четких, кратких и понятных формулировках, в корректном тоне и только относящиеся к делу. Если кто-либо из допрашивающих попытается поставить наводящие вопросы, суд обязан их отвести. При допросе судьям и участникам процесса не следует относиться к подсудимому тенденциозно. Нельзя выражать свое негативное отношение к подсудимому, его показаниям, демонстрировать пренебрежение, игнорировать его заявления. Это приводит нередко к осложнению в допросе, подсудимый убеждается в бесполезности своих объяснений, замыкается в себе и даже отказывается от дачи показаний. Неуместны и вопросы, не учитывающие того, что показывает подсудимый. Так, по одному делу подсудимый категорически отрицал свою

¹ Такой же порядок предусмотрен и в УПК Армянской, Белорусской, Литовской, Молдавской, Латвийской, Азербайджанской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской союзных республик.

² Аналогичный порядок принят УПК Узбекской, Эстонской, Грузинской союзных республик.

вину. Судья же ему поставил вопрос в такой формулировке: «Нам ясно, что преступление Вы совершили, скажите, почему Вы это сделали?». Здесь абсолютно необоснованно судья высказал свое мнение, которое должно было бы окончательно формулироваться в совещательной комнате, и задал вопрос без учета характера показаний подсудимого.

в) В исключительных случаях в интересах установления истины по делу, когда для полноты допроса и получения правдивых показаний одного подсудимого оказывается необходимым допросить его в отсутствие другого подсудимого, суд выносит мотивированное определение и допрашивает одного подсудимого в отсутствие другого. По окончании допроса отсутствующий подсудимый возвращается в зал судебного заседания, председательствующий знакомит его с показаниями, данными в его отсутствие, и предоставляет ему возможность задать вопросы (допрошенному подсудимому) и дать объяснения по поводу этих показаний (ст. 280 УПК РСФСР).

Нам представляется, что более удачным было бы предоставление права председательствующему знакомить подсудимого, удаленного на время допроса другого подсудимого, с показаниями, данными в его отсутствие, не сразу же после возвращения его в зал суда, а с учетом конкретных обстоятельств в любой, тактически наиболее благоприятный момент. Такой порядок дал бы больший простор суду в выборе моментов, наиболее тактически целесообразных для ознакомления подсудимого с показаниями другого подсудимого, данными в его отсутствие. Это особенно важно, когда необходимо изобличить подсудимого, дающего явно лживые, надуманные показания. Права подсудимого при этом не будут нарушены, так как до конца судебного следствия он обязательно будет ознакомлен с показаниями, которые были даны в его отсутствие.

г) Если при допросе подсудимого будут обнаружены существенные противоречия между показаниями в суде и показаниями, данными на предварительном следствии или дознании, либо он откажется от дачи показаний, суд может огласить эти показания как по собственной инициативе, так и по ходатайству любого участника процесса, а также воспроизвести приложенную к протоколу допроса звукозапись показаний. Оглашение и воспроизведение звукозаписи показаний в таком случае является приемом, направленным на получение достоверных показаний. Воспро-

изведение звукозаписи производится после оглашения письменных показаний, содержащихся в протоколе допроса или протоколе судебного заседания.

§ 2. Тактические приемы допроса различных категорий подсудимых

Тактические приемы судебного допроса используются, сообразуясь с тем, каких подсудимых необходимо допросить. Совершенно очевидно, что приемы судебного допроса подсудимого, признающего или отрицающего свою вину, подсудимого, при расследовании признававшего себя виновным, а в суде отрицающего свою вину, будут различными. Специфичен и допрос несовершеннолетнего подсудимого.

Тактическая схема допроса подсудимого в целом может быть охарактеризована так: от нейтральных фактов к основным обстоятельствам дела. Это не значит, что все многообразие тактики судебного допроса, зависящей от личности подсудимого, его положения в деле, возраста, уровня развития, профессии и многого другого, можно свести к указанной схеме. Однако принципиально она верна. Допрос по поводу нейтральных фактов позволяет установить определенный контакт с подсудимым, что облегчает последующий допрос по основным обстоятельствам дела. Вместе с тем иногда целесообразно чередовать постановку вопросов по нейтральным и основным обстоятельствам. Этим самым будет периодически сниматься напряжение в допросе, и он окажется более эффективным.

1. Для допроса подсудимого, признающего себя виновным, избираются тактические приемы, обеспечивающие полное, всестороннее и объективное выяснение всех обстоятельств, имеющих значение для дела. Подсудимый является лицом, заинтересованным в исходе дела, и потому, даже признавая себя виновным, он нередко стремится смягчить свою вину, умолчать о том, что ему во вред упустить из показаний подробности, характеризующие его отрицательно. Несмотря на признание подсудимым своей вины, зная его желание смягчить ее, допрос нужно вести в направлении детального выяснения обстоятельств совершения преступления, его мотивов, круга участников, действий подсудимого в момент приготовления, совершения и сокрытия преступления. Выяснение этих данных необходимо в

любом случае для того, чтобы проверить другими доказательствами показания подсудимого, а также для установлений, нет ли самооговора. Детализация показаний, получение максимума фактических данных при допросе — наиболее характерная черта допроса подсудимого, признающего себя виновным.

В ходе допроса подсудимого, признающего себя виновным, нужно стремиться устранять любые, даже самые мельчайшие, противоречия. Постановкой конкретных, детализирующих вопросов нередко удается устранить противоречия.

Немаловажное значение в допросе таких подсудимых имеет тактический прием «наглядность» — предъявление вещественных доказательств, планов, схем, с использованием которых можно получить более точные и конкретные показания.

По одному делу о хулиганстве четверо подсудимых, признававших себя виновными, дали в деталях противоречивые показания. Ими в один вечер было затеяно несколько драк в разных местах, и в своих показаниях они по-разному указывали место, где была одна из них. Чтобы устранить это противоречие, прокурор предъявил схемы мест происшествий каждому из подсудимых в отдельности и предложил показать место, где произошла драка. Все подсудимые на одной схеме показали одно и то же место. Таким образом, предъявление схем помогло устранить противоречие в показаниях подсудимых.

Допрашивая подсудимого, признающего себя виновным, нельзя ограничиваться выяснением лишь основных обстоятельств дела. Важно получить максимум сведений, подтверждающих правдивость показаний, пусть даже это и будут сведения второстепенного характера. Кроме того, нужно выяснять причины совершения преступления, обстоятельства, которые подсудимый использовал для этого. Такие сведения криминологического характера помогают установить условия формирования преступного умысла у подсудимого, его психологию, что имеет определенное значение и для допроса.

2. **Тактические приемы допроса подсудимого, не признающего себя виновным, должны быть направлены на выяснение и сопоставление отдельных фактов в его показаниях, которые в конечном счете в совокупности с другими доказательствами приведут суд к твердому выводу о виновности или невинности подсудимого.**

Судьи еще до допроса знают, что и на предварительном следствии подсудимый не признавал себя виновным. Подсудимый, как правило, не только отрицает свою вину, но и ссылается на доказательства, приводит аргументы, которые, по его мнению, опровергают обвинение. Допрашивая такого подсудимого, необходимо детализировать, уточнять его показания и сопоставлять их в процессе допроса с другими доказательствами по делу. Уточняются показания подсудимого постановкой соответствующих вопросов по отдельным обстоятельствам дела и анализом полученных ответов, которые могут осветить действительную роль подсудимого в преступлении. Сопоставлять показания, данные подсудимым во время допроса, нужно только с достоверными доказательствами. В противном случае допрашивающий не изобличит подсудимого, а укрепит его ложную позицию. Нельзя переоценивать доказательственное значение фактов, с которыми сопоставляются ответы подсудимого во время допроса. Например, не следует подсудимому, отрицающему факт подделки документа, говорить, что он дает неправдивые показания, так как положительные выводы эксперта, сделанные в форме предположения, свидетельствуют об обратном. Предположительный вывод эксперта не является тем достоверным фактом, в сопоставлении с которым можно убедиться, что подсудимый дает ложные показания. Другое дело, если бы заключение эксперта было категорическим. В этом случае суд, используя выводы эксперта, мог бы поставить подсудимому вопрос, почему он отрицает факты, достоверно установленные экспертизой, чем он объясняет противоречие между его показаниями и заключением эксперта.

В отличие от предварительного следствия суд лишен возможности сопоставить показания с доказательствами, неизвестными подсудимому. С одними доказательствами обвиняемый был ознакомлен по окончании расследования, а другие получены в ходе судебного следствия, в его присутствии. В доказательствах, предъявляемых подсудимому, для него нет ничего неожиданного. Поэтому такой тактический прием допроса, как внезапное предъявление доказательств в суде, значительно менее эффективен, чем на предварительном следствии. Однако он может быть использован. В суде нередко допрашивают вызванного по ходатайству прокурора нового свидетеля, который дает показания, противоречащие тому, что говорил подсудимый. В суде иногда проводится экспертиза, выводы кото-

рой можно использовать для сопоставления с показаниями подсудимого, отрицающего свою вину.

Судьи, прокуроры, защитники могут усилить воздействие доказательств путем предъявления их в определенных совокупностях, сочетаниях, которые по-иному, чем в показаниях подсудимого, и более точно, полно освещают отдельные обстоятельства дела. В связи со сказанным особое значение приобретает анализ доказательств, проведенный допрашивающим, и выбор из них наиболее существенных, способных оказать необходимое психологическое воздействие на подсудимого. При допросе полезно показать, что между показаниями подсудимого и совокупностью других доказательств имеются противоречия, и предложить подсудимому объяснить их. Если доказательства, предъявляемые при допросе, в совокупности убедительны и указывают на истину, то, значит, противоречащие им показания подсудимого являются ложными и судьям, участникам процесса можно постановкой уточняющих, детализирующих, конкретных вопросов вскрыть противоречивый и лживый характер показаний подсудимого.

Возможен и такой случай, когда подсудимый отрицает свою вину и допрашивающий, сопоставляя его показания с другими доказательствами, приходит к выводу, что правдивы, достоверны показания подсудимого, а иные доказательства, им противоречащие, сомнительны. Может быть так, что доказательства, внешне противоречащие показаниям подсудимого, в конечном счете свидетельствуют о правдивости, а не о ложности показаний. Поэтому суд в результате допроса и всего судебного разбирательства приходит к выводу о невиновности подсудимого и убеждается, что показания свидетелей, других подсудимых создают лишь видимость обвинительных доказательств, по существу же они не состоятельны.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. по делу Иванцова указывалось: «Иванцов, отрицая предъявленное ему обвинение, ссылаясь на противоречивость, неконкретность и непоследовательность показаний осужденных по этому делу Панаитова, Богатого и Тюфекчи, уличавших его как участника преступления. Признав показания этих лиц в отношении обвиняемого Иванцова добросовестными, органы предварительного следствия и суд не исследовали причины противоречий в показаниях Богатого, Панаитова и Тюфекчи, что имеет существенное значение для правильной оцен-

ки их показаний в отношении Иванцова». Пленум Верховного Суда СССР возвратил это дело на дополнительное расследование и указал на необходимость «тщательно, всесторонне и объективно исследовать все доводы, выдвинутые Иванцовым в свою защиту»¹.

Допрос подсудимого, отрицающего свою вину или пытающегося ее смягчить, может сопровождаться одновременным проведением других судебных действий: осмотром места происшествия и вещественных доказательств, судебным экспериментом и др., а также демонстрацией диафильмов, диапозитивов, кинофильмов, прослушиванием магнитофонной записи, изучением планов, схем, фотоснимков места происшествия и т. п.

Целесообразным тактическим приемом допроса подсудимого, не сознающего в совершении преступления, является допрос его по мере рассмотрения отдельных обстоятельств дела. Данный прием, широко распространенный в практике, позволяет подробнее допросить подсудимого и сразу же сопоставить его показания с рассмотренными обстоятельствами дела.

Чтобы получить правдивые показания, допрашивающий может использовать склонности подсудимого, его симпатии, т. е. вести допрос с опорой на положительное в личности подсудимого. Опытные судьи иногда, обращаясь к подсудимому, отмечают, что он в прошлом честно трудился, имел репутацию правдивого и добросовестного человека, что и сейчас у него есть пути исправления. Такое обращение к положительным свойствам подсудимого может привести к тому, что он прекратит заpirationство и расскажет суду правду. Своим обращением судьи должны показать, что у них действительно нет предубежденности и тем более враждебности к подсудимому, что они хотят ему помочь исправиться, что подсудимый не потерянный для общества человек и суд склонен учесть все хорошее, сделанное им для нашего государства. В этом проявляется и воспитательное воздействие судей на подсудимого.

Допрос подсудимых, не признающих себя виновными, необходимо вести активно и целеустремленно, но ни в каком случае недопустимы раздражительный тон, угрозы. Подобные нарушения этики допроса нетерпимы, они лишь

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1962 г. № 2, стр. 23.

могут ожесточить подсудимого, он замкнется в себе и откажется вообще давать показания, отвечать на вопросы.

Если в деле есть доказательства, противоречащие показаниям подсудимого, то лучше, если прокурор или защитник объяснит подсудимому, что противоречия между этими доказательствами и показаниями не убеждают в правдивости последних. Подсудимому нужно предложить объяснить имеющиеся противоречия. Постановкой детализирующих, контрольных, уточняющих вопросов, сопоставлением показаний подсудимого и других доказательств можно в большинстве случаев добиться правдивых показаний.

Эффект допроса во многом зависит от умелого использования всех доказательств, противоречащих показаниям подсудимого, отрицающего свою вину.

При судебном разбирательстве уголовного дела по обвинению П. в убийстве своей жены подсудимый категорически не признавал себя виновным. Государственный обвинитель во время допроса, последовательно предъявляя подсудимому фотоснимки места происшествия, различные вещественные доказательства, оглашая заключение эксперта, добился того, что подсудимый признал себя виновным и дал развернутые показания.

Допрос подсудимого, отрицающего свою вину, как правило, необходимо сопровождать предъявлением вещественных доказательств, противоречащих таким показаниям. В этом случае допрашивающему, как правило, удается убедить подсудимого в несостоятельности его показаний.

Подсудимые К., Я. и другие отрицали, что они пользовались грязным шлангом, разбавляя водой молоко в бидонах. Прокурор с разрешения суда при допросе предъявил шланг — вещественное доказательство, и все участники процесса убедились в том, что шланг грязный. Подсудимые вынуждены были признать данный факт.

По делу о хулиганстве подсудимый Т. утверждал, что у него в руках был «ножичек», а не финский нож. Прокурор возбудил ходатайство перед судом предъявить подсудимому нож — вещественное доказательство. Был предъявлен финский нож. После этого подсудимый изменил свои показания.

По делу Т., обвиняемого в изнасиловании, подсудимый, отрицая свою вину, утверждал, что потерпевшая не оказывала ему сопротивления и он вступил с ней в сношение по добровольному согласию. Обвинитель предъявил Т.

плащ потерпевшей, на котором были оборваны все пуговицы с кусками ткани, и предложил объяснить, почему же плащ, в котором была потерпевшая, поврежден. Т. вынужден был отказаться от данных ранее показаний и признаться, что потерпевшую он изнасиловал и она при этом оказывала ему сопротивление.

Таким образом, основной особенностью подобного допроса является умелое использование таких тактических приемов допроса, как детализация, уточнение, контроль, сопоставление показаний подсудимого с доказательствами, имеющимися в деле, а также предъявление при допросе вещественных доказательств, планов, схем и др.

3. Определенную специфику представляет тактика допроса подсудимого, на предварительном следствии признавшего себя виновным, а в суде отрицающего свою вину. В таких случаях необходимо прежде всего выяснить причину изменения показаний и определить, в чем конкретно она состоит. Не зная истинной причины изменения показаний, нельзя избрать и надлежащие тактические приемы допроса.

Изменение показаний подсудимых может быть вызвано разными причинами: желанием избежать ответственности, стремлением смягчить свою вину, оговорить кого-нибудь и т. п. Анализ судебной практики показывает, что подсудимые нередко изменяют свои правдивые показания, данные следователю, на ложные или ложные показания, данные при расследовании, на правдивые показания в суде. Иногда одни ложные показания подсудимый заменяет другими, поскольку первые оказываются явно несостоятельными. Любое из измененных показаний, даже если оно и кажется правдоподобным, суду нужно тщательно проанализировать и оценить¹. Одинаково опасны для правосудия две еще наблюдающиеся в практике тенденции: слепое доверие к показаниям в суде и игнорирование показаний, данных при расследовании, огульное недоверие к показаниям в суде и преувеличение значимости показаний, данных при расследовании².

В судебной практике чаще встречается вторая тенденция, состоящая в том, что любые существенные изменения

¹ В. Златкович, Исследование и оценка доказательств, изменившихся в стадии судебного следствия, «Социалистическая законность» 1953 г. № 6, стр. 35—37.

² И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 172.

показаний подсудимого в суде признаются и оцениваются как попытка дать ложные показания, без выяснения причины таких изменений.

В тезисе к определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Утенина указано: «В случае изменения подсудимым или свидетелями на суде показаний, данных ими на предварительном следствии, суд при рассмотрении дела должен тщательно исследовать и выяснить причины изменения этих показаний». Обвинение Утенина в убийстве Соколова основывалось на показаниях подсудимого Бирюкова и свидетелей Коробова, Никитина, Волковского и Лобачева, данных ими на предварительном следствии. В суде свидетель Лобачев не был допрошен, а остальные — изменили свои показания. «Основав свой приговор на показаниях этих лиц на предварительном следствии, суд не указал в приговоре, почему заслуживают доверия именно эти показания, а не показания, данные ими на суде. Как видно из протокола судебного заседания, суд не выяснил причин, послуживших к изменению показаний указанными свидетелями и обвиняемым Бирюковым в отношении Утенина»¹.

Если на предварительном следствии подсудимый признавал себя виновным, а в суде отрицает свою вину, то некоторые судьи предпочитают больше доверять показаниям, данным на предварительном следствии. Когда же при расследовании преступлений обвиняемый не признавал себя виновным, а в суде признал свою вину, то тогда считаются правильными последние показания. Такую позицию нельзя признать правильной, так как в ней явно выражена обвинительная тенденция. В любом случае выводы судей о правдивости одного из двух противоречивых показаний подсудимого независимо от того, даны они при расследовании или в суде, должны быть объективно обоснованными, соответствовать тому, что действительно имело место.

Допрашивая подсудимого, изменившего свои показания в суде, нужно тщательно конкретизировать и детализировать его новые показания. Сопоставляя их затем с показаниями, данными следователю, нужно особое внимание обратить на такие детали, которые могли быть известны только подсудимому, как участнику преступления. В этом можно убедиться, сопоставив его показания с протоколом осмотра места происшествия, показаниями свиде-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 5, стр. 23.

телей и другими доказательствами. Таким путем можно проверить обоснованность отказа подсудимого от своих показаний.

Следует так построить допрос, чтобы подсудимый, необоснованно отказавшийся от данных ранее показаний, понял, что никакие увертки, в том числе и неосновательный отказ от своих показаний, не помогут ему запутать дело; суд на основе всех имеющихся доказательств по делу сможет установить истину, а в даче правдивых показаний заинтересован сам подсудимый.

Если в деле несколько подсудимых и один из них отказался от данных ранее показаний, то можно использовать показания других подсудимых для проверки обоснованности отказа от показаний.

Отказавшегося от своих показаний подсудимого целесообразно подвергнуть перекрестному или шахматному допросу или провести очную ставку между ним и другими подсудимыми, свидетелями, потерпевшими.

Практикой выработан ряд тактических приемов исследования судом измененных показаний подсудимого¹.

Первым таким приемом является сопоставление измененного показания с другими доказательствами. Подсудимому, изменившему показания, в процессе судебного допроса предъявляются доказательства, согласующиеся с его показаниями на предварительном следствии. В первую очередь предъявляются такие доказательства, как, например, вещественные и письменные доказательства, заключения биологической, химической, трасологической экспертиз и т. п.

Вторым тактическим приемом является последовательное исследование измененного показания. Сущность его заключается в том, что подсудимому по частям, постепенно оглашаются его показания на предварительном следствии и выясняется, подтверждает ли он оглашенную часть показаний, а если отрицает либо несколько изменяет, то по каким причинам. Такой прием позволяет проверить обоснованность изменения показаний подсудимым.

Третий тактический прием — сопоставление показаний между собой — заключается в том, что суд, допрашивая подсудимого, сопоставляет его показания, данные им на

¹ В. Златкович, Исследование и оценка доказательств, изменившихся в стадии судебного следствия, «Социалистическая законность» 1953 г. № 6, стр. 36—44.

предварительном следствии, и выясняет, нет ли противоречий между ними, а также между новыми показаниями подсудимого и указанными показаниями. Используя такой тактический прием, можно установить, что обвиняемый сообщал в своих показаниях детали совершения преступления, которые до этого не были известны следователю, и поэтому его ссылка, в частности, на неправильные записи в протоколе допроса не может считаться убедительной¹.

Внедрение в следственную и судебную практику киносъемки и магнитофонной записи позволяет в случаях, когда подсудимый отказывается от показаний, данных на предварительном следствии, использовать демонстрацию кинофильма, снятого следователем, или магнитофонную запись показаний на предварительном следствии, воспроизведенную в ходе допроса подсудимого (ст. 286 УПК РСФСР).

По делу Б. подсудимый отрицал свою вину, изменил показания, данные на предварительном следствии, и заявил, что результаты проверки его показаний на месте являются недостоверными. Тогда по ходатайству прокурора допрос был прерван и участники процесса просмотрели фильм, фиксирующий процесс проведения этого действия, и прослушали магнитофонную запись показаний подсудимого. Последний вынужден был вновь изменить свои показания и рассказать правду.

Во время допроса в судебном заседании подсудимая Ф. категорически отрицала свои показания, данные на предварительном следствии, и после того, как был оглашен протокол допроса, утверждала, что следователь неправильно записал ее показания, а протокол она подписала не читая. Поскольку ее показания на предварительном следствии были записаны и на магнитофонную пленку, прокурор возбудил ходатайство прослушать запись показаний Ф. на пленке. После прослушивания записи Ф. подтвердила показания, данные на предварительном следствии, и вновь подробно рассказала о совершенном преступлении².

¹ В. Златкович правильно указывает, что рассмотренные тактические приемы могут использоваться не только для допроса подсудимых, но и свидетелей, изменивших в суде свои показания.

² В судебной практике случаи использования киносъемки и магнитофонной записи в ходе допроса становятся все более и более частыми. Практические работники считают тактический прием допроса в суде, заключающийся в демонстрации кинофильма и воспроизведении звуко-

Допрос подсудимого, изменившего показания, представляет, конечно, трудности, однако, используя указанные тактические приемы, можно получить правдивые показания.

4. Определенную специфику представляет допрос несовершеннолетнего подсудимого. Общие положения допроса, рассмотренные ранее, суд может использовать только с учетом особенностей личности несовершеннолетнего подсудимого.

Начиная допрос с выяснения данных о его личности, судьи уточняют не только фамилию, имя, отчество, точную дату рождения подсудимого (число, месяц, год), род занятий (где учится, работает), но и состав семьи, состоит ли он в комсомоле, задерживался ли ранее органами милиции, имел ли взыскания в школе или на работе и другие данные, позволяющие получить полную характеристику его личности. Целесообразно выяснить круг интересов несовершеннолетнего, его увлечения, узнать, что он читает.

Затем председательствующий спрашивает, признает ли подсудимый себя виновным, и предлагает ему дать показания по поводу предъявленного обвинения. После свободного рассказа суд и участники процесса задают вопросы. Очень важно, чтобы вопросы были краткими, четкими и ясными и ни в коем случае — наводящими. Если подсудимый признает себя виновным, нужно поставить ему уточняющие, детализирующие и контрольные вопросы, позволяющие получить фактические данные для проверки показаний.

Иногда несовершеннолетние подсудимые признают себя виновными в преступлениях, которых они не совершали, чтобы скрыть истинную роль других взрослых преступников — организаторов и подстрекателей преступления. Поэтому вопросы должны быть направлены на

записи, эффективным (см. статью «Доказательства, добытые с применением киносъемки и звукозаписи, должны исследоваться судом» — «Советская юстиция» 1967 г. № 24, стр. 20). В данной статье правильно ставится вопрос о том, что во всех случаях, если на предварительном следствии производилась киносъемка и звукозапись, суды должны исследовать их в судебном заседании. Такое предложение полностью соответствует ст. 37 Основ уголовного судопроизводства. В этой связи лишь возникают тактические вопросы. Судьи с учетом мнения участников процесса обязаны определить, на каком этапе судебного следствия, в связи с допросом кого из подсудимых, свидетелей, потерпевших, необходима демонстрация фильма и воспроизведение звукозаписи.

выяснение таких деталей преступления, которые может сообщить только лицо, действительно совершившее его. Когда подсудимый не признает себя виновным, после свободного рассказа ему следует поставить конкретизирующие и уточняющие вопросы. Важно терпеливо объяснить несовершеннолетнему обвиняемому, какой вред преступлением он причинил себе и обществу, выявить истинную причину, из-за которой он пытается скрыть правду и нейтрализовать ее, показать несостоятельность этой причины¹.

В допросе несовершеннолетнего подсудимого, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, участвует педагог (УПК РСФСР), педагог или врач (УПК УССР), помогающие суду установить контакт с подсудимым и создать условия, способствующие успешному ведению допроса. Они могут, с разрешения председательствующего, задавать подсудимому вопросы. Их участие в допросе должно помочь суду создать наиболее благоприятную для допроса обстановку, способствующую получению правдивых показаний.

Свое мнение о личности несовершеннолетнего подсудимого и о методах установления с ним нужного контакта названные специалисты могут высказать суду. Лучше всего это могут сделать педагоги и врачи, которые ранее его знали. Поэтому целесообразнее привлекать педагога, знающего подсудимого по школе, врача, наблюдавшего несовершеннолетнего (участкового врача).

Глава четвертая

ДОПРОС ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ

§ 1. Общие положения допроса потерпевших и свидетелей

Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик предусматривают порядок допроса потерпевших и свидетелей, который должен строго соблюдаться судом и всеми участниками судебного разбирательства.

¹ Г. М. Миньковский, Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних, М., 1959, стр. 135.

Допросу предшествует ряд действий председательствующего, имеющих важное значение и для самого допроса. Перед допросом потерпевших и свидетелей председатель устанавливает их личность, разъясняет гражданский долг и обязанность рассказать все известное по делу, предупреждает свидетеля об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, а потерпевшего — за дачу заведомо ложных показаний и отбирает у свидетеля подписку о том, что ему разъяснены его обязанности и ответственность (ст. ст. 282, 287 УПК РСФСР)¹.

Разъяснение названным лицам их гражданского долга, обязанности рассказать суду все, что известно по делу, а также предупреждение об уголовной ответственности не должны носить формального характера. Председательствующий сообщает или зачитывает текст статьи из Уголовного кодекса и в строго официальной форме разъясняет свидетелям и потерпевшим их обязанности. Важно это сделать так, чтобы они осознали необходимость и ответственность дачи показаний в суде. Нередко эта важная часть допроса, позволяющая установить и психологический контакт с допрашиваемым, проводится формально, шаблонно, и воспитательное значение ее невелико. Здесь, как и в ходе всего допроса, необходим строго индивидуальный подход: одних свидетелей достаточно ознакомить с нормой закона, а другим надо ее детально разъяснить, а иногда и напомнить в ходе допроса².

Выяснение данных о потерпевшем и свидетеле позволяет определить характерные черты личности допрашиваемого, установить с ним психологический контакт и избрать наиболее эффективные тактические приемы допроса, применительно к каждой конкретной личности.

Перед допросом председательствующий выясняет отношение свидетеля к подсудимому и потерпевшему, их взаимоотношения. Выполнение данного требования про-

¹ В УПК РСФСР, как и в УПК некоторых союзных республик, предусматривается, что председательствующий отбирает подписку, в которой свидетель в письменном виде предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного показания или за отказ от дачи показаний и которая прилагается к протоколу судебного заседания (ст. 247 УПК Узбекской ССР, ст. 285 УПК Белорусской ССР и др.). В УПК УССР такое правило отсутствует.

² «Теория доказательств в советском уголовном процессе», часть Особенная, М., 1967, стр. 106.

цессуального закона (ст. 283 УПК РСФСР) позволяет получить представление о причинах, могущих повлиять на объективность показаний свидетелей. Выяснение взаимоотношений свидетелей с подсудимым и потерпевшим на данном этапе допроса не всегда позволяет выявить все обстоятельства, влияющие на показания свидетеля, но и то, что может быть выяснено, позволит суду определить тактические приемы, которые следует использовать для допроса.

Потерпевший, как правило, настроен враждебно к подсудимому, поскольку последний нанес ущерб его здоровью, причинил ему моральный или имущественный вред, доставил много неприятного близким ему людям. Поэтому потерпевший может руководствоваться чувством обиды, желанием отомстить подсудимому. Все это нередко налагает отпечаток на его показания, которые могут содержать не только фактические данные, имеющие значение по делу, но и своеобразную эмоциональную окраску их и интерпретацию. Поэтому при допросе суду и участникам процесса необходимо постановкой уточняющих, детализирующих вопросов разграничить фактические данные в показаниях потерпевшего от их оценки, субъективного истолкования.

Допрос потерпевших и свидетелей проводится по одним и тем же правилам, с той лишь разницей, что потерпевшие допрашиваются раньше свидетелей (ст. 287 УПК РСФСР). Это требование процессуального закона не означает, что тактические приемы всегда являются одинаковыми при допросе свидетеля и потерпевшего.

Суд не может не учесть, что потерпевший заинтересован в исходе дела. Он стремится доказать вину подсудимого, изобличить его. Свидетель же, как правило, беспристрастен и объективно свидетельствует о фактах, известных ему.

Перед допросом свидетеля председательствующий разъясняет ему, по какому делу он вызван и в связи с какими обстоятельствами будет допрашиваться. Такое разъяснение необходимо потому, что не все свидетели понимают традиционный и неконкретный вопрос, с которым к ним обращаются: «Что Вам, свидетель, известно по делу подсудимого Х.?» Некоторые свидетели на такой вопрос отвечают: «Ничего», не понимая, что имеется в виду. После же разъяснений председательствующего они дают развернутые показания по существу.

Нельзя начинать допрос свидетеля или потерпевшего вопросом, которым иногда злоупотребляют судьи и прокуроры: «Подтверждаете ли Вы показания, данные на предварительном следствии?». Свидетель зачастую уже не помнит своих показаний следователю и поэтому смущается, не знает, что ответить. Допрос, проводимый в таком плане, является прямым нарушением требований закона (ст. 283 УПК РСФСР), он лишает свидетеля возможности свободно рассказать об известных ему фактах. Суд должен предоставить возможность свидетелю и потерпевшему изложить свои показания свободно, полно и конкретно¹.

Во время свободного рассказа свидетеля или потерпевшего от допрашивающих требуется определенная выдержка. Не следует без надобности перебивать свидетеля или потерпевшего, отвлекать и уводить их в сторону своими многочисленными вопросами. Надо дать этим лицам возможность свободно изложить свои показания. В тех случаях, когда показания свидетеля касаются большого числа разрозненных эпизодов, допрашивающий может предложить свидетелю давать показания по отдельным эпизодам. Такое деление темы свободного рассказа целесообразно, поскольку позволяет более конкретно вести допрос и избежать нагромождения сведений в свободном рассказе, после которого трудно ставить вопросы применительно к отдельным эпизодам.

Основная задача председательствующего во время свободного рассказа — обращать внимание свидетеля или потерпевшего на то, чтобы их показания относились к существу дела. В практике довольно часто встречаются свидетели, которые в своих показаниях нагромождают самые разнообразные сведения, многие из которых никакого отношения к делу не имеют. В таких случаях судьям надлежит корректно указать свидетелю на это и предложить сообщить факты, имеющие значение для дела. Но при этом ни суду, ни прокурору, ни защитнику, ни другим участникам процесса не следует до окончания всего свободного рассказа или относящегося к отдельным эпизодам (если тема свободного рассказа разделена) ставить допраши-

¹ А. Р. Ратинов правильно считает «принципиально недопустимым» вообще начинать повторный допрос с вопроса, подтверждает ли свидетель ранее данные показания, или с предложения повторить их («Судебная психология для следователей», М., 1967, стр. 193; «Теория доказательств в советском уголовном процессе», часть Особенная, М., 1967, стр. 102).

ваемому вопросы. В противном случае свободный рассказ не создаст целостного впечатления о показаниях допрашиваемого¹.

Судьи и другие участники процесса не должны выражать неудовольствие, раздражение по поводу того, что свидетель или потерпевший отклоняется от существа дела. Общеизвестно, что искусство допроса включает не только умение спрашивать, но и умение слушать.

Когда потерпевший или свидетель закончит свой свободный рассказ, ему задают вопросы судьи, затем другие участники процесса (ст. 283 УПК РСФСР) или прокурор, общественный обвинитель и другие участники процесса (ст. 303 УПК УССР).

Некоторые участники судебного разбирательства, особенно защитники, считают, что вопросы взрослым свидетелям и потерпевшим необходимо часто ставить с юмористическим оттенком. Нужно согласиться с тем, что в отдельных случаях это снимает психическое напряжение и оказывается полезным. Но таким средством нужно пользоваться весьма осторожно и умело. Во-первых, важно соблюсти чувство меры, не забывая, что речь идет о судебном разбирательстве уголовного дела, во-вторых, надо быть уверенным, что «элемент юмора» будет понят адресатом, иначе эффект будет прямо противоположным тому, к которому стремится допрашивающий.

В практике нередко еще случаи, когда юмор при постановке вопросов используется не для пользы дела, а лишь в расчете на внешний эффект. При постановке вопросов свидетелям и потерпевшим должны строго соблюдаться и нравственные начала допроса. Они должны проявляться и в содержании вопросов, и в тоне, которым они задаются, и даже во взглядах.

По одному делу свидетель дает в суде показания, явно противоречащие тому, что он говорил следователю. Судья, негодуя по этому поводу, говорит свидетелю с раздражением: «Понятно! Это Вас, наверное, кто-то научил так говорить?» и бросает взгляд в сторону защитника.

Такое поведение председательствующего в допросе не может быть признано этичным. Оно вредит допросу, подрывает авторитет не только защитника, но и самого судьи.

¹ К. Гаррис правильно писал: «Чем реже его (свидетеля. — Л. А.) будут перебивать, тем лучше, тем меньше потребуется вопросов» («Школа адвокатуры», СПб., 1911, стр. 38).

Или такой факт, не столь уж редкий в практике. Участник процесса задает свидетелю или потерпевшему вопросы. После каждого второго вопроса председательствующий недовольным тоном обращается к допрашиваемому с вопросом: «У Вас есть еще вопросы?». Участнику процесса приходится отвечать: «Да, еще есть вопросы», и допрос продолжается. Подобное поведение председательствующего не должно иметь места.

Вопросы суда и участников процесса свидетелям и потерпевшим направлены на восполнение, уточнение и детализацию отдельных обстоятельств дела, изложенных в свободном рассказе. Используя имеющийся план допроса, судьи могут поставить допрашиваемым необходимые контрольные, уточняющие и детализирующие вопросы, предъявить им вещественные доказательства, фотоснимки, наглядные пособия, которые помогут дать более точные ответы на вопросы. Таким же правом располагают и другие участники процесса. Закон предоставляет право председательствующему устранять вопросы, не относящиеся к делу. Все остальные вопросы, направленные на глубокое и всестороннее выяснение обстоятельств дела, могут задавать как судьи, так и любой из участников процесса. При этом надо учесть, что судебный допрос должен быть целеустремленным и экономным, свободным от бесполезных повторений.

§ 2. Использование данных психологии показаний потерпевших и свидетелей в допросе

Одной из важных задач судебного допроса является установление источника получения сведений о фактах, сообщаемых свидетелем и потерпевшим. Издавна подчеркивается, что допрос должен позволить разграничить фактические данные, имевшиеся в действительности и воспринятые свидетелем, от субъективной их оценки. Установление источника получения сведений свидетелем неразрывно связано с выяснением условий формирования показаний. Нужно установить, основываются ли знания свидетеля о фактах на единичном, случайном восприятии или они являются результатом систематических, длительных наблюдений и восприятий.

В процессуальной и криминалистической литературе, освещающей вопросы формирования показаний свидетелей, правильно обращается внимание на необходимость выясне-

ния судом всех обстоятельств, относящихся к этапам формирования свидетельских показаний¹.

Криминалисты социалистических стран считают несостоятельными взгляды Штерна, Липпмана и других представителей буржуазной криминальной психологии, утверждающих, что свидетели, как правило, дают ложные показания.

Порочные по своей методике и обработке результатов экспериментальные наблюдения Штерна и других западных психологов и криминалистов опровергнуты экспериментами криминалистов социалистических стран.

В литературе приводятся данные о стадиях формирования показаний свидетелей, анализируются причины ошибок, возникающих на каждой стадии². Такие сведения очень полезны для тех случаев, когда допрашиваются свидетели, показания которых связаны с единичными зрительными или слуховыми восприятиями. Например, при допросе свидетеля, рассказывающего суду о том, что он видел или слышал в момент совершения преступления.

Знание психологии свидетельских показаний позволяет судьям и участникам процесса правильно и четко формулировать вопросы, вскрывать возможные причины ошибок

¹ Обстоятельный анализ психологии показаний свидетелей и потерпевших содержится в статье А. Ф. Кони «Обвиняемые и свидетели» (А. Ф. Кони, Избранные произведения, М., 1956, стр. 129—152), в книге Имре Кертэс «Тактика и психологические основы допроса», (М., 1965).

А. Р. Ратинов считает, что деление на три этапа формирования свидетельских показаний является несовершенным. Считая свидетельские показания исходящей от свидетеля информацией о фактах, имеющих значение для дела, он делит процесс формирования свидетельских показаний на пять этапов: а) получение, накопление и обработка информации; б) запечатление, сохранение и реконструкция информации; в) воспроизведение, словесное оформление и передача информации; г) прием, переработка и процессуальное закрепление информации; д) говорное свидетельствование А. Р. Ратинов, Психологические основы расследования преступлений, автореферат докторской диссертации, М., 1967, стр. 29; «Теория доказательств в советском уголовном процессе», часть Особенная, М., 1967, стр. 84—104). Точка зрения А. Р. Ратинова, основанная на данных современной психологии, полнее отражает все этапы формирования свидетельских показаний.

² «Rendőrségi szemle», Budapest, 1962, № 6; М. М. Гродзинский, Единоеобразие ошибок в свидетельских показаниях. Архив криминологии и судебной медицины, Харьков, 1927. т. 1, кн. 4—5, стр. 1005—1018; А. Е. Брусиловский, М. С. Строгович, Свидетельские показания в качестве судебных доказательств, сб. «Методика и техника следственной работы». Киев, 1934, стр. 143—166; А. Л. Ривлин, Допрос в уголовном суде, Харьков, 1939, стр. 89—98;

и неточностей. В ходе допроса выясняются вопросами две группы условий, влияющих на достоверность свидетельских показаний: объективные и субъективные. К объективным условиям относятся: продолжительность восприятия свидетелем какого-то факта, обстановка и условия, имевшиеся в этот момент, сопутствующие восприятию явления (расстояние, на котором свидетель наблюдал определенное событие, продолжительность наблюдения и т. п.). Под субъективными условиями понимают: состояние зрения и слуха свидетеля, его памяти, психическое состояние в момент восприятия (чувство страха, усталости и т. п.), характер восприятия (преднамеренное или непреднамеренное), сосредоточен или рассеян был свидетель в момент восприятия, направленность внимания.

Известный русский физиолог И. М. Сеченов писал: «У человека рассеяного или у человека, сосредоточенного на какой-либо мысли, бывает, как известно, более или менее, сильное притупление ощущающей способности не во всех, но во многих направлениях. Если, например, человек очень внимательно прислушивается к чему-либо, то обыкновенно плохо видит, что делается перед его глазами, и наоборот... Рассказывают, например, что будто люди, помешанные на какой-нибудь одной мысли, не ощущают под влиянием ее ни холода, ни голода, ни даже самых мучительных болей»¹.

Знание указанных условий помогает суду определить круг вопросов, которые нужно поставить свидетелю при допросе, чтобы выяснить все моменты, связанные с формированием показаний. При допросе свидетелей и потерпевших необходимо учитывать, что эти лица, воспринимая какие-то неизвестные им предметы, вещи, механизмы и т. п., пытаются понять их значение и связать с предметами, вещами, механизмами, им знакомыми. Они стремятся придать им какое-то значение, «уподобить какому-нибудь предмету»². По этой причине неточности или даже ошибки могут быть допущены свидетелем или потерпевшим. Причина их не в недостатках восприятия, а в неправильной оценке и увязке с другими знакомыми им предметами. Зная о возможности такой ошибки при допросе, необходимо с помощью уточняющих вопросов выяснить, каким путем свиде-

Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит. Тактика допроса на предварительном следствии, М., 1958, стр. 9—45.

¹ И. М. Сеченов, Избранные произведения, М., 1953, стр. 61.

² Д. Н. Узнадзе, Психологические основы наименования, сб. «Психологические исследования», М., 1966, стр. 9.

тель или потерпевший определил наименование воспринимаемого предмета.

Допрашивающему необходимо выяснить, в каком состоянии находились потерпевший и свидетель в момент восприятия тех или иных событий, относящихся к преступлению. Полученные данные могут быть использованы как в ходе допроса, так и для оценки показаний.

По делу В., обвиняемого в краже мотовелосипеда, потерпевший Ш. заявил в суде, что он видел человека, похитившего мотовелосипед, бежал за ним, пытался его догнать, но тот пригрозил, что зарежет его, если он подойдет. Преступником, по показаниям потерпевшего, был именно В. Оказалось, что показания потерпевшего в той части, что В. ему пригрозил, являются чистым вымыслом. Подсудимый В. с детства немой. Потерпевший, когда об этом узнал, заявил: «Я сильно расстроился, и мне показалось, что подсудимый мне пригрозил».

Допрашивая потерпевших и свидетелей, необходимо учитывать, что воспроизведение их показаний в суде неразрывно связано с реконструкцией. Последняя может происходить как преобразование, не нарушающее адекватности воспроизведения того, что было в действительности, а также и как преобразование, искажающее действительность¹.

Поэтому вопросы свидетелям и потерпевшим должны быть такими, чтобы ответы на них дали основание убедиться в том, имеется ли реконструкция соответствующих событий. Суд и участники процесса нередко при допросе свидетелей обращают внимание на то, что на допросе у следователя свидетель, судя по протоколу, давал подробные, развернутые показания, а в суде они слишком лаконичны. Данное обстоятельство психологически объяснимо. В любом случае воспроизведения происходит сжатие ранее воспринятого материала, являющееся результатом объединения, обобщения и уплотнения². Поэтому такое явление вполне закономерно и его нужно учитывать в ходе судебного допроса.

Постановкой детализирующих, конкретизирующих вопросов можно помочь свидетелю развернуть свои показания в необходимом для допрашивающего объеме. При этом

¹ А. Г. Комм, Реконструкция в воспроизведении, «Советская педагогика» 1941 г. №1, стр. 95.

² А. Г. Комм, цит. книга, стр. 96.

нужно различать сжато обобщенное воспроизведение показаний от сжато неполного, когда вместо обобщения содержания наступает его обеднение за счет выпадания существенных моментов. В последнем случае свидетелю необходимо поставить напоминающие вопросы, которые помогли бы ему вспомнить то, о чем он забыл рассказать.

Допрашивающий должен учитывать, что реконструкция может быть и результатом своеобразной интерпретации, зависящей от эмоционального отношения свидетеля и потерпевшего к воспринятым событиям. Имеет значение и характер событий, воспринятый ими. Содержание воспроизведения в показаниях свидетеля отражает уровень понимания и осмысливания воспринятого материала. Если он полностью не понят и не осмыслен, то в показаниях отражены лишь внешние приметы события в оценочном суждении допрашиваемого¹.

Вот почему допрос должен помочь допрашивающему четко разграничить факты, сообщаемые свидетелем и потерпевшим, от их интерпретации, оценки. Достичь этого можно постановкой конкретизирующих и детализирующих вопросов.

Значительное место в ходе судебных допросов занимает выяснение условий формирования зрительных восприятий. Выясняя у свидетеля условия таких восприятий, необходимо учитывать, что у свидетеля могут быть оптические ошибки, обусловленные иногда объективными условиями восприятия, окружающей обстановкой, в которой наблюдались определенные события или действия человека. Например, известно, что один и тот же человек кажется худым рядом с двумя полными и полным рядом с более худыми, чем он.

В принципе же люди способны правильно на глаз определять рост, полноту и иные признаки человека. В литературе сообщались экспериментальные данные, показывающие, что участники эксперимента после проведенных опытов называли весьма близкие к истинным данные о росте и весе наблюдаемых ими людей. Так, среднее значение, выведенное из ответов испытуемых о росте наблюдаемого человека, — 70,26 дюймов, а истинный рост — 70,5 дюймов, в другом опыте по показаниям — 73,76 дюймов, а в действительности — 73,25 дюймов, вес по показаниям — 183,4 фунта, а фактически — 185 фунтов².

¹ А. Г. Копп, цит. книга, стр. 96, 97.

² «Kriminalistik», märz, 1960, S. 135.

В ходе допроса потерпевших и свидетелей очень важно выяснить, было ли восприятие, запоминание преднамеренным или непреднамеренным¹.

Известно, если свидетель не обращал внимания на какие-то события, то объем сообщаемой им информации о них будет невелик. Когда же внимание свидетеля или потерпевшего было сконцентрировано на воспринимаемых событиях в силу их необычности или значимости, то восприятие будет более полным и быстрым.

А. Н. Леонтьев и Е. П. Кринчик пишут: «Учет человеком степени значимости сигнала, несущего информацию, приводит к увеличению скорости восприятия сигналов и к интенсификации процесса восприятия информации. Таким образом, фактор значимости сигнала закономерно организует поведение человека»².

Допрашивая потерпевших и свидетелей, необходимо выяснить, в какой мере их внимание было сосредоточено на фактах, интересующих суд. Допрашивающему нужно знать, сколько времени внимание человека мог привлекать тот или иной предмет.

Венгерские авторы Ланг Дьердь и Попнер Питер сообщают, что, по данным психологии, безразличный предмет привлекает внимание человека 5 сек., предметы изобразительного искусства — 30 мин. Количество предметов, воспринимаемых нашим зрением, указывают эти авторы, зависит от их распределения. При направлении взгляда на сгруппированные предметы воспринимается 6—7 предметов, в случае линейного распределения предметов глаз человека воспринимает 8—9 предметов. Если человек взглянет на предметы 3—4 раза, то он способен воспринять 15—20 деталей³.

Советские психологи отмечают, что возрастные изменения (особенно у школьников) делают восприятие более объемлющим. В одной из работ указывается: «...с возра-

¹ П. И. Зинченко, О формировании произвольного и произвольного запоминания, «Советская педагогика» 1954 г. № 4, стр. 56—73; его же, Непроизвольное запоминание, М., 1961; Ю. В. Идашкин, К вопросу о произвольном запоминании, «Вопросы психологии» 1959 г. № 2, «Вопросы психологии памяти» под ред. А. А. Смирнова, М., 1958.

² А. Н. Леонтьев и Е. П. Кринчик, О некоторых особенностях процесса переработки информации человеком, «Вопросы психологии» 1962 г. № 6, стр. 24.

³ «Rendorsegi szemle», Budapest, 1962, № 7.

стом значительно увеличивается общее количество признаков, воспринятых детьми». Если младший школьник мог назвать до 5 признаков объекта, то учащийся среднего школьного возраста до 48¹.

Имре Кертэс сообщает об опытах, в которых проверялось влияние возраста и состояние органа слуха на восприятие разговорной речи. Из 100 испытуемых в возрасте свыше 50 лет ни одного не оказалось, который понимал бы обычную разговорную речь на расстоянии 16 м. В то же время из 1918 испытуемых школьников в возрасте от 7 до 18 лет 46,5% понимали такую речь на расстоянии в 20 м. На расстоянии от 8 до 16 м из лиц в возрасте выше 50 лет речь поняли только 10,5%, а из лиц 7—18 лет, кроме названных 46,5%, еще 32,7%.

На вопрос о количестве людей, принимавших участие в том или ином событии, иногда свидетели и потерпевшие дают неточные показания. Эти неточности тем больше, чем больше в действительности было участников определенного события. Э. Локар приводит такой пример. В Париже в одном шествии участвовало 3 тыс. человек. Когда он спросил о количестве участников у трех начальников полиции, на которых было возложено поддержание порядка, то получил ответ: 5 тыс., 10 тыс., 80 тыс. На тот же вопрос два журналиста, присутствовавшие на шествии, ответили — 30 тыс. и 300 тыс.².

Если участников события было немного (что наблюдается по подавляющему большинству уголовных дел), то показания свидетелей и потерпевших, как правило, весьма близки к действительности.

При допросе свидетеля об отрезке времени, в который произошли определенные события, необходимо учитывать не только продолжительность течения, но и темп, в котором эти события протекали. И. М. Сеченов считал, что «только звук и мышечное ощущение дают человеку представление о времени, притом не всем своим содержанием, а лишь одною стороною, тяжестью звука и тянучестью мышечного чувства»³. Чем меньше отрезок времени и чем быстрее

¹ О. Я. Обухова-Шарапова, Переход от восприятия к целенаправленному наблюдению под влиянием специальной инструкции, «Вопросы психологии» 1962 г. № 6, стр. 91.

² Rene Lechat, La technique de l'enquête criminelle, tome III Bruxelles, 1949, p. 145.

³ И. М. Сеченов, Избранные произведения, АН СССР, т. 1, 1952, стр. 77—78.

темп, тем в большей мере допускается переоценка быстроты. И наоборот, чем больше интервал и чем медленнее темп, тем чаще недооценка отрезка времени¹.

При допросе потерпевших, которым нанесены телесные повреждения в драке, ссоре и т. п., следует учитывать, что показания о промежутке времени, в течение которого имелось болевое воздействие, как правило, переоцениваются. Потерпевший называет большее время. Д. Г. Элькин описывает эксперименты для проверки правильности показаний о длительности болевого воздействия и отмечает, что во всех 100% случаев воспринимаемый испытуемым промежуток времени переоценивался. Недооценки не было ни в одном случае².

При допросе свидетелей о продолжительности слуховых восприятий необходимо учитывать, что хотя они, как правило, являются точными, тем не менее наблюдаются ошибки такого порядка: малые промежутки времени (5,10 сек.) переоцениваются, называются большими, а большие (15,30 сек., 1 мин. и т. д.) недооцениваются³.

Допрос о слуховых восприятиях свидетеля не должен ограничиваться лишь постановкой вопросов, прямо относящихся к содержанию этих восприятий. Следует поставить вопросы о том, чем занимался свидетель, когда услышал какой-то разговор, крик, плач и т. д. Психологи отмечают, что восприятие времени в условиях деятельности приобретает большую точность. Немалую роль играют и эмоции. Известно, что положительные эмоции создают впечатление быстрого течения времени, а отрицательные — наоборот⁴.

По данным, сообщенным профессором М. М. Гродзинским, небольшие отрезки времени, меньше 5 мин., в большинстве своем переоцениваются и называется большее время. Чем меньше отрезок времени, тем больше размеры переоценок. С удлинением определяемого промежутка времени возрастают недооценки действительного отрезка времени⁵. Так, промежуток времени в 1 мин. при эксперименте определялся в 1—2, 1,5 2, 3, 4, 5 и даже 8 минут, а промежу-

¹ Д. Г. Элькин, Восприятие времени, М., 1962, стр. 52.

² Д. Г. Элькин, указ. книга, стр. 94.

³ Д. Г. Элькин, указ. книга, стр. 101.

⁴ Д. Г. Элькин, указ. книга, стр. 217, 226.

⁵ М. М. Гродзинский, Единообразие ошибок в свидетельских показаниях, Архив криминологии и судебной медицины, вып. 3, т. 1, кн. 4—5, Харьков, 1927, стр. 1011—1012.

Марбе писал по поводу способности свидетелей правильно определять промежутки времени: «Очень маленькие промежутки времени

ток времени в 12—15 мин. определялся в 4—5 мин., 5,5—10 мин., 6, 7, 8, 9, 8—10 мин.

Переоценивается промежуток времени и в случаях естественного или искусственного повышения температуры тела человека.

Влияет на оценку времени болезненное состояние в момент восприятия определенных событий, действие различных лекарственных веществ. Так, в литературе сообщается, что фармакологические вещества с тормозящим эффектом (бромистые препараты, хинин, барбитураты и т. п.) оказывают действие, противоположное возбуждающим средствам (алкоголь, кофеин и др.). Первые — влекут за собой недооценку, вторые — переоценку продолжительности времени¹. Это обстоятельство также должно учитываться при допросе потерпевших и свидетелей.

Имре Кертэс рекомендует следователям для проверки способности свидетеля определять небольшие отрезки времени производить измерения с помощью секундомера. Указанные рекомендации пригодны и для суда. Судья берет секундомер и предлагает свидетелю вновь в своем воображении пережить событие, о котором он будет рассказывать, причем начало и конец этого переживания сигнализировать постукиванием карандаша по столу². Такой прием позволяет установить, в какой мере точно свидетель способен определять отрезки времени.

При допросе свидетелей, в силу добросовестного заблуждения дающих неправильные показания о времени, расстоянии, размерах, весе и т. д., целесообразно использовать простой тактический прием, позволяющий понять причину их добросовестного заблуждения. С этой целью целесообразно предложить им определить время, расстояние и т. п. на привычных для них процессах, вещах, обстановке. Таким путем можно проверить способность свидетелей правильно определять указанные обстоятельства. Например,

обыкновенно сильно преувеличиваются, промежутки времени от 10 до 75 мин. скорее уменьшаются. Промежутки времени, охватывающие месяцы или годы, обыкновенно уменьшаются» (Марбе, Научное и практическое значение психологии, СПб., 1913, стр. 35).

По данному вопросу см. С. Н. Беляева-Экземплярская, Об изучении процессов восприятия и оценки времени, «Вопросы психологии» 1962 г. № 1, стр. 148—156.

¹ Поль Фресс, Приспособление человека к времени, «Вопросы психологии» 1961 г. № 1, стр. 46.

² Имре Кертэс, Тактика и психологические основы допроса на предварительном следствии, канд. диссертация, М., 1961, стр. 188.

для определения расстояния можно предложить свидетелю указать на хорошо известных ему расстояниях размер какого-то отрезка. Например, на каком расстоянии находится завод, на котором он работает, от остановки автобуса или троллейбуса. Зная истинное расстояние, нетрудно, услышав ответ свидетеля, убедиться, в какой мере он вообще правильно определяет расстояния.

При выяснении у свидетелей и потерпевших пространственных величин (расстояний) необходимо учесть, что расстояния до 1 м обычно переоцениваются: тем больше, чем меньше действительное расстояние. Если же определяется расстояние свыше 4 м, то чаще наблюдается недооценка, возрастающая по мере увеличения расстояния¹. Однако ошибки могут быть и другого характера.

По одному делу свидетель утверждал, что он находился от места происшествия на расстоянии 25 м. Когда прокурор предложил свидетелю показать это расстояние «в натуре», то оказалось, что расстояние, показанное им, равно 14,5 м.

Проверка при допросе показаний о цвете, отрезке времени, размерах, расстояниях, весе и пр. может дать представление о точности восприятия свидетелем или потерпевшим тех или иных обстоятельств.

По делу С. один из свидетелей показал, что он опознал потерпевшую по ряду признаков, и в том числе по цвету пальто. Свидетель вместо коричневого цвета ошибочно и упорно называл цвет пальто красным. И суд уже начал сомневаться в правильности показаний данного свидетеля. Тогда защитник, указав на женщину в коричневом пальто в зале суда, попросил свидетеля назвать цвет пальто. Свидетель назвал — красный. Таким образом удалось устранить неточности в показаниях свидетеля, который оказался дальтоником.

Когда идет речь о допросе свидетелей, которые приобретали сведения об интересующих суд событиях постепенно, в течение длительного времени, суду необходимо выяснять обстоятельства уже иного характера, чем рассмотренные ранее. Здесь, как правило, основная задача суда сво-

¹ М. М. Гродзинский, Едиобразие ошибок в свидетельских показаниях, Архив криминологии и судебной медицины, вып. III, т. 1, кн. 4—5, Харьков, 1927, стр. 1012; см. также об экспериментальных наблюдениях по определению на глаз длины — М. З. Неймарк, К вопросу об экспериментальном исследовании направленности личности, «Вопросы психологии» 1963 г. № 1, стр. 3—12.

дится к выяснению объективных условий и оснований формирования показания, поскольку субъективные условия имеют меньшее значение. У таких свидетелей необходимо выяснить источник знаний о фактах и основания их суждений о тех или иных фактах. Так, если свидетель показывает, что в его присутствии подсудимый неоднократно вносил исправления в ведомости на получение заработной платы или выдавал ценности своим родственникам, то допросом нужно конкретизировать показания, получить максимум сведений об объективных условиях и основаниях формирования показаний.

Если свидетель или потерпевший характеризует какой-то предмет, явление или событие, необходимо выяснить, лежит ли в основе его суждений полное или частичное восприятие. Известно, что нередко, увидев какую-то часть предмета, можно судить о предмете в целом¹. Однако в этом случае имеется и значительная вероятность ошибки. Если воспринят какой-то очень характерный признак, присущий определенному предмету, то в показаниях могут правильно отражаться свойства предмета. Поэтому важно поставить детализирующие и конкретизирующие вопросы и выяснить, на основе каких признаков данный свидетель судит о предмете.

Вопросы суда и других участников судебного разбирательства к свидетелям и потерпевшим во многом определяются характером рассматриваемого уголовного дела. Так, по делам об убийствах и хищениях государственного имущества, спекуляции и взяточничестве, хулиганстве и разбое свидетелям, естественно, будут поставлены разные вопросы.

Знание судом, прокурором, защитником методики расследования отдельных видов преступлений и перечня вопросов, обычно выясняемых допросом свидетеля по каждой из категорий дел, помогает правильно определить круг вопросов, задаваемых свидетелю в суде. Суду нет необходимости ставить все вопросы, рекомендуемые частной методикой, но знание основного круга таких вопросов полезно и для суда. Так, по делам об убийствах выясняются такие вопросы: знал ли свидетель потерпевшего, какова его характеристика, с кем он дружил, враждовал, какой вел образ жизни, где, когда свидетель последний раз видел

¹ Д. Н. Узнадзе, К проблеме постижения значения, сб. «Психологические исследования», М., 1966, стр. 43—44.

потерпевшего и с кем, что он намеревался делать, в каких отношениях находился подсудимый с потерпевшим и т. п.¹ По делам о поджогах у свидетелей выясняют следующие вопросы: в какое точно время возник пожар, где в этот момент находились свидетели, произошло ли загорание в одном или нескольких местах и где именно, какого цвета и запаха был дым, как долго продолжалось его выделение до появления пламени и т. п.²

По делам о разбоях среди других вопросов суд может свидетелям и потерпевшим поставить такие вопросы: в какое время совершено нападение, сколько было нападающих, имело ли место насилие или угрозы, были ли преступники вооружены и чем именно, каковы приметы лиц, совершивших нападение, и т. п.³

§ 3. Тактические приемы допроса различных категорий потерпевших и свидетелей

Допрашивая в суде свидетелей, важно определить, нет ли между показаниями свидетелей на предварительном следствии и в суде противоречий. Если они имеются, то, поставив свидетелю конкретизирующие, уточняющие, контрольные, дополнительные вопросы, необходимо установить причины таких противоречий и устранить их. В противном случае суд не может использовать показания для обоснования приговора.

Суд может признать правильными показания свидетеля на предварительном следствии, отвергнув его показания в суде, может и признать достоверными показания в суде и отвергнуть показания, данные следователю. Все зависит от того, какое из противоречивых показаний подтверждается другими доказательствами и является достоверным.

Известно, что не всякое противоречие существенно и не всегда оно свидетельствует об изменении свидетелем показаний⁴. Иногда противоречия в показаниях лишь ка-

¹ В. П. Колмаков, Расследование убийств, глава в книге «Криминалистика», М., 1962, стр. 35.

² М. С. Брайнин, Расследование дел о пожарах, М., 1956, стр. 48—49.

³ С. С. Степичев, Расследование разбоев, М., 1955, стр. 16—17.

⁴ В начале этой работы уже указывалось, что это противоречие может быть результатом неточного восприятия и фиксации следователем показаний свидетеля.

жущиеся. Когда же судьи и участники процесса подробно допросят свидетеля, поставят ему ряд детализирующих, контрольных, уточняющих вопросов, то оказывается, что противоречий в действительности нет.

Статья 286 УПК РСФСР указывает, что оглашение на суде показаний, данных свидетелем при производстве дознания или предварительного следствия, а также воспроизведение приложенной к протоколу допроса звукозаписи его показаний допустимы в случае, когда имеются существенные противоречия между этими показаниями и показаниями свидетеля в суде¹. Закон не разрешает воспроизведение звукозаписи без предварительного оглашения показаний, содержащихся в соответствующем протоколе допроса или протоколе судебного заседания. К оглашению показаний для устранения противоречий суду надлежит обращаться лишь после всестороннего и тщательного допроса свидетеля и выяснения причины противоречий.

На практике нередко, если имеется какое-либо противоречие между показаниями свидетеля в суде и на предварительном следствии, судьи оглашают протоколы допроса этого свидетеля и пытаются убедить его в том, что следовательно он говорил правду, а в суде дает противоречивые показания. Таким путем иногда удается ликвидировать неточности в показаниях лица, которое добросовестно заблуждается или забыло какие-то обстоятельства дела. Однако злоупотребление этим приемом не оправдано, хотя оно и нередко наблюдается. Такой прием устранения противоречий не является универсальным; применяя его, судьи, прокуроры и защитники исходят из предположения, что эталоном достоверных показаний служат показания, данные следователю. Ранее уже отмечалось, что показания, записанные следователем, могут оказаться неточными по многим причинам, и этого уже достаточно для того, чтобы отказаться от их переоценки. Но, кроме этого, нельзя связывать показания свидетеля лишь с теми обстоятельствами, которые он излагал на предварительном следствии.

¹ Статья 198 УПК Болгарской Народной Республики указывает: «Суд может постановить об оглашении в судебном заседании показаний свидетеля, данных им на предварительном следствии, если последний не может явиться в суд, или если его показания в суде не соответствуют ранее данным показаниям, или если он отказался от дачи показаний в суде либо утверждает, что он ничего не помнит». Близка по содержанию с указанной статьей и ст. 299 § 1 УПК Польской Народной Республики.

Свидетель что-то мог забыть рассказать следователю или вспомнить о новых деталях событий уже после допроса. Он может уточнить в суде ранее данные показания, и это вполне естественно; он может, наконец, после первого допроса по-новому осветить то, что им было ранее рассказано недостаточно точно и полно¹.

Учитывая все сказанное, нужно прийти к выводу, что оглашение показаний свидетеля в суде, как тактический прием допроса, может иметь место, но не следует его рассматривать как единственный эффективный прием допроса в случаях обнаружения противоречий в показаниях. Оглашение показаний полезно тогда, когда суд выяснит истинную причину противоречий. Последние могут объясняться тем, что: а) свидетель на предварительном следствии давал ложные показания, а в суде решил рассказать правду; б) свидетель в суде дает ложные показания, а ранее говорил правду; в) показания свидетеля неточно зафиксированы следователем; г) за время, прошедшее с момента допроса его на предварительном следствии или при дознании, свидетель забыл какие-то детали происшествия²; д) свидетель подвергся внушающему воздействию окружающей среды и средств массовой коммуникации (радио, печать, телевидение); е) в ходе судебного допроса произошло оживление воспоминаний (реминисценция) и угасание торможения, имевшее место во время предыдущих допросов на предварительном следствии; ж) свидетель получил новую информацию из каких-то источников и в этой связи корректирует показания, которые были даны ранее.

Не установив действительных причин противоречий в показаниях, суд не может считать, что допросом выяснены все интересующие его обстоятельства, и использовать показания свидетеля. Подтверждением тому может служить определение Железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР по делу Пашинского, опубликованное под тезисом: «Приговор отменен, как основанный на крайне противоречивых и путаных показаниях свидетелей, опровергаемых другими материалами дела»³.

¹ «Теория доказательств в советском уголовном процессе», часть Особенная, М., 1967, стр. 91.

² Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 113.

³ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 8, стр. 5—6.

Допрашивая свидетелей, вызванных по инициативе суда или по ходатайству участников судебного разбирательства, судьи, прокурор, защитник обращают внимание на наличие или отсутствие противоречий в отдельных частях показаний и постановкой контрольных, уточняющих, детализирующих вопросов выясняют, например, почему свидетель хорошо запомнил факты, оправдывающие подсудимого или смягчающие его вину, и не помнят других обстоятельств дела. Таким путем можно обнаружить истинную причину противоречий.

Если свидетели не могут вспомнить интересующие суд факты, надо допросить их по обстоятельствам, непосредственно связанным с этими фактами, предшествовавшими им или следовавшими за ними.

По делу Б. и Л. свидетели — студенты техникума, проживающие в одном общежитии, не могли назвать точную дату сентября 1967 года, когда подсудимые совершили хулиганские действия. Прокурор подробно допросил их о всех событиях, предшествовавших дню, когда произошла драка, и это дало результаты. Свидетели вспомнили, что накануне был день выплаты стипендии, т. е. 3 сентября 1967 г.

При судебном разбирательстве дела по обвинению Д. один из свидетелей категорически утверждал, что он 31 июля 1965 г. в 20 час. видел потерпевшую с неизвестным ему парнем. Данные показания противоречили другим доказательствам вины Д. в изнасиловании, так как именно в это время было совершено преступление. Прокурор поставил свидетелю ряд дополнительных и конкретизирующих вопросов. В частности, он подробно выяснил, что свидетель делал в этот день и вечер. Свидетель показал, что он видел потерпевшую идущей по дороге к своему дому и что, возвратясь домой, он по телевидению смотрел концерт, транслировавшийся из Москвы. По ходатайству прокурора суд запросил местную телестудию, которая ответила, что концерт из Москвы транслировался с 20 ч. 30 мин. 30 июля, а не 31 июля 1965 г. Таким образом удалось установить действительную дату, когда свидетель видел потерпевшую, и устранить существенное противоречие в его показаниях.

Не менее эффективным этот же тактический прием допроса оказался по делу В. Свидетельница П. не помнила точную дату посещения ее подсудимым, а это имело важное значение по делу, так как именно в этот день было совершено преступление. Тогда прокурор подробно допросил П. Он поставил ей целую серию вопросов о ее заня-

тиях в течение всего того дня, когда ее посетил подсудимый. И свидетельница П. вспомнила, что в тот день вечером было профсоюзное собрание в учреждении, где она работает, и ее избрали в состав бытовой комиссии. По требованию суда были доставлены протоколы профсоюзных собраний. Оказалось, что дата собрания совпала с датой совершения подсудимым преступления, т. е. с тем днем, когда подсудимый был у свидетельницы в гостях.

Допрашивая свидетелей и потерпевших, необходимо учитывать, что противоречия в их показаниях могут быть результатом добросовестного заблуждения. Поэтому для устранения противоречий нужно четкими и конкретными напоминающими вопросами помочь таким свидетелям и потерпевшим правильно вспомнить обстоятельства, интересующие суд и участников процесса. Полезным приемом допроса в подобных случаях является постановка свидетелю и потерпевшему вопросов, расчленяющих событие на составные части. Это помогает свидетелю, вспомнив какой-то один факт, вспомнить и другие.

Одним из эффективных тактических приемов в таких случаях оказывается и постановка вопросов, связанных с какими-то событиями в жизни допрашиваемого. Это позволит ему выяснить и причину заблуждения. Например, если речь идет о какой-то конкретной дате, полезно выяснить у свидетеля, не предшествовали ли или не последовали ли за этой датой какие-то события в его жизни, точную дату которых он хорошо помнит. Наблюдения показывают, что если выясняются даты событий, наступивших в начале нового года, то нередко многие люди еще ошибочно пишут и называют предыдущий год. В этом случае можно поставить вопрос, какое сегодня число, месяц и год, и по полученному ответу судить о правильности показаний. Такой простой прием нередко позволяет устранить неточности в показаниях. Полезно предъявлять предметы, рисунки, фотоснимки, имеющие отношение к фактам, сообщаемым свидетелем, чтобы, восприняв их, свидетель мог вспомнить, уточнить и то, что интересует суд.

О пользе такого предъявления при допросе может свидетельствовать следующий случай из судебной практики.

По делу Ч., обвиняемого в нарушении правил безопасности движения на автотранспорте, свидетели по-разному показывали о дорожной ситуации, сложившейся при обгоне автомашины. Когда же им предъявили схемы места происшествия, они одинаково и подробно рассказали, что

автомашина, управляемая Ч., левыми колесами съехала с трассы во время обгона, затем ее занесло и она опрокинулась в кювет.

Допрос свидетеля иногда целесообразно сопровождать предъявлением документов, противоречащих его показаниям. Добросовестному свидетелю это поможет вспомнить действительные обстоятельства дела и полнее о них рассказать, а лжесвидетеля заставит дать правдивые показания.

По делу К. группа свидетелей была допрошена в суде о событиях восьми-девятiletней давности. Свидетели, добросовестно заблуждаясь, утверждали, что они передали приемщице К. деньги и получили от нее квитанции. По ходатайству защитника свидетелям были предъявлены корешки квитанций, и тогда для всех, в том числе и для свидетелей, стало очевидным, что факты, о которых рассказывали свидетели, действительно имели место, но только не в то время, которое они называли, и деньги у них принимала не подсудимая К., а другое лицо. Допрос был столь эффективным, что после его окончания дело в отношении К. судом было прекращено.

Данный прием полезен и при допросе лжесвидетеля. Во время допроса в суде свидетель С. заявил, что он 20 мая 1966 г. снял со счета в сберкассе 300 руб. и передал их тр-ке Н. для дачи взятки подсудимому. По ходатайству защитника была представлена выписка из лицевого счета С., из которой было видно, что 20 мая 1966 г. у С. на счете было не 300 руб., а всего 5 руб. После этого свидетель вынужден был отказаться от своих лживых показаний.

При допросе свидетелей и потерпевших наряду с предъявлением различных вещественных доказательств, схем, планов может быть прослушана и магнитофонная запись их показаний. Это — эффективный прием допроса, дающий хорошие результаты.

Иногда магнитофонная запись становится вещественным доказательством и может быть в этом качестве использована при допросе в суде.

Свидетельница И. заявила в судебном заседании, что она ничего не знает по существу дела, так как не присутствовала на вечеринке, на которой было совершено убийство. Свидетельница не обратила внимание, что на вечеринке был магнитофон и на ленте записана ее беседа с одной из знакомых. После того, как в суде была воспроизведена запись, И. подробно рассказала о преступлении и о совершившем его подсудимом.

Весьма затруднителен судебный допрос свидетелей, дающих заведомо ложные показания. Одной из причин дачи таких показаний является различная степень заинтересованности свидетеля в исходе дела. Допрос свидетелей нужно построить так, чтобы, несмотря на их заинтересованность, суд мог выяснить необходимые обстоятельства дела. Для этого при допросе применяются различные тактические приемы: сопоставление, уточнение, детализация, контроль.

Весьма эффективен перекрестный допрос лжесвидетелей, показания которых противоречивы, недостаточно точны, основаны не на фактах, а на предположениях либо вымысле.

По делу Ч. в материалах предварительного следствия имелись показания ряда свидетелей, что Ч. в период между двумя инвентаризациями магазина, где он работал заведующим, реализовал неучтенную продукцию. Свидетелями даже указывалось точное количество изделий каждого наименования. Поскольку с момента, когда происходили указанные события, прошло более трех лет, защитник усомнился в правдивости показаний ряда свидетелей, которые называли одни и те же реализованные товары и их количество. В результате перекрестного допроса и постановки прокурором и защитником ряда вопросов, детализирующих и конкретизирующих показания, свидетели вынуждены были заявить, что точные данные реализации неучтенной продукции назывались ими «по своим подсчетам». При этом они исходили из того, что между инвентаризациями Ч. обязательно должен был «что-то реализовать».

Устранению судом противоречий в показаниях свидетелей нередко помогает очная ставка. Особенно полезна она для изобличения лжесвидетелей.

По делу Л. свидетель К. утверждал, будто бы со слов семи рабочих ему известно, что потерпевший М. был пьян. Путем очной ставки К. со всеми рабочими, на беседы с которыми он ссылался, было установлено, что такого разговора не было и потерпевший был трезв. Так, показания лжесвидетеля были опровергнуты очной ставкой.

Если у допрашивающего в ходе допроса создается впечатление, что свидетель дает ложные показания, необходимо сосредоточить основное внимание не на главных обстоятельствах, излагаемых свидетелем, а на второстепенных, которые не могли быть предусмотрены им. Ответы на такие вопросы помогут изобличить лжесвидетеля, который

обычно оказывается не в состоянии избежать противоречий.

Допрашивая лжесвидетелей, прокурор и защитник должны стремиться изобличить, показать несостоятельность их показаний как можно раньше с тем, чтобы эти свидетели своими показаниями не произвели впечатление на судебную аудиторию.

Советский уголовный процесс и криминалистика отвергают огульное недоверие к показаниям родственников, друзей и иных людей, близких подсудимому. Верховный Суд СССР подчеркивает в своих определениях по ряду дел, что отвергать показания свидетелей и не признавать их доказательственного значения только потому, что свидетели — родственники или близкие подсудимого, неправильно.

«Суд отверг объяснения Гусейнова, отрицающего участие Султанова, и показания свидетелей Баладжи и Амины,— сказано в определении Судебной коллегии по уголовным делам по делу Султанова,— только по тем мотивам, что Гусейнов, а также Баладжи и Амины являются соседями и родственниками Султанова. Подобные мотивы не могут быть признаны обоснованными, так как наличие родственных или соседских отношений у свидетелей к подсудимому, при отсутствии иных доказательств, подтверждающих неправдоподобность их показаний, не является достаточным поводом для признания их показаний ложными».

В тезисе к определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Степанова и Кадишеса прямо подчеркивалось: «Показания свидетелей не могут быть отвергнуты только на том основании, что эти свидетели находятся в родственных отношениях с подсудимым»¹.

Для допроса свидетелей, близких подсудимому, необходимо использовать тактические приемы (постановка уточняющих, детализирующих, контрольных, дополнительных вопросов), позволяющие проверить правдивость показаний свидетелей.

Встречаются ошибки и иного характера. Некоторые судьи некритически воспринимают показания заинтересованных лиц, а иногда даже основывают на них свои выводы. Такие показания можно использовать только в случае, если они подтверждаются другими доказательствами,

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 2, стр. 25.

которые могут быть использованы для проверки достоверности показаний. Следует выяснить причину заинтересованности свидетеля и убедиться в том, что имеется не кажущаяся заинтересованность, а реальная. Без четкого уяснения таких причин нельзя утверждать, что показания даны заинтересованными лицами. Если же суд получит данные, определенно свидетельствующие о заинтересованности допрашиваемого в исходе дела, нужно применить тактические приемы допроса, позволяющие изобличить свидетеля на противоречиях, при даче им ложных показаний. Постановка контрольных, детализирующих и уточняющих вопросов может помочь судьям и участникам процесса выявить противоречия в показаниях такого свидетеля и убедительно показать их несостоятельность.

Суд не может воспринимать некритически показания заинтересованных лиц и тем более основывать на них приговор. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 11 апреля 1957 г. по делу Головченко Т. Ф. четко сформулировал это положение: «Приговор не может считаться обоснованным, если обвинение основано исключительно на показаниях лиц, заинтересованных в исходе дела, и не подкрепленных другими объективными доказательствами по делу»¹.

«Суд обязан критически отнестись к доказательствам, обоснованность и достоверность которых по делу вызывает сомнение, в частности, к показаниям лиц, причастных к преступлению и заинтересованных вследствие этого в исходе дела»², — сказано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 17 июня 1960 г. по делу Большакова И. П.

По другому делу суд отверг показания свидетелей, которые, по мнению суда, заинтересованы в исходе дела. «Если показания этих свидетелей вызвали у суда сомнения в их достоверности, — сказано в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, — он обязан был либо сам принять меры к их дополнительной проверке или же в случае отсутствия к этому возможности вернуть дело для этой цели органам предварительного следствия»³.

Верховный Суд СССР четко определил свое отношение к показаниям заинтересованных лиц. Нельзя отвергать по-

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 3, стр. 6.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 5, стр. 11.

³ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 2, стр. 26.

казания того или иного лица по мотивам его кажущейся заинтересованности, так же как нельзя основывать выводы на показаниях таких лиц. Подобные показания должны быть проверены, критически проанализированы и подтверждены или опровергнуты другими доказательствами по делу. Отсюда вытекают требования к такому построению судебного допроса подобных лиц, при котором были бы установлены заинтересованность их в исходе дела, противоречия в показаниях, а также обстоятельства, которые могут быть использованы для их проверки.

§ 4. Особенности допроса малолетних и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей

Особо сложен допрос малолетних и несовершеннолетних свидетелей. Малейшее нарушение тактики допроса такого свидетеля со стороны суда и участников судебного разбирательства может привести к ложным показаниям. В тезисе к определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 10 февраля 1954 г. по делу Б. и К. сказано: «Неправильный метод допроса малолетней потерпевшей, легко поддающейся внушению, повлек серьезные противоречия в ее показаниях, послужившие причиной отмены приговора». Б. был осужден за изнасилование девятилетней девочки Л. Применяя угрозы, он якобы вступал с ней в половые сношения. К. был предан суду за покушение на изнасилование Л., но из-за недоказанности обвинения судом оправдан. Вначале потерпевшая Л. утверждала, что ее изнасиловал К., однако уже при первом рассмотрении дела в суде она, отвечая на вопросы защитника, заявила, что изнасиловал ее не К., а «дядя Петя», т. е. Б. При этом Л. изменила свои показания не только в отношении лица, совершившего преступление, но и всех других обстоятельств, в том числе и времени изнасилования.

Мать потерпевшей показала, что дочь ей сказала об изнасиловании Б. только после настойчивых расспросов и наводящих вопросов, в которых она (мать) указывала на возможность изнасилования ее Б. Дело было возвращено на исследование, и Л. вновь заявила, что изнасиловал ее Б., а К. только пытался это сделать, но она его «прогнала».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного

Суда СССР указала в своем определении: «Следует при этом отметить, что все показания Л. чрезвычайно противоречивы, причем эти противоречия вызваны тем, что органы следствия применили неправильный метод допроса малолетней. Вместо того, чтобы зафиксировать только то, что сама допрашиваемая рассказывает об обстоятельствах дела, Л. задавали наводящие вопросы, на которые, как правило, получали положительные ответы, противоречащие показаниям, данным при непосредственном изложении». И далее, «органами следствия и судом не учтено, что, как видно из материалов дела, девочка легко поддается внушению, показания на Б. дала лишь после настойчивых расспросов ее матери с указанием на возможность ее изнасилования Б. после неоднократных вопросов со стороны защитника на первом судебном заседании.

Органы следствия и суд не обеспечили порядок допроса малолетней и применяли неправильный метод допроса, добиваясь от девочки путем наводящих вопросов показаний...»¹. В этом деле хорошо видна зависимость результатов допроса малолетнего свидетеля от тактики его допроса.

Суду нужно учитывать, что малолетние и несовершеннолетние свидетели легко поддаются внушению, они могут неправильно воспринять и истолковать отдельные факты. Поэтому при допросе им следует ставить уточняющие, детализирующие, контрольные вопросы об отдельных обстоятельствах дела.

Строганов, Стефанцев и Дубель были осуждены за разбойное нападение на Рогозина. Вывод суда об их виновности основывался фактически на односторонней оценке показаний свидетеля Вячеслава Тумакова — ученика 7 класса. В суде Вячеслав Тумаков подтвердил показания обвиняемых, что они пытались задержать Рогозина, показавшегося им подозрительным, а тот вырвался и, оставив пальто в руках обвиняемых, пытался бежать. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отметила: «...свидетель, увидев в руках обвиняемых пальто, не разобравшись в происшедшем и добросовестно заблуждаясь, мог полагать, что обвиняемые умышленно раздели потерпевшего с тем, чтобы завладеть его вещами. При этом необходимо отметить, что органы предваритель-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1954 г. № 4, стр. 19—21.

ного расследования и суд вместо тщательного и всестороннего исследования показаний несовершеннолетнего свидетеля формально подошли к допросу Вячеслава Тумакова, которому не было задано ни одного вопроса, уточняющего фактические обстоятельства происшествия.... На каком расстоянии от обвиняемых и потерпевших находился первоначально этот свидетель и мог ли он отчетливо видеть все происходившее между ними — осталось невыясненным. Не допрошен Вячеслав Тумаков о том, как был снят пиджак с потерпевшего и видел ли он это».

Определение Судебной коллегии по уголовным делам по этому делу опубликовано под тезисом: «Суд должен особо критически относиться к показаниям несовершеннолетнего свидетеля, учитывая возможность ошибочности его представления о сообщаемых фактах»¹.

По этому делу, как и по другим, Верховным судом проводится одна и та же мысль: тактические приемы допроса нужно применять с учетом особенностей психики допрашиваемого и использовать эти приемы допроса для получения наиболее полных и правдивых показаний.

Допрос несовершеннолетнего и тем более малолетнего свидетеля в суде осложняется также и воздействием на свидетеля обстановки судебного заседания, в котором происходит допрос.

УПК союзных республик предусматривает ряд дополнительных условий, гарантирующих возможность успешного проведения судебного допроса. Так, допрос несовершеннолетнего свидетеля до четырнадцати лет, а по усмотрению суда — до шестнадцати лет, проводится с участием педагога (УПК РСФСР) либо педагога и врача (УПК СССР). Если суд признает необходимым, он вызовет вместе со свидетелем и его родителей или иных законных представителей (ст. 285 УПК РСФСР). Последние с разрешения суда могут задавать свидетелю вопросы. Суд вправе использовать присутствие этих лиц для установления надлежащего контакта с несовершеннолетними свидетелями.

Вопрос о целесообразности приглашения родителей для участия в допросе несовершеннолетних свидетелей должен в каждом случае решаться исходя из того, будет ли полезным такое участие. Если есть основание предполагать, что

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 2, стр. 24—26; «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 3, стр. 30.

допрос в присутствии родителей может неблагоприятно сказаться на его результатах, то целесообразен допрос в отсутствие родителей. В тех же случаях, когда, по мнению суда и участников процесса, присутствие родителей поможет установить контакт со свидетелем и будет содействовать его допросу, такое присутствие необходимо. Известно, что одни дети в обществе родителей чувствуют себя спокойнее, свободнее и лучше будут контактировать с допрашивающими лицами. Другие же, стесняясь родителей, в их присутствии замыкаются, отказываются давать показания.

Несовершеннолетнего свидетеля целесообразно иногда допрашивать в отсутствие подсудимого, если это, по мнению суда, будет способствовать получению достоверных показаний. После допроса несовершеннолетнего свидетеля суд знакомит подсудимого с показаниями свидетеля.

По окончании допроса свидетель, не достигший шестнадцатилетнего возраста, удаляется из зала заседания, кроме случаев, когда суд по своей инициативе или по ходатайству участников процесса признает присутствие его в зале суда необходимым (ст. 285 УПК РСФСР, ст. 307 УПК УССР).

Участвующие в допросе несовершеннолетнего свидетеля педагоги и врачи помогут суду создать обстановку, располагающую свидетеля к даче правдивых показаний. Они могут посоветовать суду, в какой последовательности и как лучше сформулировать свидетелю вопросы¹.

Несовершеннолетнему свидетелю вначале нужно предложить рассказать о себе (назвать фамилию, имя, отчество, номер школы, в которой учится, класс, домашний адрес, место работы родителей). Затем председательствующий может задать свидетелю несколько отвлеченных вопросов, позволяющих несовершеннолетнему освоиться с обстановкой и помогающих установить с ним контакт. При допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей важно вначале их расположить к себе, создать непринужденную обстановку, а затем уже допрашивать.

Исходя из этой посылки, начинать допрос таких лиц необходимо с беседы на отвлеченные темы, не относя-

¹ В ст. 162 УПК УССР (в редакции 1927 г.) предусматривалось, что педагог и врач в протоколе допроса свидетеля указывали «свое мнение о продуманности и правдивости данных показаний». В действующем УПК УССР, как и в УПК других союзных республик, таких указаний нет.

щиеся к делу. Такими темами, близкими несовершеннолетнему, могут быть: школа, учеба, товарищи по классу, пионерская работа, спорт, кружки, книги, любимые занятия, родители, друзья, увлечения, планы и т. п.

Только после того, как допрашивающий почувствует, что беседой на указанные темы он расположил к себе несовершеннолетнего, можно постепенно переходить к выяснению вопросов, относящихся к обстоятельствам дела. Этот переход должен быть естественным и плавным; предыдущая беседа должна подвести к разговору на основную тему — об обстоятельствах дела, которые известны свидетелю и интересуют суд. После свободного рассказа свидетеля ему задают четкие и конкретные вопросы. Председательствующий обязан пресекать любые попытки задавать таким свидетелям наводящие или улавливающие вопросы. Допрашивающие должны учитывать, что малолетним свидетелям особенно трудно не только понять вопрос, но и сформулировать на него ответ. В литературе отмечается, что точность и полнота восприятия и воспроизведения сложных явлений зависят от характера связи ее элементов со словом. Например, при экспериментах с учениками первого класса было установлено, что наиболее полно и точно они воспроизводили обычные предметы, а наименее точно и полно композиции из элементов, не имеющих специальных названий. В любом случае дачи показаний имеет место словесный анализ¹.

Когда суд располагает сведениями, что допрос в зале суда отрицательно повлияет на несовершеннолетнего или на его показания, тогда целесообразно допросить свидетеля в привычной для него обстановке (в школе, дома, детском саду и т. п.).

Допрос несовершеннолетнего, и особенно малолетнего свидетеля, должен по возможности быть кратким, неутомительным. Не случайно в литературе отмечалось, что допрос детей не должен превышать одного часа². Как правило, допрос должен быть проведен за более короткий срок. При небольшой продолжительности он не будет связан с особыми перегрузками для малолетнего свидетеля. Здесь нужно исходить из того, что чем моложе свидетель, тем короче должен быть его допрос.

¹ О. И. Никифорова, Значение речи для точности воспроизведения зрительного образа, «Вопросы психологии» 1961 г. № 1, стр. 136.

² А. Л. Цыпкин, Судебный допрос в советском уголовном процессе, канд. диссертация, М., 1938, стр. 179.

Глава пятая

ДОПРОС ЭКСПЕРТА

1. Производство экспертизы в суде состоит из нескольких последовательных этапов, отражающих деятельность как суда и участников процесса, так и судебного эксперта.

Вначале суд и участники процесса выясняют данные о личности эксперта и суд предупреждает его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за отказ от дачи заключения. Затем эксперт участвует в исследовании доказательств, обстоятельств дела, относящихся к предмету экспертизы: в допросах подсудимых, потерпевших, свидетелей, в судебных осмотрах, экспериментах и других судебных действиях.

После выяснения обстоятельств, имеющих значение для производства экспертизы, суд и участники процесса в письменном виде формулируют эксперту вопросы, суд выносит определение о назначении экспертизы и эксперт приступает к выполнению необходимых исследований. Закончив исследование, он составляет письменное заключение и оглашает его в судебном заседании. После этого, если возникает необходимость, эксперта допрашивают с целью получить разъяснения или дополнения заключения.

Указанный порядок производства экспертизы предусмотрен в ст. ст. 288 и 289 УПК РСФСР.

Закон не случайно предоставляет суду и участникам судебного разбирательства право допросить эксперта. Этот завершающий этап производства экспертизы в суде должен позволить суду и участникам процесса устранить все сомнения, возникшие в связи с производством экспертизы, получить необходимые разъяснения и дополнения заключения эксперта, оглашенного в судебном заседании.

Каждое заключение судебного эксперта представляет собой результат использования каких-то специальных знаний для решения конкретного обстоятельства дела. У суда и участников процесса, не обладающих такими специальными знаниями, какими располагает эксперт, естественно, могут возникнуть вопросы, требующие дополнительной аргументации эксперта. Не каждое заключение и не каждый вывод эксперта столь доказательны и убедительны, что у суда и участников процесса после оглашения письменного заключения не может возникнуть необходимости поста-

вить эксперту ряд вопросов для разъяснений, дополнения, уточнения заключения. Судебная практика показывает, что в большинстве случаев после оглашения экспертом в суде письменного заключения суд и участники процесса ставят ему вопросы, т. е. производят допрос.

Допрос эксперта — одно из эффективных средств проверки научной обоснованности, мотивированности экспертного заключения.

Успех допроса эксперта судом и участниками процесса во многом зависит и от уровня их знаний научных основ, методики производства экспертизы. Разумеется, нельзя рассчитывать, что суд и участники процесса могут обладать глубокими познаниями во всех многочисленных видах судебных экспертиз. В. Гольдинер пишет: «От защитника нельзя, конечно, требовать основательных знаний во всех областях науки и техники». И это совершенно правильно. «Однако, — далее указывает этот автор, — уровень его развития и способность усвоения должны быть таковы, чтобы он мог в короткое время овладеть знаниями в той или иной специальной области»¹. С последним утверждением никак нельзя согласиться. Современная наука достигла такого уровня развития, что даже теоретически нельзя допустить, чтобы защитник по каждому делу мог овладеть незнакомой ему отраслью знаний. Кстати, это не только невозможно, но и не требуется. Уровень специальных знаний защитника, как и любого другого участника процесса, определяется их процессуальным положением. Вряд ли и в будущем наступит время, когда и эксперт, и суд, и участники процесса будут обладать равными специальными знаниями. Однако очевидно, что определенным минимумом специальных знаний суд и участники процесса должны располагать. Эти минимальные знания должны касаться прежде всего распространенных в практике видов судебных экспертиз (криминалистической, судебно-медицинской и др.) и относиться к возможностям, современному состоянию экспертиз, предмету и методике исследования, характеру и объему материала, который должен быть у эксперта.

2. Предметом допроса эксперта могут быть самые разнообразные по своему характеру обстоятельства, тре-

¹ В. Гольдинер, Анализ доказательств и установление фактических обстоятельств в защитительной речи, «Советская юстиция» 1967 г. № 14, стр. 19.

бующие его специальных знаний. Но любые из них должны относиться к предмету проведенной экспертизы. Это значит, что вопросы суда и участников процесса должны касаться объектов, исследованных экспертом в пределах вопросов, которые им разрешались и нашли отражение в заключении и выводах эксперта.

Если у суда или участников процесса возникают новые вопросы, касающиеся тех же или других объектов, не исследованных экспертом, и требующие самостоятельных исследований, то такие вопросы выясняются не в порядке допроса эксперта (ст. 289 УПК РСФСР), а путем назначения новой или дополнительной экспертиз (ст. ст. 288, 290 УПК РСФСР).

Вопросы, предлагаемые эксперту в процессе его допроса, должны быть направлены на получение от эксперта разъяснений или дополнений его письменного заключения (ст. 289 УПК РСФСР). Тема и содержание допроса эксперта обусловлены объемом проведенных экспертом исследований, очерчены и ограничены предметом конкретной экспертизы. Из этого следует, что суд и участники процесса вправе ставить не абстрактные научные вопросы, а лишь такие, которые, относясь к предмету экспертизы, позволяют эксперту разъяснить или дополнить свое заключение.

В этой связи возникает вопрос о правомерности постановки эксперту вопроса об общих научных положениях конкретного вида судебной экспертизы, проведенной в суде.

В судах нередко эксперту ставят вопросы: «Имеются ли научные основы данного вида экспертного исследования?», «Достоверно ли, что папиллярный узор каждого человека строго индивидуален?», а иногда даже и такой: «Встречаются ли в практике такого-то вида судебной экспертизы ошибки?». Нетрудно заметить, что, хотя все подобные вопросы относятся к теоретическим, научным основам судебной экспертизы, их характер различный.

Постановку вопроса о научных основах конкретного вида экспертизы в ряде случаев следует признать закономерной.

Конечно, вряд ли было бы уместно ставить эксперту такой вопрос в отношении традиционных видов экспертизы. Многолетняя экспертная практика, высокий теоретический уровень научных исследований традиционных объектов экспертизы создали прочную научную базу эксперт-

ных исследований. Поэтому ставить вопрос о научных основах идентификационных почерковедческих, дактилоскопических, баллистических, трасологических и подобных экспертиз нет никакой необходимости. Однако в последние годы в судебную практику внедряются и новые виды судебных экспертиз, научные основы которых еще только разрабатываются, формулируются. Например, судебная автотехническая экспертиза (многие положения которой еще не нашли четкого и единообразного решения), дендрохронологические исследования древесины и другие виды экспертиз. В отношении подобных «молодых» видов судебных экспертиз постановка вопроса о научных основах является вполне закономерной. Разъяснение экспертом общих научных положений, на которых основано конкретное заключение проведенной им экспертизы, позволит суду и участникам процесса более квалифицированно анализировать и оценивать заключение эксперта.

Постановка вопросов такого характера целесообразна в отношении и традиционных видов судебных экспертиз в случаях, если экспертом применялась новая методика исследования или исследовались объекты, которые обычно не бывают объектом экспертного исследования.

В последнее время разрабатывается методика идентификации гладкоствольного охотничьего оружия по следам на дробь, картечи и пуле. Это — новый вид криминалистического исследования, и поэтому, если экспертиза будет проведена в суде, естественно, могут быть поставлены эксперту вопросы о научных основах данного вида экспертного исследования.

В СССР эффективно разрабатывается методика идентификации личности по подписям, цифровым записям с помощью электронно-вычислительных машин (ЭВМ). В будущем эксперты-криминалисты смогут использовать ЭВМ и при производстве конкретных экспертиз. В таких случаях постановка эксперту в суде вопросов о научных основах подобного машинного метода идентификации является безусловно оправданной.

Разумеется, со временем, когда будет накоплен большой и положительный опыт производства новых видов экспертиз или новых методов экспертных исследований, необходимость в постановке таких вопросов отпадет. Суду и участникам процесса будет известно, что эти виды экспертиз и исследований имеют прочные научные основы. Поэтому следует признать, что на определенных этапах

развития теоретических и методических положений отдельных видов экспертиз или экспертных методик постановка эксперту вопроса о научных основах проведенной экспертизы является вполне закономерной и помогает суду и участникам процесса в оценке заключения¹.

Следует признать допустимым и постановку эксперту по существу справочных вопросов, относящихся к предмету экспертизы, проведенной им. Эти вопросы, как правило, касаются частных положений, относящихся к научным основам экспертизы. Суд и участники процесса могут поставить эксперту вопросы: «Достоверно ли, что почерк, внешность каждого человека, каждый экземпляр топора, протектора, обуви и т. п. является индивидуальным и неповторимым?», «Действительно ли почерк взрослого человека (35—40 лет) за определенный отрезок времени (5—10 лет) не подвергается существенным изменениям, препятствующим идентификации личности?» Подобные вопросы целесообразны, если у суда и участников процесса возникают по таким обстоятельствам сомнения. Ответы эксперта явятся по существу разъяснением данного им заключения.

Конечно, такого характера вопросы должны ставиться эксперту, если действительно общие или частные научные положения экспертизы недостаточно ясны. В противном случае ответы эксперта превратятся в «лекцию», от которой не будет никакой пользы «слушателям».

Встречающиеся еще иногда в судебной практике вопросы эксперту о том, допускают ли вообще эксперты ошибки в своих заключениях, нужно признать недопустимыми. Ответ на такой вопрос не требует специальных знаний эксперта, он не относится к предмету экспертизы, и поэтому эксперты вправе на него не отвечать.

3. УПК союзных республик предъявляют определенные требования к вопросам, которые могут быть при допро-

¹ З. М. Соколовский отмечал, что при оценке заключения почерковедческой экспертизы не следует оценивать общие научные положения криминалистической экспертизы письма. Оценке подлежат частные научные положения (З. М. Соколовский, Оценка заключения криминалистической экспертизы письма, М., 1959, стр. 22—23). Это положение правильно в отношении традиционных идентификационных почерковедческих исследований. Однако в последние годы эксперты-почерковеды решают уже и неидентификационные задачи; научные основы таких экспертных исследований еще только создаются. Поэтому оценка общих научных положений таких исследований, как и постановка об этом эксперту вопросов, является правомерной.

се поставлены эксперту (см. ст. 289 УПК РСФСР). Эксперту могут быть заданы вопросы «для разъяснения или дополнения данного им заключения», сказано в УПК РСФСР.

Таким образом, направленность вопросов, их характер четко определены законом.

Вопросы, требующие разъяснения эксперта, преследуют цель получения его объяснений, которые сделают заключение более ясным и понятным. По своему содержанию эти вопросы направлены на получение информации, касающейся: общих и частных научных основ данного вида экспертизы; избранной методики исследования; характера выявленных и использованных признаков; критериев определения необходимой идентификационной или иной совокупности признаков; объема и характера сравнительного материала, его достаточности для исследования; научно-технических средств, использованных экспертом; литературы, посвященной методике исследования объектов экспертизы; возможных противоречий в заключении, в частности, между выводами и результатами исследования. Вопросы, относящиеся к указанным обстоятельствам, направлены на получение от эксперта ответов, являющихся по своему существу разъяснением заключения.

Вопросы эксперту могут быть заданы и для дополнения его заключения. Ответы эксперта на такие вопросы должны сделать заключение более аргументированным, восполнить возможные пробелы в мотивировке его выводов.

Вопросы, направленные на дополнение заключения, обычно относятся к его мотивированности. Чаще всего суд и участники процесса интересуют: все ли признаки, положенные в основу выводов, изложены в заключении, отражены в иллюстрациях (схемах, фотоснимках, чертежах, макетах и др.); каким образом производился экспертный эксперимент (описанный в заключении кратко); почему эксперт в отношении одной группы объектов пришел к одним выводам, а в отношении другой группы, часто аналогичных объектов, — к другим выводам и т. п.

Постановка при допросе эксперта вопросов для разъяснения и дополнения заключения поможет суду и участникам процесса лучше анализировать заключение эксперта и более правильно его оценить.

4. Все многообразие вопросов, которые суд и участни-

ки процесса могут задать эксперту для разъяснения и дополнения его заключения, сводится по существу к двум группам. Первая группа — это вопросы теоретического и справочного характера, вторая — методического. К этим группам относятся примерно такие вопросы:

1) каковы научные основы проведенного экспертом исследования;

2) какие методики исследования используются при экспертизе определенных объектов;

3) разработаны ли приемы исследования данных объектов, каковы их возможности;

4) почему не все признаки оценены экспертом, почему отдано предпочтение одной группе признаков;

5) достаточно ли было у эксперта оборудования, научно-технических средств для исследования;

6) не был ли эксперт ограничен во времени для исследования;

7) почему эксперт пришел к выводу о групповой принадлежности, а не о тождестве, к вероятному, а не категорическому выводу;

8) чем объяснить, что на иллюстрациях эксперта не указаны все признаки, перечисленные в заключении;

9) почему другой эксперт, исследовавший те же объекты, пришел к иному выводу. В чем причина различных выводов экспертов по одним и тем же объектам;

10) могли ли определенные явления иметь место в таком виде, как их описал подсудимый, потерпевший, свидетель.

Разумеется, приведенный перечень неисчерпывающий, он лишь раскрывает характер вопросов, которые, как правило, ставят экспертам в ходе допроса. Конкретные обстоятельства дела, как известно, и определяют конкретное содержание вопросов.

5. Порядок допроса экспертов в судебном заседании во многом зависит от того, сколько экспертов производило экспертизу и каков характер экспертизы (комиссионная, комплексная или повторная).

Если в суде производилась комиссионная экспертиза и все эксперты пришли к одному выводу, составили одно письменное заключение, то, как правило, допрашивают того из экспертов, который огласил заключение. Однако в этом случае может быть и иной порядок. Один эксперт оглашает заключение, а другой или даже другие эксперты отвечают на устные вопросы в ходе допроса.

Разумеется, если эксперты пришли к различным выводам, то каждый из них составляет свое письменное заключение, сам его оглашает и отвечает во время допроса на вопросы.

В случаях производства в суде комплексной экспертизы заключение оглашает один эксперт, а во время допроса на вопросы отвечает либо тот же эксперт, либо каждый из экспертов в зависимости от того, к специальности кого из них относятся вопросы.

При производстве повторной экспертизы в суде, если эксперты пришли к одному выводу, допрашивать можно любого из экспертов. Чаще всего допрашивают эксперта, представляющего суду заключение в письменном виде, т. е. того, кто оглашает заключение.

Допрос эксперта может быть проведен в форме основного, дополнительного, перекрестного допросов.

При основной форме допроса суд и участники процесса в последовательности, предусмотренной УПК, ставят эксперту четкие и понятные вопросы и заслушивают его ответы. При этом используются тактические приемы допроса: уточнение, детализация, сопоставление, позволяющие сделать ответы точными и конкретными, понятными суду и участникам процесса.

Эффективен перекрестный допрос эксперта. Он позволяет более детально и обстоятельно выяснить данные, интересующие суд и участников процесса.

Вопросы эксперту суд и участники процесса задают устно. Вопросы и ответы на них заносятся в протокол судебного заседания (ст. 311 УПК УССР; ст. 302 УПК Туркменской ССР, ст. 263 УПК Молдавской ССР).

М. А. Чельцов и Н. В. Чельцова считают «желательным, чтобы все сколько-нибудь сложные вопросы облекались в письменную форму»¹. С данной рекомендацией, ныне противоречащей прямым указаниям ряда УПК союзных республик (ст. 311 УПК УССР), нельзя согласиться. Допрос эксперта проводится в рамках данного им в письменном виде заключения. Как вопросы, так и ответы **лишь** разъясняют и дополняют письменное заключение и **не** содержат принципиально новых фактов, имеющих **самостоятельное** доказательственное значение. Поэтому **нет** надобности в ходе допроса как ставить эксперту **вопросы** в пись-

¹ М. А. Чельцов и Н. В. Чельцова, Проведение экспертизы в советском уголовном процессе, М., 1954, стр. 213.

менном виде, так и отвечать ему в письменной форме. Можно лишь согласиться с тем, что в порядке подготовки к допросу эксперта суду и участникам процесса целесообразно иногда в письменном виде сформулировать сложные и наиболее важные с их точки зрения вопросы, чтобы использовать затем свои заметки при допросе¹. Однако письменная форма вопросов в данном случае нужна допрашивающим, а не эксперту. Любые вопросы при допросе эксперту задают устно.

В тех же случаях, когда в ходе допроса возникают новые вопросы, требующие дополнительных экспертных исследований, порядок представления эксперту вопросов должен быть таким же, как и в любом случае назначения экспертизы судом (ст. 288 УПК РСФСР).

Глава шестая

ФИКСАЦИЯ В СУДЕ ПОКАЗАНИЙ ПОДСУДИМОГО, ПОТЕРПЕВШЕГО, СВИДЕТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА

1. Статья 264 УПК РСФСР предусматривает, что показания подсудимых, потерпевших, свидетелей подробно записываются в протокол судебного заседания. Секретарь судебного заседания фиксирует из показаний допрошенных лиц все, что имеет отношение к существу дела. Статья 87 УПК УССР еще более конкретно указывает, что в протоколе должно быть «подробное содержание записанных в первом лице показаний подсудимого, потерпевшего и свидетелей».

Протоколировать показания в судебном заседании не так просто, как кажется на первый взгляд. Если трудно фиксировать показания следователю, имеющему, как правило, высшее юридическое образование и определенную криминалистическую подготовку, то тем более это трудно делать в судебном заседании секретарю, которому приходится протоколировать показания многих лиц в течение сравнительно короткого времени и записывать все, что

¹ М. Г. Любарский, Производство экспертизы в суде первой инстанции, автореферат канд. диссертации, М., 1966, стр. 9.

происходит в судебном разбирательстве дела. Статья 244 УПК РСФСР обязывает секретаря судебного заседания «полно и правильно излагать в протоколе действия и решения суда, а равно действия участников процесса, имевшие место в ходе заседания». Чтобы отразить в протоколе все имеющие значение для дела обстоятельства председательствующему следует в ходе допроса обращать на них внимание секретаря. Наиболее важные положения целесообразно формулировать тотчас же, чтобы секретарь мог их записать. Если допрашиваемый неправильно или многословно выражает свою мысль, то секретарь может изложить ее короче и яснее¹. Однако при этом основное содержание должно быть достаточно подробно изложено и по возможности с учетом языковых особенностей речи допрашиваемого².

Проверка правильности результатов допроса и определение доказательственного значения показаний, полученных в суде, зависит от полноты и качества записей в протоколе судебного заседания. Показания подсудимых, свидетелей, потерпевших должны быть записаны четко и ясно.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» отмечал: «По ряду дел не обеспечивается точное протоколирование всего хода судебного рассмотрения. Часто в протоколе судебного заседания перечисляются лишь формальные моменты процесса, а объяснения и показания допрашиваемых лиц, заявления участников процесса записываются сокращенно, неточно, а иногда и перефразируются настолько, что не представляется возможным решить вопрос о правильности действий суда и соответствии приговора данным, установленным в судебном заседании»³.

Отметив серьезные недостатки в протоколах судебного заседания, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 1 от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности» обязал суды «принять меры к улучшению качества судебных документов и прежде всего приговоров,

¹ Б. С. Тетерин, Протокол судебного заседания, М., 1960, стр. 80.

² «Теория доказательств в советском уголовном процессе», часть Особенная, М., 1967, стр. 98—101.

³ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1963 г. № 3, стр. 6.

решений, определений, постановлений, а также протоколов судебного заседания»¹. Вышестоящие суды, проверяя законность и обоснованность приговора, особое внимание обращают на протоколы судебных заседаний. Если в них небрежно, неполно, нечетко зафиксированы показания подсудимых, потерпевших или свидетелей, то это может привести к отмене приговора.

Протокол судебного заседания должен составляться секретарем судебного заседания, и на него законом возложена обязанность правильно фиксировать показания подсудимых, потерпевших и свидетелей. Невыполнение данного требования является нарушением закона.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 14 марта 1953 г. по делу Алтаева, Кима и Жабунова говорится: «Из заявления участвовавшего в судебном заседании в качестве секретаря Байзакова видно, что он подписался под протоколом судебного заседания, но писал протокол член областного суда Кузиметов, под председательством которого рассматривалось дело. Это утверждение Байзакова подтверждается тем, что приговор и протокол судебного заседания по данному делу написаны одним и тем же почерком. При таких нарушениях закона вызывает сомнение правильность записей показания подсудимых и свидетелей, занесенных в протокол судебного заседания, как равным образом и правильность приговора»².

Чтобы в протоколе судебного заседания полно и правильно фиксировались показания, в частности, свидетелей, секретарю нужно при окончательном оформлении протокола использовать письменные заметки и документы, которыми пользовался свидетель в момент дачи показаний.

Как известно, ст. 284 УПК РСФСР предоставляет право свидетелю при допросе его в суде пользоваться письменными заметками в тех случаях, когда его показания относятся к каким-либо цифровым и другим данным, которые трудно удержать в памяти. Эти заметки, указано в УПК, должны быть предъявлены суду по его требованию, документы же, прочтенные свидетелем, приобщаются к делу. По нашему мнению, следовало бы на указанные заметки распространить ту же регламентацию, что и на документы, и приобщать их к делу. При таком положении

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1967 г. № 2, стр. 12.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1953 г. № 4, стр. 31—32.

секретарь судебного заседания смог бы их использовать при составлении и оформлении протокола.

В ст. 241 УПК Узбекской ССР указывается, что если суд признает необходимым, то свидетели и потерпевшие подписывают в протоколе судебного заседания свои показания. Такой порядок целесообразно было бы предусмотреть в УПК всех союзных республик и распространить его и на подсудимых. Статья 264 УПК РСФСР предоставляет участникам процесса (в том числе и подсудимым, потерпевшим) право ознакомления с протоколом в течение трех дней с момента его составления. В течение этого срока было бы целесообразным, чтобы лица, чьи показания зафиксированы в протоколе, ознакомились с ним и подписали часть протокола с показаниями¹.

Как отмечалось, протоколирование показаний подсудимых, свидетелей, потерпевших представляет известные трудности, и нередко участники процесса представляют замечания на протокол, поскольку в нем показания отдельных лиц записаны неполно или даже неправильно.

Лучшей, чем обычное протоколирование, формой записи показаний допрошенных в суде лиц является стенографирование. УПК некоторых союзных республик предусматривали стенографирование показаний в суде. Так, ст. 244 УПК Казахской ССР указывает: «Допускается ведение протокола в стенографической записи». Аналогичная норма содержится в ст. 242 УПК Узбекской ССР. Стенографирование позволит более полно и точно зафиксировать показания. Расшифрованную стенограмму необходимо предъявить допрошенным лицам для ознакомления. Своими подписями (наряду с подписью стенографа) они должны удостоверить правильность записей.

В настоящее время при допросе свидетелей, потерпевших и подсудимых может быть использована и магнитофонная запись².

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. ст. 264 УПК РСФСР дополнена частью

¹ В отношении свидетелей такая рекомендация уже высказывалась в литературе (Р. Д. Рахунов, Свидетельские показания в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 129; его же, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 265, а также М. Виленский, Зеркало процесса, «Известия» № 275 от 18 ноября 1964 г.).

² Интересно отметить, что А. Е. Брусиловский и М. С. Строгович еще в 1934 году в статье «Свидетельские показания в качестве судебных доказательств» (сб. «Методика и техника следственной работы», Киев, 1934, стр. 161), говоря о следственном допросе, писали: «...проб-

второй такого содержания: «Во время судебного разбирательства может применяться звукозапись допросов. В этом случае фонограмма прилагается к протоколу судебного заседания, в котором делается отметка о применении звукозаписи».

Из приведенного дополнения к ст. 264 УПК РСФСР следует, что речь идет не о замене протокола судебного заседания магнитофонной записью. Для этого, помимо других причин, нет еще и достаточной технической базы. Магнитофонная запись может использоваться пока в качестве вспомогательного средства фиксации, в дополнение к протоколу судебного заседания. Целесообразно прибегать к магнитофонной записи для фиксации наиболее существенных показаний, при допросе лиц, которые из-за болезни не могут быть допрошены в зале суда, и т. п.¹.

Признавая безусловную полезность применения звукозаписи в суде, нельзя не отметить и некоторые трудности, связанные с чисто практическим ее использованием. Во-первых, необходимо четко определить, чьи показания необходимо записать с помощью магнитофона, а это не всегда можно сделать заранее. Часто такая необходимость возникает уже в ходе самого допроса. Предлагать же допрашиваемому повторять свои показания только для того, чтобы их записать, нельзя. Статья 141 УПК РСФСР запрещает следователю записывать часть допроса, а также предлагать повторить показания специально для звукозаписи. Данное правило целесообразно распространить и на звукозапись допроса в суде. Во-вторых, во время допроса подсудимые, свидетели, потерпевшие нередко дают показания, которые в какой-то части или даже полностью не содержат доказательственной информации. Запись таких показаний на магнитофонную ленту будет напрасной тратой времени. Вот почему к звукозаписи показаний в суде следует обращаться в тех случаях, когда абсолют-

лема протокола не так проста, лучше стенограмма допроса свидетеля, еще лучше фонограмма, еще лучше кинофонограмма».

А. И. Винберг и А. А. Эйсман в работах «Фототелеграфия и звукозапись в криминалистике» (РИА ВЮА, М., 1946); «Новые методы фиксации и демонстрации судебных доказательств» («Социалистическая законность» 1946 г. № 4—5, стр. 23) предлагали использовать магнитофонную запись показаний допрашиваемых.

¹ Л. Карнеева, Использование звукозаписи в суде, «Советская юстиция» 1966 г. № 14, стр. 19—20. В этой статье Л. М. Карнеева обстоятельно рассматривает вопрос о применении звукозаписи в судебном разбирательстве.

но очевидно, что иная форма фиксации будет менее эффективной, что без звукозаписи секретарю будет трудно полно и правильно записать показания допрашиваемого лица.

Секретарь судебного заседания может производить запись на магнитофоне, затем использовать ее для окончательного оформления и корректировки протокола судебного заседания. При этом обязательно должно быть указано, что при оформлении протокола использовалась магнитофонная лента и что она прилагается к протоколу. В таком виде использование магнитофона соответствует действующему уголовно-процессуальному законодательству РСФСР.

2. В протоколе судебного заседания необходимо фиксировать основные данные о личности эксперта, производившего экспертизу в судебном заседании. Секретарь должен указать фамилию, имя, отчество эксперта, место его работы и стаж экспертной деятельности, ученую степень и звание.

Статья 289 УПК РСФСР предусматривает допрос эксперта после оглашения им письменного заключения для разъяснения и дополнения его заключения.

Статья 311 УПК УССР предусматривает, что вопросы, поставленные эксперту, и ответы на них заносятся в протокол судебного заседания. Из этого следует, что как вопросы, так и ответы формулируются устно, а их содержание заносится в протокол судебного заседания. Следовало бы предоставить эксперту возможность ознакомиться с той частью протокола судебного заседания, которая содержит записи вопросов, предложенных ему, и его ответы. Такое ознакомление позволило бы устранить многие неточности в ответах, которые допускают при их фиксации секретари судебных заседаний. Целесообразно также, чтобы к протоколу судебного заседания прилагались иллюстрации, использованные экспертом для доказывания своего вывода в судебном заседании. Правильная фиксация ответов эксперта в суде помогает их оценке вышестоящим судом.

Если в суде прослушивалась запись показаний подсудимых, свидетелей, потерпевших, данных при расследовании, то в соответствии со ст. ст. 281, 286 УПК РСФСР в протоколах судебного заседания делаются об этом отметки.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СУЩНОСТЬ СУДЕБНОГО ДОПРОСА

§ 1. Предмет судебного допроса и его особенности	3
§ 2. О судебной этике и нравственных началах судебного допроса	9
§ 3. Формы судебного допроса	19

ГЛАВА ВТОРАЯ. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТАКТИКИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО ДОПРОСА

§ 1. Подготовка к судебному допросу	32
§ 2. Тактические приемы судебного допроса	42
§ 3. Постановка вопросов в допросе	52

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДОПРОС ПОДСУДИМЫХ

§ 1. Общие положения допроса подсудимых	60
§ 2. Тактические приемы допроса различных категорий подсудимых	65

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ДОПРОС ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ

§ 1. Общие положения допроса потерпевших и свидетелей	76
§ 2. Использование данных психологии показаний потерпевших и свидетелей в допросе	81
§ 3. Тактические приемы допроса различных категорий потерпевших и свидетелей	92
§ 4. Особенности допроса малолетних и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей	101

ГЛАВА ПЯТАЯ. ДОПРОС ЭКСПЕРТА 106

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ФИКСАЦИЯ В СУДЕ ПОКАЗАНИЙ ПОДСУДИМОГО, ПОТЕРПЕВШЕГО, СВИДЕТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА 114